

Пути Поднебесной

Выпуск XII
Часть 1

Минский государственный лингвистический университет
Минский городской научно-педагогический центр «Тайген»
Кафедра теории и практики китайского языка МГЛУ

**ПУТИ
ПОДНЕБЕСНОЙ
中国之路**

Сборник научных трудов
论文集

Выпуск XII
第十二集

Минск
МГЛУ
2025

УДК 811.581:378.016:903(510)
ББК 81.711.1+26.890(5Кит)+95.4
П901

Сборник основан в 2006 году

Рекомендовано
Редакционным Советом МГЛУ
17 марта 2025 г., протокол № 1 (75)

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор *A. Н. Гордей* (отв. ред.);
кандидат филологических наук, доцент *Н. В. Михалькова* (зам. отв. ред.);
кандидат педагогических наук, доцент *М. С. Филимонова*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Р. Боровой*;
кандидат искусствоведения, доцент *Е. Ф. Шунейко*

Рецензенты:
кандидат филологических наук, доцент Н.В. Дардыкова;
кандидат филологических наук, доцент М.Л. Лебедева

**Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. XII. В 2 ч. Ч. 1 / редкол. : А. Н. Гордей П901 (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2025. – 176 с.
ISBN 978-985-28-0299-4 (Ч. 1)
ISBN 978-985-28-0298-7.**

Сборник научных трудов подготовлен по материалам XII Международной научной конференции «Китайская цивилизация в диалоге культур», проходившей в Минске 19-20 марта 2025 г. Представленные в сборнике научные статьи освещают широкий круг проблем китаеведения в таких отраслях научного знания, как лингвистика, литературоведение, международные отношения, история, философия, юриспруденция, религиоведение, искусствоведение, педагогика.

Адресован научным работникам, преподавателям китайского языка и литературы, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем интересующимся китаеведением.

УДК 811.581:378.016:903(510)
ББК 81.711.1+26.890(5Кит)+95.4

Электронная версия издания доступна
в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0299-4 (Ч. 1)
ISBN 978-985-28-0298-7

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2025
©ОО МГНПЦ «Тайген», 2025

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Н. Н. ВОРОПАЕВ

О СООТНОШЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДЯНЬГУ И ЧЭНЬЮЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Важные знания о событиях истории, культуре Китая, а также фрагменты китайской философии и литературной классики на протяжении веков зафиксировались в виде аллюзивных фразеологизмов дяньгу. Четырёхсложные дяньгу перешли в категорию наиболее употребительных фразеологизмов чэньюй.

Ключевые слова: китайский язык, фразеология, дяньгу, чэньюй, прецедентные феномены, китайская языковая личность.

N. N. VOROPAEV

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PHRASEOLOGICAL UNITS DIANGU AND CHENGYU IN THE CHINESE LANGUAGE

Important knowledge about the events of history, culture of China, as well as fragments of Chinese philosophy and literary classics have been recorded over the centuries in the form of allusive phraseological units diangu. Four-syllable diangu have moved into the category of the most commonly used phraseological units chengyu.

Key words: Chinese language, phraseology, diangu, chengyu, precedent phenomena, Chinese linguistic personality.

В любом языке существуют меткие устойчивые выражения, которые люди склонны употреблять в своей речи. В китайском языке наиболее употребительным видом фразеологизмов является чэньюй. Очень часто китайцы, резюмируя какую-либо ситуацию, склонны употребить соответствующий чэньюй. Можно сказать, что на все случаи жизни в Китае есть подходящий чэньюй. И количество чэньюев огромно. Эта особенность китайской языковой личности формируется длительный период, начиная с самого раннего возраста. «Чэньюи – это лаконичные и меткие словосочетания или фразы, которые с давних времён постоянно используются народом. Большинство чэньюев состоят из четырёх иероглифов и, как правило, имеют источник. Некоторые чэньюи несложно понять, буквально воспринимая каждый иероглиф, но для понимания значения некоторых необходимо ознакомиться с историей их происхождения или сюжетом (дяньгу), лежащем в их основе» [8, с. 137].

Наш опыт показывает, что для полноценной коммуникации с китайцами каждому изучающему китайский язык иностранцу необходимо владеть максимально возможным количеством чэньюев. Однако понимать и заучивать чэньюи нелегко.

Подавляющее большинство чэньюев сформированы на основе каких-либо древних текстов-источников или исторических событий/литературных сюжетов и они сложны для понимания. Как показали наши исследования яснее понять и запомнить структуру и суть чэньюев может помочь изучение фразеологизмов китайского языка дяньгу [3].

До недавнего времени дяньгу в основном рассматривались только в первом своём значении «сюжет». Однако мы не можем игнорировать достаточно большое количество языковых словарей дяньгу, которые издаются в Китае параллельно со словарями фразеологизмов чэньюй [4, 10, 11]. Полагаем, что изучение дяньгу как первоосновы китайской идиоматики позволит нам лучше понять специфику фразеологизмов чэньюй.

В китайском языке в силу большой длительности непрерывной исторической и литературной традиции накопилось огромное количество классических прецедентов, которые были зафиксированы многократно в разного рода поэтических и прозаических письменных текстах в различных формах (как правило от двуслога до семислога) и превратились во фразеологизмы дяньгу. «Дяньгу – это сюжеты или слова/выражения (тропы) из древних книг, упоминаемые или цитируемые в поэзии и прозе» [8, с. 242].

Если сказать более развёрнуто, то слово дяньгу по большому счёту употребляется в китайском языке в двух функциях: 1. для обозначения классических сюжетов/прецедентов (событий истории, описанных в разных произведениях и вымышленных эпизодов литературных произведений) 2. для обозначения языковых единиц, с помощью которых в языке и культуре зафиксировалась информация и память об этих событиях и эпизодах и которые используются как стилистические тропы. Далее для удобства мы будем разграничивать две эти функции слова дяньгу путём использования обозначений дяньгу-сюжеты и дяньгу-тропы.

Аллюзивные дяньгу-тропы в Китае подразделяют на два вида устойчивых выражений: сюжетные/событийные дяньгу 事典 ‘дяньгу-сюжеты/события’ – разнообразные по форме устойчивые выражения, которые в поэзии, прозе и речи указывают на конкретную старинную историю/сюжет или событие. И цитатные/словесные дяньгу 语典 ‘дяньгу-высказывания/цитаты’ – слова или выражения из конкретных источников, цитируемые в поэзии, прозе и речи [11, с. 1].

Наши исследования показали, что подавляющая масса наиболее употребительных китайских фразеологизмов чэньюй базируется на дяньгу-сюжетах/событиях (事典) и дяньгу-цитатах (语典) [3].

После анализа словарей дяньгу и чэньюев становится ясно, что дяньгу и чэньюй единицы по содержанию равнозначные. И те и другие включают в себя ген или продукт древности, то есть передают фрагментарно очень сжато информацию о событии истории / литературном эпизоде или цитируют литературное/философское произведение посредством избранных из соответствующих текстов определённых иероглифов или фраз.

Дяньгу и чэньюи это своего рода сокращения, которые очень характерны и для современного китайского языка. В современном языке этот механизм работает для сокращения специальной терминологии или разного рода наименований учреждений и тому подобного.

Однако дяньгу-тропы и чэньюи являются сокращениями не терминов или слов, но сокращениями или представителями в современном китайско-

язычном культурном пространстве целых фрагментов древних стихотворений или текстов. И для полного понимания смыслов чэньюев и дяньгу-тропов приходится читать описания дяньгу-сюжетов, то есть читать специальные тексты в специальных сборниках или словарях, поясняющие истории происхождения чэньюев и дяньгу.

Читая тексты о происхождении чэньюев и дяньгу-тропов, мы понимаем, что во время таких сокращений на усмотрение разных авторов тех давних времён, которые хотели в своём произведении задействовать тот или иной сюжет или процитировать какое-либо произведение древности, избирались ключевые элементы в виде отдельных иероглифов.

Анализ современных словарей дяньгу показал, что существует очень много дяньгу-тропов, которые состоят из 2-х, 3-х и 4-х иероглифов. Видимо считалось, что чем меньше иероглифов избрано для намёка/ссылки на древний источник/сюжет, тем изящнее будет произведение. Но позже для более ясного и полного выражения идеи, заимствованной из древних источников, авторы стали использовать более развёрнутые заимствования из 4-х и более иероглифов. И самый благозвучный и ритмически устойчивый вариант в виде четырёхслога превратился в самый распространённый вид таких дяньгу-тропов, стал именоваться готовым выражением (чэньюй) и начал выходить в более широкое употребление, приобщая большее количество образованных людей к традиционной культуре Китая.

Дяньгу-сюжеты/события это такие фразеологизмы, которые могут иметь нестандартную форму (то есть не обязательно состоять из 4-х иероглифов) и компоненты которых не являются избранными из каких-либо текстов, например: 诸葛亮七擒孟获 ‘Чжугэ Лян семь раз пленил Мэн Хо’ (в 225 году Чжугэ Лян убедил, наконец, Мэн Хо, вождя народности И, сдаться, после того, как семь раз брал в плен и отпускал его). Данное дяньгу не входит ни в словари дяньгу, ни в словари чэньюй, но включено в сборник «108 исторических дяньгу, которые обязательно должны знать ученики начальной школы» [6, с. 36] в качестве заголовка к тексту об этой истории. В названии данного сборника слово дяньгу используется в значении «сюжет». На основе данного сюжета/события возник в китайском языке и стандартный четырёхсложный фразеологизм дяньгу/чэньюй 七纵七擒 или 七擒七纵 ‘семь раз быть освобождённым и семь раз попадать снова в плен’, обр. иметь дело с более искусным противником, добивающимся полной добровольной капитуляции (по преданию о полководце Чжугэ Ляне, семь раз пленившем вождя южных инородцев). Ланний ляньгу возник уже на основе текста «Жизнеописание Чжугэ Ляна из царства Шу» в «Записях о Трёх царствах» (《三国志·蜀诸葛亮传》), и его уже можно отнести в дяньгу/цитате. В большом словаре дяньгу даны 8 вариантов этого дяньгу (七获, 七禽, 七擒略, 七擒七纵, 七纵, 七纵擒, 擒孟获, 纵擒有策) [11, с. 598]. По поводу варианта 七禽 в словаре даётся пояснение, что 禽 это древняя форма иероглифа 擒. И этот факт подчёркивает для нас древность этих языковых единиц. Заглавным дяньгу в статье является 七纵七擒. Хотя в большом словаре чэньюев дан вариант 七擒七纵, что более логич-

но, так как сначала надо кого-то пленить, и потом только можно отпустить [12, с. 854]. Хотя для сферы дяньгу, как мы видим по вариантам, важно только сделать намёк, и не важно в какой это форме, это могут быть только два иероглифа, и если ты эту историю не знаешь, текст не читал, со словарями не работал, то никакого намёка и аллюзии в этих двух иероглифах не увидишь.

Другой пример дяньгу-сюжета/события 尧舜让位 ‘Яо уступает трон Шуню’ из этого же сборника [6, с. 27]. Подобных фразеологизмов дяньгу также достаточно много в сборнике [9], где они являются заголовками текстов-описаний к картинам, например: 三碗不过冈 ‘Выпьешь три чашки и не пройдёшь перевала’ (так назывался кабачок, в котором У Сун остановился выпить и перекусить перед переходом через перевал Цзинъянган по дороге в родной уезд Цинхэ; по роману «Речные заводи»), 武松打虎 ‘У Сун убивает тигра’ (на перевале Цзинъянган У Сун столкнулся с тигром, которого смог победить), 黄忠请战 ‘Хуан Чжун просится на фронт’ (великий полководец царства Шу-Хань (? — 220) будучи в преклонном возрасте вызвался на битву с царством Вэй и одержал победу). И хотя многие из этих языковых единиц и обладают формой четырёхслога, они не включаются в словари чэньюев или словари дяньгу. Это единицы особого рода, они являются прецедентными фразеологическими единицами. По своей сути они, конечно же, для нас иностранцев соотносимы с дяньгу и чэньюями, просто китайская лексикографическая традиция ещё не готова включать их в словари дяньгу и чэньюев в силу видимо того, что в них слишком силён фактор прототипа, он пока перевешивает идиоматичность. И пока их описания встречаются только в специальных сборниках [9].

Как показывают изученные материалы, чэньюев, в основе которых лежат дяньгу-цитаты, намного больше. Какой бы чэньюй мы не рассматривали, про него как правило сообщается, что источником является такой-то текст. Рассмотрим пример дяньгу-цитаты/чэньюя из серии сборников [7], которая также показательна с точки зрения категоризации чэньюев по сферам жизнедеятельности человека. Здесь мы видим сборники под такими названиями как «Успех и поражение» (成败篇), «Стремление вперёд» (进取篇), «Слава и деньги» (名利篇), «Единство и солидарность» (团结篇), «Облик» (形貌篇), «Нужда и бедность» (贫苦篇), «Уродливые явления» (丑恶篇), «Дружба, любовь, привязанность» (情义篇).

Например, в сборнике «Единство и солидарность» (团结篇) приводится чэньюй 近悦远来 ‘[когда] близние довольны – дальние приходят’ (обр. в знач.: благодеяние своего народа привлекает в страну других), о котором сообщается, что источником его является Раздел Цзы-лу Лунь Юя (《论语·子路》) и приводится фраза, на основе которой был сформирован этот чэньюй: 叶公问政。子曰：近者说（悦），远者来。‘Шэ-гун спросил о сущности истинного правления. Учитель ответил: – Надо добиться такого положения, когда вблизи радуются, а издалека стремятся прийти’. Как видно, для образования чэньюя были избраны ключевые иероглифы, устраниён служебный элемент 者 [7, с. 61].

В большом словаре дяньгу кроме заглавного канонического дяньгу/чэньюя 近悦远来 даны три варианта этого дяньгу 悅近来远, 悅来, 悅远 [11, с. 388]. Как мы видим, это всё вариации на тему базового дяньгу-тропа/чэньюя 近悦远来, и если хорошо запомнить и знать канонический чэньюй (заглавный дяньгу-троп), то все прочие варианты в разного рода стихах и текстах распознать вполне возможно, и чётко понять намёк и посыл автора. Это же можно сказать и про приведённый выше дяньгу 七纵七擒, и, полагаем, про большинство дяньгу. И так выглядят статьи по большинству дяньгу-тропов, а у некоторых дяньгу количество вариантов достигает более 65 [2].

Таким образом, в большом словаре дяньгу представлены все возможные варианты дяньгу-тропов, которые использовали авторы предыдущих эпох и могут использовать современные поэты и писатели в своих произведениях. Причём некоторые 4-х сложные варианты в статьях словарей дяньгу-тропов, получается, не являются каноническими чэньюями и не входят в словари чэньюев, например, в данном случае это 悅近来远.

Можно сделать вывод, что разница между дяньгу и чэньюями в том, что дяньгу-тропы могут быть любой количественной формы от двуслога до, как правило, семислога, а чэньюи в подавляющем большинстве четырёхсложные. Получается, функция дяньгу-тропа в том, чтобы зафиксировать или передать в любой форме (на усмотрение автора того или иного текста) тот или иной прецедент китайской истории и культуры или цитату. Но в силу того, что прецедентов этих благодаря долгой истории и непрерывной письменной традиции накопилось огромное количество, то и дяньгу-тропов тоже очень много, и не все они одинаково широко известны.

Также дяньгу-тропы, особенно двусложные и трёхсложные присущи, видимо, больше письменной коммуникации. Поэтому самые важные прецеденты китайской культуры зафиксированы в форме более стабильных и ритмически устойчивых единиц языка, пригодных и для устной речи – четырёхсложных чэньюев. И основная масса чэньюев активно осваивается всеми социализированными китайцами в процессе обучения в детском саду, школе и в вузе. А вот большим количеством дяньгу-тропов владеют скорее всего только учёные-филологи и любители классики, писатели и поэты. Поэтому скорее всего для них в больших словарях дяньгу часто и даются все возможные варианты дяньгу-тропов.

В словарях же чэньюев даются только в одном варианте уже готовые для использования в речи выражения обычно из 4-х иероглифов, созданные на основе дяньгу-сюжетов и на основе устоявшихся четырёхсложных дяньгу-тропов, выбранных в качестве канонических чэньюев. Поэтому видимо правильнее понимать и переводить слово и понятие чэньюй на русский язык следует не просто как готовые выражения, но выражения, готовые или подходящие для широкого и активного использования в устной и письменной языковой коммуникации подавляющим большинством социализированных носителей китайского языка.

Получается, что чэньюи – это стабилизированные четырёхсложные дяньгу-тропы, выведенные в широкое массовое использование. Чэньюи можно уподобить своего рода ракетам-носителям, которые из глубин древнего космоса китайской культуры доносят для активного употребления широкими массами китайцев в современном дискурсе в удобной и стабильной форме наиболее важные знания о событиях истории и культуре, а также фрагменты китайской литературной классики, одновременно обогащая китайский язык.

Дяньгу-тропы другой количественной формы (двуслоги, трёхслоги), а также менее известные четырёх- и более сложные дяньгу-тропы, являются не менее мощными и важными культурными элементами, но уже более высокого порядка, которые знают и используют в своих произведениях особого рода только очень начитанные и образованные китайцы, писатели, поэты или те китайцы, которые любят читать древнюю классику и литературу на вэньяне.

Конечно, есть и ряд двусложных и трёхсложных дяньгу-тропов, которые тоже достаточно широко известны в Китае, например, 推敲 ‘обдумывать каждое слово (об авторе); обдумывать, взвешивать; всесторонне обдумывать; подбирать (слова, выражения)’ (выражение связано с именами поэта эпохи Тан 贾岛 Цзя Дао [779–843] и философа, историка, писателя, поэта, каллиграфа 韩愈 Хань Юя [768–824]).

Вот, например, как использовал в своей популярной книге для рабочих, крестьян и кадров низшего звена «Начальный курс стилистики» в 1962 году это дяньгу известный китайский лингвист и деятель реформы письменности Ни Хайшу (1918–1988) (倪海曙). Последнюю 16-ю главу книги он озаглавил так: «Когда пишешь, следует обдумывать каждое слово» (写时要推敲).

Так как эта небольшая книжка адресована рабочим и крестьянам, то автор посчитал необходимым дать пояснение ключевому слову/дяньгу этой главы 推敲 следующим образом: 唐朝有一个诗人叫贾岛，他写了一首诗，里面有一句“僧推月下门”，写后 he 觉得那个“推”字用得不太好，想改用一个“敲”字。他想来想去，改来改去，走在路上也一边想，一边用手一会儿做出推门的样子，一会儿做出敲门的样子，最后改成了“僧敲月下门”。后人就把“推敲”这两个字用作斟酌字句的意思。‘Poэт Цзя Дао, живший во времена династии Тан, написал стихотворение, в котором была строка «Монах толкает (отворяет) залитые лунным светом ворота». Закончив стихотворение, он почувствовал, что слово «толкать» в этой строке использовано не совсем удачно, поэтому он хотел вместо него использовать слово «стучать». Он думал об этом снова и снова, и менял эти два слова между собой снова и снова. Идя по дороге, он жестами то показывал, что толкая отворяет ворота, то показывал, что стучится в ворота, и, наконец, решил остановиться на слове «стучать»: «Монах стучится в залитые лунным светом ворота». И последующие поколения стали использовать эти два слова «толкать-стучать» в значении «всесторонне обдумывать; подбирать (слова, выражения)»’ [5, с. 33].

Правда, господин Ни Хайшу не рассказал в этой книге о забавном эпизоде, когда поэт Цзя Дао, всё ещё сомневаясь в выборе слова, ехал на ослике

и, так же, увлёкшись выбором одного из этих слов и размахивая руками, не уступил дорогу кортежу Хань Юя, который тогда занимал пост правителя столичного округа. После того, как его остановили телохранители Хань Юя, Цзя Дао поделился проблемой выбора слова с Хань Юем. Тот, тоже будучи поэтом, проникся и посоветовал остановиться на слове 敲. Так они стали друзьями. Поэтому то и есть в большом словаре дяньгу следующие варианты дяньгу 推敲, которое является заглавным в статье: 驴背敲诗, 驴背推敲, 骑驴冲大尹, 骑驴客, 敲推, 敲吟, 吟扣僧门 [11, с. 794]. Как видим, хотя среди вариантов есть четырёхслоги, но на данный сюжет четырёхсложный чэньюй не родился, видимо китайские деятели и любители изящной словесности решили оставить этот прецедент и образовавшееся значение в сфере дяньгу и по сюжету и по форме выражения в виде двусложной единицы языка.

Почему же Ни Хайшу не мог озаглавить эту главу просто, например, словосочетанием 斟酌字句 ‘обдумывать формулировку, взвешивать каждое слово’? Здесь, полагаем, проявилась особенность китайской языковой личности, которая заключается в склонности к апелляции к прецедентным феноменам (именам, высказываниям, текстам и ситуациям). И многие прецедентные имена, высказывания как раз являются фразеологизмами дяньгу, которые происходят из прецедентных текстов и ситуаций [1]. Как показывают приведённые выше примеры, по своему характеру подавляющее большинство фразеологизмов дяньгу и чэньюй являются прецедентными, то есть связанными с китайской историей и культурой.

Важнейшие фразеологизмы чэньюй, как мы уже сказали выше, заучиваются китайцами в период обучения в детском саду, средней школе и вузе. Таким образом, формируется китайская языковая личность, которая наполнена выбранными знаниями о культуре и истории своей страны, которые упакованы в стабильные языковые единицы, прошедшие отбор от размытой нестабильной стадии фразеологизмов дяньгу до стадии готовых для употребления в устной речи всеми социализированными китайцами фразеологизмов чэньюй. Кроме этого издаются специальные сборники о сюжетах дяньгу и сборники о фразеологизмах чэньюй, где даются подробные описания историй их возникновения, даются толкования значения. Подобные издания, полагаем, призваны поддерживать прецедентность фразеологизмов дяньгу и чэньюй в сознании носителей китайского языка с целью сохранения исторической памяти китайского народа.

Уверены, что дальнейшее исследование феномена дяньгу и прочих прецедентных феноменов китайскоязычного культурного пространства, а также соотношения фразеологизмов дяньгу и чэньюй, позволит нам лучше понимать китайскую языковую личность и более эффективно выстраивать коммуникацию с нашими китайскими друзьями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропаев, Н.Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. канд. филол. наук. Москва, 2012.

2. Воропаев, Н.Н. Классические сюжеты дяньгу Китая для воспитания детей // Дети в языке и культуре: (избранные) материалы конференции, Москва, 23-24 ноября 2023 г. / Отв. ред. Т.А. Михайлова. Москва: МАКС Пресс, 2023.
3. Воропаев, Н.Н. От дяньгу к чэньюй // VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 1–3 октября 2024 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2024.
4. 李翰文. 中华典故 / 翰文李. – 沈阳 : 万卷出版公司 , – 2007.–341 页。 = Ли Ханьвэнь. Дяньгу Китая / Ханьвэнь Ли. – Шэньян: Издательская компания «Десять тысяч свитков», – 2007. – 341 с.
5. 倪海曙. 初级修辞讲话 / 海曙倪. –上海 : 教育出版社 , – 1962. – 35 页。 = Ни Хайшу. Начальный курс стилистики / Хайшу Ни. – Шанхай: Издательство «Просвещение», – 1962, – 35 с.
6. 邱彩君. 小学生一定要知道的 108 个历史典故 / 彩君邱. –呼和浩特 : 远方出版社 , – 2009. – 164 页。 = Цю Цайцзюнь. 108 исторических дяньгу, которые обязательно должны знать ученики начальной школы / Цайцзюнь Цю. – Хух-Хото: Издательство Юаньфан, – 2009, – 164 с.
7. 王俊. 读成语·识天下 : 走进中国传统文化/俊王.-北京 : 开明出版社 , – 2015. – 122 页。 = Ван Цзюнь. Изучай чэньюи и познаешь Китай: знакомство с традиционной культурой Китая / Цзюнь Ван. – Пекин: Издательство Каймин, – 2015. – 122 с.
8. 现代汉语词典. – 北京 : 商务印书馆,–1993. – 1581 页。 = Словарь современного китайского языка. – Пекин: Коммерческое издательство, – 1993. – 1581 с.
9. 颐和园长廊彩画故事 : 汉英对照/精典博雅编. – 北京 : 五洲传播出版社, –2008.–208 页。 = Рассказы в цветных картинах Галереи Чанлан парка Ихэюань: параллельные тексты на китайском и английском языках/серия Эрудит. – Пекин: Издательство Учжоу Чуаньбо, – 2008. – 208 с.
10. 于石. 常用典故词典 / 石于. – 上海 : 上海辞书出版社 , – 2007. – 479 页。 = Юй Ши. Словарь часто используемых дяньгу / Ши Юй. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, – 2007. – 479 с.
11. 赵应铎. 中国典故大辞典 / 应铎赵.-上海 : 上海辞书出版社,-2014. –1359 页。 = Чжао Индо. Большой словарь дяньгу Китая / Индо Чжао. – Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, – 2014. – 1359 с.
12. 朱祖延. 汉语成语大词典 / 祖延朱.-北京 : 河南人民出版社,- 1985. – 1819 页。 = Чжу Цзуянь. Большой словарь чэньюев китайского языка / Цзуянь Чжу. – Пекин: Хэнаньское народное издательство, – 1985. – 1819 с.

Информация об авторе:

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

ФЕНОМЕН 国潮 В СОВРЕМЕННОМ
КИТАЕ: ЯЗЫКОВАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ТRENDA

Статья посвящена исследованию феномена 国潮 (*gōchao*) как важного социокультурного тренда в современном Китае, отражающего возрождение интереса к национальной культуре и способствующего формированию национальной идентичности. В работе рассматриваются ключевые аспекты языковой репрезентации феномена *gōchao*, а также их роль в популяризации национальной культуры среди китайской молодежи.

Ключевые слова: 国潮 (*gōchao*), языковая репрезентация, социокультурный тренд, китайская молодежь, национальная идентичность, массовая культура, китайский язык.

D. D. DONDOKOV
V. S. MOROZOVA

THE PHENOMENON OF 国潮 IN MODERN CHINA:
LINGUISTIC REPRESENTATION OF A SOCIOCULTURAL
TREND

The paper studies the 国潮 phenomenon as an important sociocultural trend in contemporary China which reflects the revival of interest in national culture and contributing to the formation of national identity. The authors examine the key aspects of the 国潮 phenomenon linguistic representation and their role in popularizing national culture among Chinese youth.

Key words: 国潮 (*China Chic*), linguistic representation, sociocultural trend, Chinese youth, national identity, mass culture, Chinese language.

Введение

国潮 *guójcháo* ‘китайская волна, *gōchao*’ – это социокультурный феномен, обозначающий возрождение и переосмысление китайского традиционного наследия в контексте современности. Буквальный перевод наименования анализируемого социокультурного феномена ‘китайская волна’ символизирует стремление к популяризации традиционных китайских брендов, символов, стилей и элементов в различных сферах – от моды и дизайна до искусства и бизнеса. Это явление отражает глубокие изменения в восприятии китайцами собственной культуры, а также усиление национальной идентичности в условиях глобализации за последние пять лет [2].

Феномен *gōchao* также тесно связан с изменениями в языке, где наблюдается активное использование множества неологизмов и выражений, отражающих дух времени и стремление к сохранению культурного наследия, что становится частью более масштабных процессов культурной репрезентации в китайском обществе. Роль языка в репрезентации социокультурного феномена заключается в том, что язык не только служит средством общения, но и

активно формирует восприятие и интерпретацию культурных особенностей. Через язык передаются значения, символы и стереотипы, отражающие ценности, нормы и традиции общества. Более того, современные возможности цифровых технологий позволяют отражать различные представления о действительности через различные типы дискурса [1], а языковая репрезентация позволяет сохранить культурные феномены, влияя на их восприятие в разных исторических и социальных контекстах.

Гочао стал одним из наиболее заметных трендов на платформе 抖音 *Доуинь* (приложение TikTok для Китая) в 2022 году, отражая рост интереса китайских пользователей к национальной культуре и местным брендам. Доуинь, являясь самой популярной китайской платформой для создания и просмотра коротких видеороликов, охватывает широкий спектр контента, включая развлекательные, образовательные и рекламные материалы и пользуется огромной популярностью среди молодежи. Согласно отчету Доуинь, 31 % пользователей платформы поддерживают национальные бренды и ценят культурное наследие Китая. *Гочао* становится не просто модным направлением, но и частью новой волны потребления, связанной с национальной идентичностью и гордостью за традиции.

Методология исследования

В настоящей статье приводятся результаты анализа использования термина **国潮 *гочао*** в 2024 году, полученные с помощью мини-программы **微信指数** (WeChat Index), которая является широко признанным инструментом для измерения популярности и частоты упоминания ключевых слов в экосистеме **微信** (WeChat). WeChat – это крупнейшая многофункциональная платформа в Китае, объединяющая возможности мессенджера, социальных сетей, платежных сервисов и множества других функций. Выбор данного подхода обоснован тем, что WeChat Index предоставляет актуальные (в режиме реального времени) и релевантные (пользователи платформы, как правило, граждане Китая) данные, а это позволяет провести всестороннюю оценку динамики употребления термина **国潮 *гочао*** в публичном дискурсе. Учитывая, что WeChat продолжает оставаться одной из наиболее популярных и влиятельных платформ в Китае, анализ данных этой программы позволяет получить репрезентативную картину интересов и предпочтений пользователей. Данный методологический подход обеспечивает комплексный анализ феномена *гочао*, что особенно важно для понимания его актуального статуса и роли в современной китайской культуре.

Результаты и обсуждение

Динамику популярности запросов по ключевому слову **国潮** за период с января 2024 г. по январь 2025 г. иллюстрирует график (рисунок 1).

Рисунок 1 – Популярность запросов по термину **国潮** (январь 2024 – январь 2025)

Анализ тренда показывает, что его популярность носит сезонный характер, связанный с культурными событиями и маркетинговыми кампаниями. Основные пики интереса наблюдаются в феврале-марте (春节 ‘китайский Новый год’), августе-сентябре (подготовка к 国庆节 ‘День образования КНР’) и октябре-ноябре (双十一 ‘День холостяка’), когда внимание к китайской культуре и традициям возрастает. В мае активность усиливается благодаря Дню китайских брендов (10 мая) и акции #520 国货表白日 ‘День признания в любви к товарам китайского производства’. Между пиками интерес стабилизируется или снижается, что объясняется цикличностью потребительского поведения. Таким образом, популярность феномена **国潮 gochaо** тесно связана с социокультурными событиями и их отражением в потребительских трендах.

На диаграмме (рисунок 2) представлен анализ источников трафика по ключевому слову **国潮** (gochaо). Очевидно преобладание видеоканалов (视频号), которые составляют 85,06 % от общего объема. Публичные аккаунты (公众号) занимают второе место с 11,39 %, подчеркивая их роль в распространении информации. Остальные источники, такие как прямые трансляции (1,86 %), веб-страницы (1,28 %) и поиск (0,36 %), имеют минимальное влияние. Соответственно, основным форматом для изучения и популяризации феномена **国潮 gochaо** является видеоконтент, который играет ключевую роль в формировании общественного мнения и понимании культурных трендов в Китае.

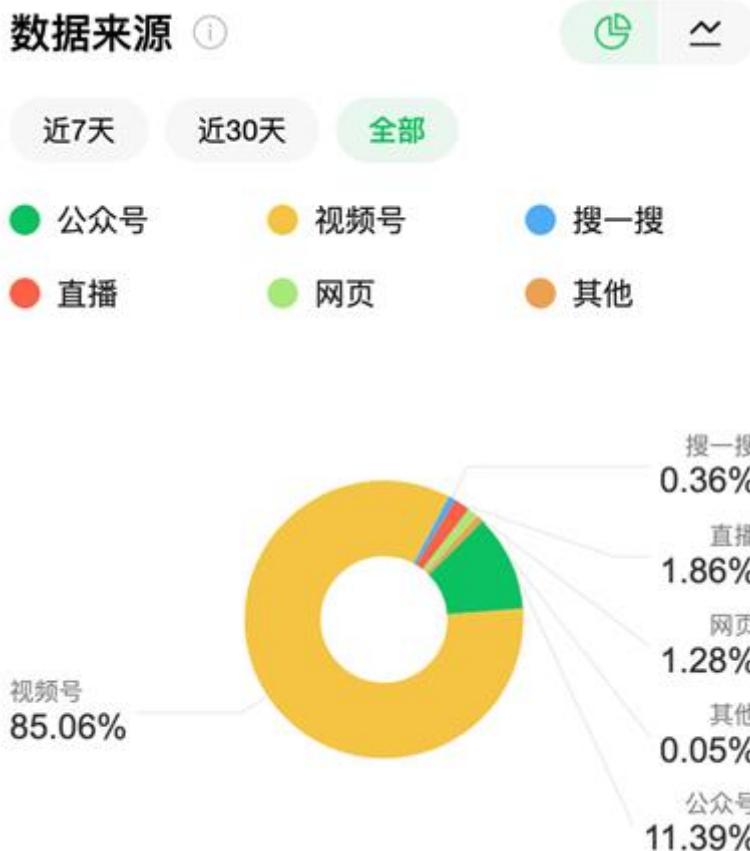

Рисунок 2 – Анализ источников данных по термину 国潮 (январь 2024 – январь 2025)

Репрезентация gochao в китайском научном дискурсе

Анализируя работы китайских исследователей по теме статьи можно проследить историю формирования самого концепта 国潮 gochao, которая состоит из связанных между собой понятий – 中国潮 ‘китайская волна’, 中国风 ‘китайский стиль’, 国风 ‘национальный стиль’, 国货潮 ‘тренд на национальные товары’, 国潮风 ‘стиль gochao’ – все эти термины закреплялись в языке на разных этапах его развития, отражая изменения в восприятии культурных приоритетов общества [16]. В отличие от распространённых в начале нового столетия в узких кругах «песен в китайском стиле», «китаистической горячки/го-сюэ жэ», «бума ханьфу» и др. группы, участвующие в gochao и покрываемые им отрасли, шире, культурное проникновение сильнее, формы проявления многообразны и концентрированы, gochao вызвал широкий интерес и горячее обсуждение у разных слоев общества, в связи с этим также называется «новым gochao» [Приводится по: 30]. В научной литературе также можно встретить и идеи об усилении «мягкой силы» в контексте активизации феномена 新国潮 ‘новый gochao’, который набирает популярность не только в культурной сфере Китая, но и стремительно набирает обороты на международной арене, превращаясь в новый ориентир мировых трендов [25]. Последний тезис доказывает прецедент «мамяньцюнь» и Диор, вызванный 16 июля 2022 года и занявший первое место в списке популярных поисковых

запросов в Weibo [22]. В работах китайских учёных отмечается трансформация от “中国制造” ‘Сделано в Китае’ до “中国创造” ‘Создано в Китае’ [17]. «Сделано в Китае/中国制造/made in China» постепенно избавилось от отрицательного значения и стало местословием для качества [10]. Китайские бренды посредством участия в конкуренции на международном рынке способствуют повышению и улучшению отрасли, совершенствуют производственную цепочку, тем самым происходит трансформация от «Сделано в Китае» к «Сделано с умом в Китае». Последнее подразумевает применение технологических инноваций, в частности цифровых технологий: облачных вычислений, искусственного интеллекта, промышленного Интернета [5].

Аналитический обзор китайских научных статей позволяет сделать вывод, что катализатором распространения *гочао* стало участие китайского спортивного бренда Li-Ning в феврале 2018 года в Неделе моды в Нью-Йорке, 2018 год был повсеместно признан «первым годом *гочао*» [8]. Китайские учёные утверждают, что Li-Ning во многих исследованиях рассматривается как репрезентативный бренд моды *гочао* [18]. Во время распродажи 11 ноября 2018 года количество поисковых запросов, связанных с *гочао*, на китайском маркетплейсе Цзиндуn увеличилось в 5,4 раза, количество просмотров супертем о ханьфу также превысило 1 млрд. 730 млн [23].

2019 год стал годом быстрого развития культуры *гочао*, проектная группа «Жэнминь жибао» установила поп-ап павильон «Временная выставка *гочао*» на улице Саньлитунь Пекина [14]. В 2019 году развлекательные программы «Я жду тебя в Ихэюань», «Обновился, Гугун» BRTV, «Наши товары китайского производства», «Молодёжь *гочао*» Dragon TV, «Магазины, сделанные в Китае» Хунаньского телевидения и др. транслировались на многих телеканалах и видеохостингах всего Китая, тем самым вызвав бурный всплеск *гочао* в культурной и развлекательной индустрии [23]. В этом же году Институт культурной креативности Университета Цинхуа провёл первый «Форум культурной креативности *гочао* в Боао», в котором приняло участие большое количество китайских лидеров отрасли и экспертов, мероприятие стало ежегодным [8].

Высказывания представителей известных мировых брендов о производстве хлопка в Синьцзяне вызвали новый бум потребления продукции *гочао*, продиктованный отказом поколения Z от зарубежных брендов (в частности, кейс H&M от марта 2021 года) [22]. На сайте Bilibili в 2021 году количество любителей «китайского стиля» (*гофэн*) превысило 177 млн., среди них количество молодёжи от 18 до 30 лет составляло примерно 70%. Согласно докладу «Большие данные по поиску гордости за *гочао* в Байду в 2021 году», опубликованному Байду и Исследовательским институтом Жэнминьван за десять лет степень внимания к китайским брендам выросла с 38% до 70%. Что касается конкретных отраслей, наблюдался стабильный рост интереса к китайским брендам электроники, культурно-развлекательной сферы, одежды, автомобилей, косметики и продуктов питания [30]. По другим данным, за десятилетний период с 2012 по 2021 гг. степень внимания к *гочао* увеличилась

на 528% [26]. В июне 2021 года в преддверии Дня культурного и природного наследия (второй субботы июня) Доуинь представил «Встречу с новым *гочао* – Праздник покупок нематериального культурного наследия» [9]. В докладе «Большие данные по поиску *гордости за гочао* в Байду в 2021 году» указано, что «*гочао* уже вступил в эпоху 3.0... Эпоха *гочао* 1.0 была сконцентрирована на одежде, продуктах питания, товарах широкого потребления; эпоха *гочао* 2.0 распространилась на мобильные телефоны, автомобили и многие другие высокотехнологические предметы потребления китайского производства; в эпоху 3.0 содержание *гочао* расширилось, не ограничивается только реальными предметами, включается в себя национальную культуру и гордость за науки и технику» [цит. по: 19].

Мультимодальный дискурс становится мощным средством распространения *гочао*, телевидение продолжает играть немаловажную роль в оказании перлокутивного эффекта на аудиторию.

В начале 2021 года танцевальное шоу «Ночной пир во дворце династии Тан» на «Новогоднем гала-концерте» Хэнаньского телевидения пять раз входило в топ поисковых запросов. Выпущенный компанией «Чжунши синькэ» стикерпак по «Ночному пиру во дворце династии Тан» вызвал первую волну популярности медиапродукции, связанной с ним, затем появился стикерпак в Wechat для второго сезона «Ночного пира во дворце династии Тан». Популярность этого шоу привела к многочисленным отметкам Хэнаньского музея в социальных сетях от большой партии туристов во время китайского Нового года. В 2021 году Ctrip опубликовал «Отчёт о больших данных по туризму во время каникул на Праздник драконьих лодок в 2021 году», Чжэнчжоу попал в наиболее популярные 10 туристических мест [15]. Приведённые факты доказывают тезис китайских учёных, что «Ночной пир во дворце династии Тан» способствует популяризации *гочао* [3].

«Новогодний гала-концерт» на CCTV проходит с 1983 года. Из обсуждений в медиа и обратной связи от зрителей следует, что художественные номера с китайской спецификой 《只此青绿》 ‘Чжицзы цинлюй’, 《忆江南》 ‘Воспоминания о Цзяннани’, 《金面》 ‘Цзиньмянь’ на «Новогоднем гала-концерте» CCTV 2022 года эффективно выполнили задачу по модернизации традиционной культуры, заслужили одобрение зрителей, стали кульминацией всего концерта [7]. Музыкальная драма в стихах «Чжицы цинлюй» вызвала бурную реакцию зрителей, идеально художественно воспроизведя божественный ритм картины Ван Симэна (Северная Сун) «Горы и воды на тысячу ли». Благодаря этому темы интеграции креативности и культурных традиций, китайских культурных генов и функциональных запросов современного общества, выделения китайской культуры при проектировании/дизайне постепенно стали предметом интереса дизайнеров [21].

Богатая праздничная культура Китая способствует распространению *гочао*, поскольку проведённый в рамках настоящего исследования анализ показал, что пик популярности исследуемого тренда достигается в праздники. 3 октября 2022 года закончился второй сезон передачи «Китайские праздники»

Хэнаньской телерадиостанции, передача стала примером оригинального распространения традиционной китайской культуры, была признана Государственным управлением по делам радиовещания и телевидения КНР «инновационной высококачественной телерадиопередачей» [6]. 23 июня 2023 года серия телепередач Хэнаньской телерадиостанции «Китайские праздники» победила в номинации «Лучшая развлекательная программа» 28-й премии «Магнолия». Эта серия телепередач вызывала бурное обсуждение традиционной культуры молодёжью, подняла новый виток моды *гочао* [24].

Под влиянием *гочао* и для удовлетворения запросов медиаиндустрии в сети начали появляться в большом количестве музыка в стиле *гочао*, культурные программы, например, комплексные развлекательные программы «Glory is back», «Конечно! Гочао», «FOURTRY» [13]; мультфильмы, интерпретирующие китайские традиционные истории с нового ракурса – «Возвращение великого мудреца», «По ту сторону океана», поэтический мультфильм «Тридцать тысяч ли до Чанъаня» [12]; сериал «Цветение» (2023), снятый по мотивам одноимённого романа; фильм «Я тот, кто я есть» (2021) [11], аниме «Боевой континент», «Мастер тёмного пути» созданные Sparkly Key Animation Studio [22], 《中国奇谭》 ‘Китайский фольклор’, культурные передачи «Поэтическое собрание», «Сокровищница страны» [5]. «Нэчжа: рождение дьявола» был назван «светом китайской манги» [30].

Гочао начал расширять границы, начиная с «Милой девушки из дворца династии Тан» до подводной хореографии «Танец божества реки Ло», ставших популярными поисковыми запросами, заканчивая трендом на исследование старины, вызванной открытием золотой маски, найденной в жертвенных ямах города Саньсиндуй. Количество кликов «Феи реки Ло» по всему миру превысило 5 млрд. [9].

На концерте в честь Праздника середины осени на «Билибили» выступают контент-мейкеры поколения Z, например, участницы «женской группы 416 Шанхайской театральной академии» (Бянь Цзинтин и др.), ставшей популярной благодаря национальной песне «Актёр в красном» [29]. Под влиянием маркетингового тренда на платформах электронной коммерции, прямых эфиров и коротких видео, модели «интернет-знаменитостей» брендам нового *гочао* легче становиться хитами, Liushen и RIO, «White rabbit» и «Maxam» постоянно проводят трансграничные, кросс-платформенные маркетинговые акции, посредством интеграции многих брендов для предоставления нового опыта широким массам в полной мере удовлетворяют потребность широких масс по отношению к потребительской психологии «модности и индивидуальности», «патриотизма» [5]. Ключевые лидеры общественного мнения *гочао* представлены не только реальными людьми, постоянно появляются виртуальные айдолы национального стиля, например, Ling, Лю Еси, Нань Мэнся и др. [30].

Популярность «Девушки-неваляшки» в Доуинь и телесериала «Самый длинный день в Чанъане» вызвали популярность квартала «Неспящий Да-

тан» в Сиане. Во время Праздника весны в 2024 году примерно 930 000 туристов посетило «Древний город Лои» в Лояне (Хэнань) [29].

Китайские предприятия семимильными шагами врываются в эпоху экономики брендов. Например, производители бытовой техники Haier, Hisense, Gree, автомобильные марки BYD, Li Auto, NIO, производители смартфонов Хуавэй, Сяоми, OPPO, VIVO получили признание у потребителей на международном рынке, постепенно сформировали матрицу китайских брендов, тем самым *гочао* произвёл переход от товаров китайского производства к китайским брендам [9]. В декабре 2023 года на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики «товары китайского производства» впервые были включены в «новые точки роста потребления» [28]. Во «Временных правилах регулирования магазинов беспошлинной торговли в черте города», разработанных в августе 2024 года совместно пятью министерствами, в частности, Министерством финансов, Министерством коммерции и др., поощряется продажа товаров китайского производства. В «Исследовательском отчёте 2024 года о потребительском поведении и экономическом развитии *гочао* в Китае», опубликованном iiMedia Research, указано, что в 2023 году масштабы китайского рынка экономики *гочао* превышают 2 триллиона юаней. В 2024 году активизация точек роста потребления товаров китайского производства была включена в Доклад Госсовета КНР о работе Правительства [17]. Прогнозируется, что в 2028 году масштабы китайского рынка экономики *гочао* превысят отметку в 3 триллиона юаней [27].

Сказанное выше позволяет констатировать, что в современном китайском обществе наблюдается 国潮热 ‘бум *гочао*’ (термин Фу Сиси) [5].

Молодежь, родившаяся в 90-е, сыграла важную роль в способствовании возрождению *гочао*, следование за *гочао* и потребление товаров китайского производства стало модой и замкнутой культурой (圈层文化/cliquish culture) молодёжи [23]. Родившиеся в девяностые и нулевые стали основной массой, потребляющей товары *гочао*, их вклад в *гочао* равен примерно 60%, родившиеся после 1995 года находятся на первом месте и составляют четверть потребителей товаров *гочао* [8].

Хештеги # 我的国潮范儿 ‘#мой_стиль_гочао’, # 国潮由我造 ‘#гочао_создаётся_мной’ в Weibo прибегают к личным трендам, апеллируют к омоложению брендов. Рекламный дискурс старых и прославленных брендов (лаоцзыхао) посредством хештегов #我就是国潮 #я и есть *гочао* , #国潮由我造 #гочао_создаётся_мной , #国潮 young 势力 ‘#young_сила_гочао’ подчёркивает индивидуальность, самость, ввиду того, что китайская молодёжь придаёт большее значение этим ценностям [10].

Под влиянием пандемии электронный ритейл и культурное потребление онлайн стали пользоваться популярностью у категорий, ранее отдаленных от интернет-культуры (например, 银发族 ‘седоволосые интернет-пользователи’). И общественные споры, вызванные «Вторым дядей», и презентативные короткие видеоролики Ли Цзыци, Дин Чжэнь убедительно показывают, что современная оцифрованная повседневная реальность пре-

вращает индустрию коротких видеороликов в неизвестный/незанятый участок рынка культурного потребления поколения Z и интернет-пользователей среднего и старшего возраста (старше 40 лет) [20]. В связи с этим заслуживает внимания работа музеев по продвижению, в работах китайских учёных описываются вызывающие интерес коллаборации: совместный цифровой культурно-творческий проект Дуньхуанской академии и компании Tencent 敦煌诗巾 (Dome to Home) [19], культурно-творческие короткие видеоролики музеев популяризируют среди молодёжи историю музейных экспонатов (Гугун, Дуньхуан) [4], помада от Гугун, производимая компанией «Хуаси» – крупнейшим разработчиком, производителем и продавцом гиалуроновой кислоты [22].

Выводы

Исследование социокультурных феноменов, таких как 国潮 guócháo, важно для образовательных программ, связанных с преподаванием восточных языков и культур, особенно - китайского языка. Представленный в настоящем исследовании феномен отражает возрождение интереса к национальной культуре и связан с изменением ценностей Китая в условиях глобализации, играя ключевую роль в медиа, моде и технологиях. Его языковая презентация позволяет проследить адаптацию языка к культурным трансформациям, углубляя понимание специфики современного китайского общества. Изучение таких трендов в рамках учебных программ способствует формированию межкультурной компетенции студентов и осознанию связи между языком, культурой и национальной идентичностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щетинина, А. В. Языковая репрезентация идеи национального единения в медийном дискурсе / А. В. Щетинина, А. С. Семёхина // Вестник ТГПУ. – 2021. – №1 (213). – С. 18–27.
2. Wang, Zhe. Implementation of Chinese-styled branding in global fashion: ‘Guochao’ as a rising cultural identity / Zhe Wang // Fashion, Style & Popular Culture. – 2022. – Vol. 34. – pp. 149–183.
3. 安璐. 面向认知增强的国潮文化资源推荐策略 / 瑶安, 苗苗陈, 雅静郑 // 图书情报知识. – 2023. – №3. – 25–37 页. = Ань, Лу. Стратегии рекомендации культурных ресурсов gochaо для когнитивного усиления / Лу Ань, Мяомяо Чэнь, Яцзин Чэн // Книги, информация и знания. – 2023. – №3. – С. 25–37.
4. 陈淼.“国潮”媒介文化的符号学阐释——基于博物馆文创短视频的意指系统研究 / 淳陈 // 内蒙古社会科学. – 2023. – №3. – 205–212 页. = Чэнь, Мяо. Семиотическое описание медиакультуры gochaо – исследование знаковой системы на основе культурно-творческих коротких видеороликов музеев / Мяо Чэнь // Социальные науки Внутренней Монголии. – 2023. – №3. – С. 205–212.
5. 付茜茜. 新国潮：消费语境下中华传统文化的潮流形态 / 茜茜付 // 学习与实践. – 2023. – № 5. – 121–131 页. = Фу, Сиси. Новый gochaо: состояние традиционной китайской культуры в контексте потребления / Сиси Фу // Изучение и практика. – 2023. – № 5. – С. 121–131.
6. 高红波.“中国节日”国潮文化建构的四个关键点 / 红波高 宝奕王 鸿叶陈 // 传媒. – 2023. – № 3. – 18–20 页. = Гао, Хунбо. Четыре ключевые точки культурного конструирования gochaо «Китайских праздников» / Хунбо Гао, Бао Ван, Хунъе Чэнь // Медиа. – 2023. – № 3. – С. 18–20.

7. 宫承波.多重美学奏和弦 国风国潮领风骚——2022年总台春晚整体审美 / 承波宫, 琳王 // 电视研究. – 2022. – № 3. – 31–34 页. = Гун, Чэнбо. Мультиэстетика следует лидирующими позициям гоффэн и гочао – Целостная эстетика «Новогоднего гала-концерта на CCTV в 2022 г.» / Чэнбо Гун, Линь Ван // Исследования телевидения. – 2022. – № 3. – С. 31–34.
8. 胡钰.论国潮的时尚传播、消费文化与文创理念 / 钰胡 // 当代传播. – 2022. – № 6. – 55–58 页. = Ху, Юй. О распространении моды, культуры потребления и культурно-творческой концепции гочао / Юй Ху // Современные медиа. – 2022. – № 6. – С. 55–58.
9. 皇甫晓涛.从中国元素到中国潮品：“国潮”创意观念的变迁 / 晓涛皇甫 // 传媒. – 2022. – №2. – 27-29 页. = Хуанфу, Сяотао. От китайских элементов в продукции гочао: трансформация оригинальной концепции «гочао» / Сяотао Хуанфу // Медиа. – 2022. – №2. – С. 27-29.
10. 季芳芳.“国”何以“潮”：中华老字号国潮话语的编码与释义 / 芳芳季, 云菲把, 王雪玲 // 新闻与写作. – 2024. – № 7. – 102–109 页. = Цзи, Фанфан. Почему «государство» в тренде: кодирование и интерпретация дискурса гочао китайских лаоцзыхао / Фанфан Цзи, Юньфэй Ба, Сюэлин Ван // Новости и письмо. – 2024. – № 7. – С. 102–109.
11. 刘玉堂.“新国潮”语境下影视民俗的文化实践与认同建构 / 玉堂刘, 振鹏李 // 宁夏社会科学. – 2024. – № 4. – 188–196 页. = Лю, Юйтан. Фольклорные культурные практики в кино и телевидении, построение идентичности в контексте «нового гочао» / Юйтан Лю, Чжэнъпэн Ли // Социальные науки Нинся. – 2024. – № 4. – С. 188–196.
12. 卢晓雯.新国潮：传承发展中华优秀传统文化的创新实践 / 晓雯卢 // 河海大学学报(哲学社会科学版). – 2024. – № 4. – 60–68 页. = Лу, Сяовэнь. Новый гочао: Инновационные практики передачи и развития китайской культуры / Сяовэнь Лу // Вестник Хохайского университета (Серия «Философские и социальные науки»). – 2024. – № 4. – С. 60–68.
13. 马凌云.“国潮”热与中华优秀传统文化的创新呈现 / 凌云马 // 人民论坛·学术前沿. – 2021. – №24. – 129–131 页. = Ма, Линъюнь. Бум «гочао» и оригинальное выражение традиционной китайской культуры / Линъюнь Ма // Народная трибуна. Научные перспективы – 2021. – №24. – С. 129–131.
14. 孟霄.文化“触”动，筑梦“国潮”——从人民日报“有间国潮馆”体悟“国潮”传播新理念 / 霄孟 // 传媒. – 2021. – № 8. – 65–67 页. = Мэн, Сяо. Осмысление новой концепции распространения гочао через поп-ап выставку «Временная выставка гочао» Жэнминь жибао / Сяо Мэн // Медиа. – 2021. – № 8. – С. 65–67.
15. 孟晓辉.“新国潮”涌动下黄河文化元素的视觉盛宴——河南卫视“中国节日”系列节目的新探索 / 晓辉孟 // 传媒. – 2022. – № 19. – 43–45 页. = Мэн Сяохуэй. Визуальная презентация элементов культуры Хуанхэ в бум «нового гочао» – новое исследование серии передач «Китайские праздники» Хэнаньского телевидения / Сяохуэй Мэн // Медиа. – 2022. – № 19. – С. 43–45.
16. 蒙晓阳.“国潮”概念史：走向文化繁荣的历史演进 / 晓阳蒙、超凡杜 // 青年记者. – 2024. – № 7. – 94–102 页. = Мэн, Сяоян. История концепции “гочао”: историческая эволюция на пути к культурному процветанию / Сяоян Мэн, Чаофань Ду // Молодой журналист. – 2024. – № 7. – С. 94–102.
17. 木斯.国潮文化社交价值对时尚品牌购买意愿影响研究 / 斯木,青雷 // 价格理论与实践. 访问模式: <https://surl.li/ozhgqb>. = Ми, Сы. Исследование влияния социальной ценности культуры гочао на желание покупать модные бренды / Сы Ми, Цин Лэй // Теория и практика цен. – Режим доступа: <https://surl.li/ozhgqb>.
18. 邵昱.传统文化广告内容对国潮品牌消费者购买意愿的影响 / 昀邵,燕梁,圆吴 [et al.] // 毛纺科技. – 2024. – № 7. – 69–76 页. = Шао Юй. Влияние содержания рекламы традиционной культуры на желание потребителей покупать товары гочао / Юй Шао, Янь Лян, Юань У [и др.] // Наука и техника шерстопрядения. – 2024. – № 7. – С. 69–76.
19. 施州.数字时代国潮文化公益传播的创新策略——以“敦煌诗巾”为例 / 州施 // 青年记者. – 2022. – № 8. – 118–119 页. = Ши Чжоу. Инновационные стратегии бесплатного рас-

- пространения *гочао* в цифровую эпоху (на примере “From Dome to Home” / Чжоу Ши // Молодой журналист. – 2022. – № 8. – С. 118–119.
20. 王立新. “古风国潮”：在线短视频的现代性审美隐喻与意义生产机制 / 立新王 // 中国出版. – 2022. – № 19. – 39–42 页. = Ван Лисинь. «Архаичный *гочао*»: современные эстетические метафоры и механизмы производства смыслов коротких видеороликов онлайн / Лисинь Ван // Китайский издательский журнал. – 2022. – № 19. – С. 39–42.
21. 王文娟. 何以“只此青绿”——国潮美学的视觉传播机制及设计应用研究 / 文娟王, 惠萱王, 天予刘 [et al.] // 包装工程. – 2023. – № 24. – 58–65 页. = Ван, Вэньцзюань. Почему «чжицы цинлюй» — прикладное исследование механизма визуального распространения и дизайна эстетики *гочао* / Вэньцзюань Ван, Сюаньван Хуэй, Юйлю Тянь [и др.] // Инженерия упаковки – 2023. – № 24. – С. 58–65.
22. 王燕. Z 世代“国潮消费”的发展脉络、类型与动因 / 燕王, 和生范 // 中国青年研究. – 2024. – № 11. – 12–20 页. = Ван, Янь. Система, типы и причины развития «потребления *гочао*» / Янь Ван, Хэшэн Фань // Исследования китайской молодёжи. – 2024. – № 11. – С. 12–20.
23. 邢海燕. “国潮”与“真我”:互联网时代青年群体的自我呈现 / 海燕邢 // 西南民族大学学报(人文社会科学版). – 2021. – № 1. – 126–134 页. = Син, Хайянь. «*Гочао*» и «реальное я»: самопрезентация молодёжи эпохи Интернета / Хайянь Син // Вестник Юго-западного университета Миньцзу (Серия «Гуманитарные и социальные науки»). – 2021. – № 1. – С. 126–134.
24. 熊铮铮 视觉符号传播视角下国潮创意的文化自信探究——以河南卫视“中国节日”系列节目为例 / 锋铮熊, 民涛赵 // 新闻爱好者. – 2024. – № 2. – 87–89 页. = Сюн, Чжэнчжэн. Исследование культурной уверенности креативности *гочао* с точки зрения распространения визуальных символов (на примере серии передач «Китайские праздники» / Чжэнчжэн Сюн, Миньтао Чжао // Любители новостей. – 2024. – № 2. – С. 87–89).
25. 修明圆. “国潮国风热”:新时代传统文化传承发展的创新表达与实践探索 / 明圆修 // 福州党校学报. – 2024 . – № 4. – 56–63 页 = Сю, Минъюань. “*Гочао* и национальный стиль”: инновационное выражение и практическое исследование наследования и развития традиционной культуры в новую эпоху / Минъюань Сю // Журнал партийной школы Фучжоу. – 2024. – № 4. – С. 56–63 .
26. 杨明月. 中华优秀传统文化与潮流元素融合的现代文化产业发展趋势研究——基于国潮文化产业分析 / 明月杨, 尚君雷 // 价格理论与实践. – 2023. – № 10. – 56–60 页. = Ян, Минъюэ. Исследование тенденции развития современной культурной индустрии синтеза традиционной китайской культуры и трендовых элементов (на основе анализа культурной индустрии *гочао* / Минъюэ Ян, Шанцзюнь Лэй // Теория и практика цен. – 2023. – № 10. – С. 56–60.
27. 杨甜. 从消费到构建：青年国潮消费的心理机制研究 / 甜杨, 昕王, 苗苗陈 // 中国青年研究. – 2024. – № 11. – 21–30 页. = Ян, Тянь. От потребления к конструированию. Исследование психологических механизмов потребления *гочао* молодёжью / Тянь Ян, Синь Ван, Мяомяо Чэн // Исследования китайской молодёжи. – 2024. – № 11. – С. 21–30.
28. 袁文华. 国家认同视域下青年国潮消费的表征、动因与引领 / 文华袁 // 中国青年研究. – 2024. – № 11. – 5–11. = Юань, Вэньхуа. Характеристики, причины и перспективы потребления *гочао* молодёжью с точки зрения национальной идентичности / Вэньхуа Юань // Исследования китайской молодёжи. – 2024. – № 11. – С. 5–11.
29. 曾一果. 再造传统：Z 世代的“新国潮”传播及其文化价值重构/ 一果曾, 思璇梁 // 编辑之友. – 2024. – № 9. – 22–30 页. = Цзэн, Иго. Воссоздание традиций: распространение «нового *гочао*» среди поколения Z и реконструирование его культурной ценности / Иго Цзэн, Сысяоань Лян // Друг редакции. – 2024. – № 9. – С. 22–30.
30. 宗祖盼. “国潮”的消费认同与价值尺度 / 祖盼宗, 欣雨刘 // 深圳大学学报(人文社会科学版). – 2022. – № 4. – 56–63 页. = Цзун, Цзупань. Потребительская идентичность и мера стоимости «*гочао*»/ Цзупань Цзун, Синьюй Лю // Вестник Шэньчжэньского университета (Серия «Гуманитарные и социальные науки»). – 2022. – № 4. – С. 56–63.

Информация об авторах:

Дондоков Доржи Дондокович – старший преподаватель Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

Морозова Валентина Сергеевна – профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор философских наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

УДК 809.51–56

А. Н. Гордей

НОВАЯ РЕДАКЦИЯ ВИРТУАЛЬНОЙ ЦЕПИ КИТАЙСКОГО СИНТАКСИСА

Виртуальная цепь есть обобщённая модель осложнённого китайского предложения, в котором реализованы все его члены.

Ключевые слова: язык, речь, синтаксис, реляция, корреляция, части языка, члены предложения, позиция члена предложения, комплексы и звенья Виртуальной цепи, закон магистрали.

A. HARDZEI

NEW EDITION OF THE VIRTUAL STRING OF CHINESE SYNTAX

The Virtual String is a generalized model of complicated Chinese sentence in which all its parts are realized.

Keywords: Language, Speech, Syntax, relation, correlation, Parts of Language, Parts of Sentence, position of a part in a sentence, complexes and links of the Virtual String, law of the Main Line.

И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом.

A. С. Пушкин

Виртуальная цепь опирается на дедуктивное построение, но получена эвристическими методами, поэтому по мере накопления языковых фактов в неё необходимо вносить уточнения, которые прежде всего касаются квалификации членов предложения, их места в кортеже и степени приоритета¹. Начнём с обновления списка исходных понятий².

Определения

Стереотип (понятие) – закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира.

Индивид – разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира (*событии*).

¹ Предыдущие версии Виртуальной цепи см.: Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.; *Он же*. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) / А. Н. Гордей // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации : Материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 22–23 нояб. 2007 г. в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л. М. Середа (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 349–358; *Он же*. Динамический синтаксис в семантическом представлении / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2017. – Вып. 4 (43). – С. 26–34.

² Приводятся только уточнённые и новые определения, обозначения членов предложения и частей языка. Перечень остальных исходных понятий см.: Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : Сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35; *Он же*. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире : Материалы IV Респ. науч. конф. – Минск : РИВШ, 2005. – С. 226–229; *Он же*. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка)...; *Он же*. Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвящённые памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.

Признак индивида – разновидность стереотипа как *свойства* отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира или *процесса (акции)*, в котором эта сущность участвует, т.е. постоянной или переменной *интегральной* характеристики индивида¹, включающей его в однородное множество индивидов и тем самым актуализирующей это множество, и постоянной или переменной *дифференциальной* характеристики индивида, выделяющей его среди других индивидов в однородном множестве².

Семантика (от греч. *sēmantikós* – обозначающий) – лингвистическая дисциплина, изучающая отношение языка к модели мира, в отличие от *философии*, призванной изучать отношение модели мира к миру. Под *семантикой* понимается также *содержание* стереотипов, *значения* знаков и *смысл* предложений. **Комбинаторная семантика** – раздел семантики, занимающийся изучением отображения языком динамики ролей индивидов в событии³. Комбинаторную семантику не следует смешивать с **комбинаторной**, изучающей совместную встречаемость знаков при помощи статистических методов.

Языковая картина мира (открытое знание) – декодированная (представленная и преобразованная) посредством языка часть модели мира для сознательного управления интеллектуальной деятельностью, т.е. частичная архитектура стереотипов (частично упорядоченное множество стереотипов и частично упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие).

Морфология (от греч. *morphe* – форма и *lógos* – слово, учение) – лингвистическая дисциплина, изучающая зависимость формы знака от его комбинаторики. Под *морфологией* понимается также вариант формы знака в упорядоченном наборе её вариантов. Если форма знака не имеет вариантов или все они для комбинаторики являются неупорядоченными и, соответственно, нерелевантными ('резюм/э/' ~ 'резюм/е/'), то знак считается морфологически неоформленным или *аморфным*⁴.

Части языка – подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением. Подразделяются на *субстантивы (тайгены)*, обозначающие индивидов, например: 'книга',

¹ Процесс есть *переменный признак* индивида, потому что если 'врач в лесу рубит дерево, то в данный момент времени 'он' является не 'врачом', а 'древесиной'.

² Например, для того, чтобы определить понятия 'кошка' и 'собака', их нужно вначале включить в однородное множество более простых, как принято считать в философии, и, следовательно, общих понятий (кошка и собака – это животные), затем объяснить, чем они отличаются друг от друга и от остальных животных (подробнее см.: Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)).

³ Таким образом, семантика как отношение языка к модели мира проявляется в динамике ролей индивидов в событии, что находит своё отражение в содержании стереотипов, значениях знаков и смысле предложений.

⁴ Комбинаторный вариант может быть включён в морфологическую (формоизменительную или "словоизменительную") парадигму лексемы только при отсутствии любых изменений в её семантике (качественных, количественных, временных, родовых, видовых, дейктических и др.). Все диахронические (глottогонические) и синхронические (семиозисные) генеративные (формообразовательные или "словообразовательные") лексические парадигмы относятся к синтаксису, т.е. к микросинтаксическим правилам построения и преобразования лексем.

‘стол’, ‘восемь’, ‘мы’, и **предикативы (ёгены)**, обозначающие признаки индивидов, например: ‘бежать’, ‘коричневый’, ‘смело’, ‘очень’. Субстантивы и предикативы разделяются на *постоянные* и *переменные* в зависимости от того, обозначают ли они множества однородных индивидов *i-const*, например: ‘мысль’, ‘слесарь’ (постоянные субстантивы) или разнородных *i-var*, например: ‘оно’, ‘это’ (переменные субстантивы), обозначают ли множество свойств индивидов *p(i)*: ‘мысленный’, ‘слесарный’ (постоянные предикативы) или функций *f(i)*, т.е. процессов, в которых участвуют индивиды: ‘мыслить’, ‘слесарить’ (переменные предикативы).

Лексема – субстантив (тайген) или предикатив (ёген) конкретного естественного языка; будучи знаком, имеет в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип; в синтетических языках обладает развитой морфологической парадигмой; является центральной единицей лексикографического описания. **Комбинаторный вариант лексемы** – вариант лексемы в упорядоченном наборе её вариантов (*морфологической парадигме*).

Иероглиф (от греч. *hierós* ‘священный’ и *glyphē* ‘вырезанный’) – знак, в котором оптический образ, создаваемый комбинаторными вариантами графем независимо от акустического или иного другого образа, непосредственно соединён с понятием. **Логограмма** (от греч. *lógos* ‘слово’ и *grámma* ‘запись’) – иероглиф, которому конвенциально соответствует семантически подобный акустический знак. **Пиктограмма** – схематическое изображение стереотипов (предметов и их признаков), например: 山 ‘гора’, 目 ‘глаз’, 入 ‘входить’. **Идеограмма** – мотивированная комбинация пиктограмм, например: 氵 ‘вода’ + 目 ‘глаз’ = 泪 ‘плакать’; 亼 ‘человек’ + 木 ‘дерево’ = 休 ‘отдыхать’. **Фонограмма** – мотивированная комбинация пиктограмм с намёком на звучание иероглифа, например: 魚 yú ‘рыба’ + 圭 guī ‘нефритовый скипетр’ = 鲸 guī ‘лосось’; 木 mù ‘дерево’ + 圭 guī ‘нефритовый скипетр’ = 桂 guì ‘коричное дерево (корица)’, но 手 shǒu ‘рука’ + 圭 guī ‘нефритовый скипетр’ = 挂 guà ‘вешать’; 亼 ‘человек’ + 圭 guī ‘нефритовый скипетр’ = 佳 jiā ‘красивый’, 革 gé ‘сырая кожа’ + 圭 guī ‘нефритовый скипетр’ = 鞋 xié ‘ботинки’.

Иерографический примитив (простейшая пиктограмма) – семантически неразложимая пиктограмма, входящая в состав других иероглифов.

Синтаксис (от греч. *sýntaxis* – порядок, построение) – лингвистическая дисциплина, изучающая комбинаторику составных частей языковых структур. Под *синтаксисом* понимается также упорядоченность языковых структур и техника (алфавит и правила) их построения и преобразования. **Динамический синтаксис** – раздел синтаксиса, занимающийся изучением порождения второстепенных членов предложения из главных, а главных членов – из глоттогенетического ядра с целью достижения баланса противоположных коммуникативных стратегий говорящего и слушающего: свёртки высказывания для экономии времени и мускульной энергии (принцип экономии А. Мартине)¹ и развёртки высказывания для облегчения восприятия информации (принцип запаса прочности).

¹ См.: Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М. : Иностранная литература, 1963. – Вып. III. – С. 366–566.

Номинативная единица (развёрнутый субстантив-тайген или предикатив-ёген) – устойчивая последовательность комбинаторных вариантов знаков, в которой один вариант знака (модификатор) определяет другой (актуализатор), например: ‘записная книжка’, ‘бежать галопом’. Отличить номинативную единицу от сочетания номинативных единиц можно по:

а) репродуктивности (постоянный признак): ‘узкоколейная железная дорога’, ‘покрыть бетоном’, проявляющейся в стилистической некоммутативности компонентов – ‘дорога железная узкоколейная’, ‘бетоном покрыть’;

б) затемнённости внутренней формы (факультативный признак): ‘быть баклужи’ = ‘бездельничать’;

в) наличии свёртки в пользу модификатора (факультативный признак): ‘узкоколейная железная дорога’ → ‘узкоколейка’, ‘покрыть бетоном’ → ‘забетонировать’;

г) уникальности семантики (факультативный признак): ‘сгущать краски’ в значении ‘преувеличивать’, которое не выводимо из суммы значений ‘сгущать’ и ‘краски’, несмотря на прозрачность метафорического переноса.

Члены (компоненты) номинативной единицы – роли частей языка в номинативной синтагме.

Номинация – отображение аспекта выражения знака или устойчивого сочетания комбинаторных вариантов знаков в аспект его содержания.

Знаки алфавита синтаксиса – вспомогательные средства синтаксиса (на макроуровне – предлоги, послелоги, союзы, частицы и др., на микроуровне – флексии, префиксы, постфикссы, инфикссы и др.), служащие для соединения составных частей языковых структур и образования морфологических парадигм.

Сочетание номинативных единиц – неустойчивая неакциональная, т.е. семантически коммутативная, последовательность комбинаторных вариантов знаков, ср.: ‘сидящий у окна мальчик’ и ‘мальчик, сидящий у окна’.

Предложение – акциональная последовательность комбинаторных вариантов знаков, проявляющаяся в их семантической некоммутативности, ср.: ‘Дверь имеет замок’ и *‘Замок имеет дверь’, ‘Я ем суп’ и *‘Суп ест меня’. Предложения подразделяются на: а) *повествовательные и вопросительные* (по форме); б) *утвердительные* (содержащие утверждение) и *побудительные* (по цели); в) *положительные и отрицательные* (по оценке); г) *нейтральные и восклицательные* (по окраске).

Трансформацией в комбинаторной семантике называется любое изменение синтаксиса предложения с сохранением исходного набора корневых морфем. Например: ‘Он пошёл в кино’ → ‘Он не пошёл в кино’ или ‘Пошёл ли он в кино?’ Предложения со сходным смыслом, но различным набором корневых морфем, типа ‘Она имеет детей’ vs. ‘У неё есть дети’, рассматриваются как *парафразы*. В соответствии с парадигмой предложений выделяются трансформации *интерrogации* (переводят повествовательные предложения в вопросительные), *инспирации* (переводят утвердительные предложения в побудительные), *негации* (переводят положительные предложения в отрицательные) и *амплификации* (переводят нейтральные предложения в

восклицательные). При этом допускается *ступенчатость трансформаций*, которая может достигать восьмого уровня глубины: ‘Он идёт в кино’ → ‘Он идёт в кино?’ (TR-int) → ‘Он не идёт в кино?’ (TR-neg) → ‘Он не идёт в кино?!’ (TR-ampl) → ‘Он пойдёт в кино’ (TR-insp) → ‘Он не пойдёт в кино’ (TR-neg) → ‘Он не пойдёт в кино?’ (TR-int) → ‘Он не пойдёт в кино?!’ (TR-ampl). Исходным считается повествовательное утвердительное положительное и нейтральное предложение, к которому последовательно сводятся все трансформы предложений, например: ‘Разве бортовая аппаратура навигации не работает?’ → ‘Бортовая аппаратура навигации не работает’ → ‘Бортовая аппаратура навигации работает’. Трансформации относятся к лингвистическим универсалиям и включаются в четыре **метатрансформации**: прямое и обратное преобразование активной предикативной синтагмы в пассивную (*реверсивная метатрансформация*): ‘Ветер повалил дерево’ ↔ ‘Дерево повалено ветром’; прямое и обратное преобразование предикативной синтагмы в номинативную через атрибутивную (*парадигматическая метатрансформация*): ‘Люди рубят лес’ ↔ ‘рубящие лес люди’ ↔ ‘лесорубы’¹; синтаксическая коммутация с изменением или без изменения функциональной перспективы предложения (*инверсивная метатрансформация*): ‘Соседи уехали на дачу’ ↔ ‘Уехали на дачу соседи’ ↔ ‘На дачу уехали соседи’; изменение временного плана предложения (*temporalная метатрансформация*) в онтологическом аспекте (*прошедшее vs. будущее*)²: ‘Сестра прочла книгу’ ↔ ‘Сестра прочтёт книгу’ и в гносеологическом аспекте (*настоящее vs. будущее в прошедшем*)³: ‘Сестра читает книгу’ ↔ ‘Сестра читала бы книгу’. Исследования показали, что ре-

¹ Термин *парадигматическая трансформация* был введён в лингвистический оборот проф. В. В. Мартыновым в следующей интерпретации: «Анализируя актуализированное предложение *Человек привёз из Тулы самовар*, мы путём перенесения актуализатора *из Тулы* в одну из маргинальных позиций, получили сочетание знаков *самовар из Тулы*, где *из Тулы* уже является модификатором, что доказывалось *преобразованием самовар из Тулы > тульский самовар*, т.е. определённый тип самовара <...> Процесс превращения актуализатора в модификатор в результате его перенесения из центральной позиции в одну из маргинальных есть одновременно процесс порождения нового знака, поскольку, как видно из последнего примера, сочетание знака с модификатором – всегда потенциально новый знак, как и сочетание знака с актуализатором – всегда потенциально новое предложение <...>. Если сочетание номинативной единицы с модификатором – потенциально новая номинативная единица, как сочетание номинативной единицы с актуализатором – потенциально новое предложение, неактуализированное предложение, где признак в центральной позиции постоянен, т.е. актуализатор равен модификатору, – потенциальная номинативная единица, например, *инженеры строят > строящие инженеры > инженеры-строители*. Третий трансформ здесь соответствует номинативной единице – названию инженеров определённого типа» (Мартынов, В. В. Семиологические основы информатики / В. В. Мартынов. – Минск : Наука и техника, 1974. – С. 142, 144).

² Различаются *точкой сингуллярности* на временной шкале: до неё – прошедшее, после неё – будущее.

³ *Настоящее* есть не имеющая протяжённости точка сингуллярности на временной шкале. Интервал создаёт наблюдатель, объединяя *ближайшее прошедшее с ближайшим будущим* для облегчения ориентации во времени и пространстве. Перенос *будущего в прошедшее* также продиктован субъективными причинами, например, желанием наблюдателя акцентировать обусловленность событий или сохранить временной план описания.

версивная, парадигматическая, инверсивная и темпоральная трансформации относятся к верхнему уровню универсальных лингвистических преобразований, так как в основании могут иметь любую из перечисленных выше четырёх стандартных трансформаций, например: ‘Она не имеет дна’ \leftrightarrow ‘не имеющая дна’ \leftrightarrow ‘бездна’ – парадигматическая метатрансформация на основе трансформации негации; ‘Мы разрушим Карфаген!’ \leftrightarrow ‘Карфаген будет (нами) разрушен!’ – реверсивная метатрансформация на основе ступенчатости трансформаций инспирации и амплификации ($TR\text{-}insp} \rightarrow TR\text{-}ampl$); ‘Она не следила за модой’ – темпоральная метатрансформация на основе трансформации негации; ‘Делать-то что?’ – инверсионная метатрансформация на основе трансформации интерrogации. Ступенчатость метатрансформаций также возможна: ‘Что он там делал?’ ($MTR\text{-}temp$) \rightarrow ‘Он что там делал?’ ($MTR\text{-}inv$). Обращаем внимание на недопустимость смешения уровней трансформационного анализа, неизбежно приводящего к парадоксам Рассела и Грэллинга – Нельсона.

Члены предложения – роли частей языка в предложении. **Подлежащее** – исходный пункт описания события, выбранный наблюдателем, **прямое дополнение** – конечный пункт описания события, выбранный наблюдателем, **сказуемое** – маршрут (способ отображения), выбранный наблюдателем для перехода из исходного пункта описания события в конечный [18, с. 184]. С точки зрения глоттогенеза, семантики и синтаксиса, подлежащее, сказуемое и прямое дополнение являются *тремя главными членами предложения*, потому что, во-первых, произошли в результате расщепления синкетического сигнала¹, во-вторых, при прямой предикации отображаются в **субъект, акцию и объект**, без которых невозможно событие, в-третьих, имеют зависимые (второстепенные) члены: подлежащее и прямое дополнение – определения, сказуемое – обстоятельства [3, с. 28]. Второстепенные члены порождаются из главных путём рекурсии при усложнении восприятия наблюдателем события и, соответственно, усложнении его описания [3, с. 29–31], [9, с. 23–25]. **Обстоятельство** – второстепенный член предложения, обозначающий либо модификацию, либо локализацию сказуемого; обстоятельство степени и обстоятельство образа действия обозначают модификацию сказуемого, обстоятельства места и обстоятельство времени – пространственную и, соответственно, временную локализацию сказуемого. **Определение** – второстепенный член предложения, обозначающий модификацию подлежащего, дополнения, обстоятельства места и времени.

З а к л ю ч е н и я²

(1) Для задания языка необходимо и достаточно:

– постулировать множество фигур и множество знаков;

¹ Более подробно об этом см.: Беляев, М. В. Слово : (До теорії семантики / М. В. Беляев // Праці Одеського державного університету. – 1948. – Т. 1. – Вип. 2. – С. 83; Негневицкая, Е. И. Язык и дети / Е. И. Негневицкая, А. М. Шахнарович. – М. : Наука, 1981. – С. 33; Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М. : Наука, 1984. – С. 76.

² Вывод заключений см.: Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных... С. 13–24.

- постулировать дифференциальные признаки фигур и комбинации фигур (правила соединения фигур) в знаках;
- постулировать *виртуальную цепь* (правила соединения комбинаторных вариантов знаков друг с другом)¹.

(2) Основная роль языка – праксиологическая (кибернетическая), основная роль речи – коммуникативная.

(3) Основное отношение в языке – парадигматическое (корреляция или дизъюнкция фигур и знаков), основное отношение в речи – синтагматическое (реляция или конъюнкция комбинаторных вариантов знаков в тексте).

(4) Дополнительное отношение в языке – синтагматическое (реляция или конъюнкция позиций комбинаторных вариантов знаков (членов предложения или сочетания) в виртуальной цепи), дополнительное отношение в речи – отсутствует.

(5) Степень приоритета члена предложения обратно пропорциональна числу его потенциальных позиций в предложении: чем больше позиций, тем меньше приоритет.

(6) Подлежащее, сказуемое и прямое дополнение составляют *магистраль виртуальной цепи* и являются тремя главными членами предложения.

(7) В китайском языке подлежащее всегда предшествует сказуемому.

(8) Второстепенные члены предложения ориентируются относительно главных и в виртуальной цепи занимают позиции до подлежащего, между подлежащим и сказуемым, между сказуемым и прямым дополнением, внутри сказуемого, если оно представлено инкорпоративным комплексом ёгенов², и, в очень редких случаях, после прямого дополнения.

(9) Максимальное число позиций для члена предложения в китайском языке не превышает четырёх, при этом по частоте употребления первая позиция считается *основной*, вторая – *запасной*, третья – *добавочной* и четвёртая – *факультативной*; кроме основной позиции, все остальные являются инверсионными.

На основании определений и заключений постулируется виртуальная цепь осложнённого китайского предложения (см. схему).

О б о з н а ч е н и я ч л е н о в п р е д л о ж е н и я³

МВК – микровкрапление;

OMC – основной модальный компонент сказуемого;

¹ Определение формализованного языка в математике см.: Расёва, Е. Математика метаматематики / Е. Расёва, Р. Сикорский. – М. : Наука, 1972. – С. 180–184.

² Об инкорпоративном комплексе ёгенов см.: Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных... С. 21; *Он же*. Гордей, А. Н. Китайский язык: Учеб. программа / А. Н. Гордей. – Минск : БГУ, 2002. – С. 6; *Он же*. Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); Москалёва, А. Ю. Информационная семантика инкорпоративного комплекса китайских предикативов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. Ю. Москалёва. – Минск, 2023. – 220 л.

³ Приводятся только дополнительные обозначения членов предложения. Перечень остальных обозначений см. [2].

ДОР – динамическое обстоятельство расстояния;
OKC – обстоятельство кратности свойства;
OCB – обстоятельство соотносительности процессов по времени;
OCC – обстоятельство количественной соотносительности свойств;
OSP – обстоятельство количественной соотносительности процессов;
DCP – дублированное обстоятельство количественной соотносительности процессов;
OMP – обстоятельство меры.

О б о з н а ч е н и я ч а с т е й я з ы к а¹

СжЁ – сжатый ёген;

СжВЁ – сжатый вопросительный ёген;

СжЧЁ – сжатый числовой ёген;

СкрЁ – сокращённый ёген;

СкрВЁ – сокращённый вопросительный ёген;

СкрОнЧЁ – сокращённый одноместный числовой ёген;

СкрМнЧЁ – сокращённый многоместный числовой ёген;

СкрЧЁ – сокращённый числовой ёген;

В виртуальную цепь внесены следующие изменения.

1. Запись (多<1 при :10>) + СчТ + (半/多<до 1>), которая означает, что при кратности числового тайгена 10-и, количественный ёген 多 duō ‘больше’ ставится либо сразу после него для обозначения превышения на единицы, например, 十多快钱 shí duō kuài qián ‘больше десяти юаней’, либо сразу после счётного тайгена для обозначения превышения на дроби, например, 十快多钱 shí kuài duō qián ‘десять с небольшим юаней’ (вне зависимости от кратности целого числового тайгена, эту же позицию вместо ёгена 多 duō ‘больше’ может занимать числовой тайген 半 bàn ‘половина’, например, 三张半纸 sān zhāng bàn zhǐ ‘три с половиной листа бумаги’); если числовой тайген не кратен 10-и, то ёген 多 duō ‘больше’ занимает позицию строго после счётного тайгена и обозначает превышение на дроби: 五快多钱 wǔ kuài duō qián ‘пять с небольшим юаней’.

2. Под микровкраплением (*MKB*) понимается минимальное по размеру предложение, интерполированное в структуру другого предложения, типа 当然 dāngrán ‘конечно’, 其实 qíshí ‘действительно’ и пр. Часто такие микровкрапления, внешне похожие на лексические единицы, неточно называют «вводными словами». На самом деле, они являются предложениями, поскольку их семантика изоморфна синтаксической: 她其实不认识汉字 Tā qíshí bù rènshí hànzì ‘Она действительно не знала иероглифов’ → ‘Она, я подтверждаю это, не знала иероглифов’. К микровкраплениям, в том числе, относятся междометия², которые, как и «вводные слова» отличаются синкетизмом, поэтому без семантического расщепления не могут быть подвергнуты анализу по членам предложения.

¹ Приводятся только дополнительные обозначения частей языка. Перечень остальных обозначений см. [2].

² Не смешивать с перешедшими в разряд лексических единиц междометными словами, например, ‘А девица хи-хи-хи да ха-ха-ха’ → ‘А девица хихикала да хохотала’.

3. Основной модальный компонент сказуемого (*OMC*), наряду с модальным дублированным компонентом сказуемого (*MDC*), употребляется в модальных вопросительных предложениях общего типа: 他会不会说汉语? Tā huì bù huì shuō hànyǔ? Букв.: ‘Он умеет или не умеет говорить по-китайски?’.

Синтаксическая формула предложения: П + **OMC** + ЗАС + МДС + ОСК + ПД?

4. Динамическое обстоятельство расстояния (*DOP*) в Виртуальной цепи занимает позицию динамического обстоятельства места (*DOM*), от которого произошло и на которое, при желании, может быть заменено: 莫斯科离北京有九千多公里 Mòsīkē lí Běijīng yǒu jiǔ qiān duō gōnglǐ ‘Москва находится от Пекина на расстоянии девять с лишним тысяч километров’ → 从莫斯科到北京有九千多公里 Cóng Mòsīkē dào Běijīng yǒu jiǔ qiān duō gōnglǐ ‘От Москвы до Пекина девять с лишним тысяч километров’. Однако динамическое обстоятельство расстояния исторически возникло специально для обозначения расстояния, поэтому его использование стилистически предпочтительнее.

5. В предложении 这里有一点儿冷 Zhèli yǒu yídiānr lěng ‘Здесь **немного** холодно’ роль комбинаторного варианта номинативной единицы **一点儿** yídiānr ‘немного’ квалифицируется как обстоятельство кратности свойства (*OKC*) при ёгене 有 yǒu ‘иметь’ в роли знака алфавита синтаксиса¹, тогда как в предложении 他有一点儿病 Tā yǒu yídiānr bìng ‘Он **немного** болен’ роль этого же варианта номинативной единицы квалифицируется как *определение кратности* (*On-kr*) при ёгене 有 yǒu ‘иметь’ в роли сказуемого и тайгене 病 bìng ‘болезнь’ в роли прямого дополнения, потому что 有病 yǒu bìng ‘иметь болезнь’ можно сказать, а *有冷 yǒu lěng ‘иметь холод’ – нельзя; в предложении 这里冷一点儿 Zhèli lěng yídiānr ‘Здесь **холодновато**’ **一点儿** yídiānr ‘немного’, играя роль ОКС, занимает стандартную позицию после ёгена 2-й степени 冷 lěng ‘холодно’ в роли сказуемого².

6. Обстоятельство количественной соотносительности свойств (*OCC*), обстоятельство количественной соотносительности процессов (*OCП*) и обстоятельство соотносительности процессов по времени (*OCВ*) обычно входят в состав рекурсивных предложений, содержащих уподобление и/или сравнение: 他比你好得多 Tā bǐ nǐ hǎo de duō ‘Он **намного** лучше тебя’ – количественный переменный ёген 2-й степени 多 duō ‘больше’ в роли OCC в постпозиции к постоянному ёгену 2-й степени 好 hǎo ‘хороший’ в роли оценочного сказуемого; 他们中文说得一样好 Tāmen zhōngwén shuō de yīyàng hǎo ‘Они

¹ Речь идёт о регрессивной транспозиции ёгена 有 yǒu ‘иметь’, позволяющей поставить ОКС в препозицию к оценочному сказуемому, роль которого играет ёген 2-й степени 冷 lěng ‘холодно’, поскольку в соответствии с правилом построения атрибутивной синтагмы в китайском языке показатель кратности процесса или градуальности свойства ставится после ёгена, а ОКС – лишь одна из разновидностей обстоятельства кратности (OKP).

² Ср. предложение 他有一点儿懂 Tā yǒu yídiānr dǒng ‘Он **немного** понимает’, в котором **一点儿** yídiānr ‘немного’ в *препозиции* к переменному ёгену 1-й степени 懂 dǒng ‘понять’ в роли сказуемого играет роль обстоятельства кратности процесса (OKП) при ёгене 有 yǒu ‘иметь’ в роли знака алфавита синтаксиса, так как комбинация *有懂 yǒu dǒng ‘иметь понимание’ недопустима в китайском языке, и предложение 他懂一点儿 Tā dǒng yídiānr, также переводимое на русский язык ‘Он **немного** понимает’ (перевод ‘Он понимает **немного**’ имеет другой смысл), где **一点儿** yídiānr ‘немного’ в роли ОКП оказывается в *постпозиции* к сказуемому 懂 dǒng ‘понять’.

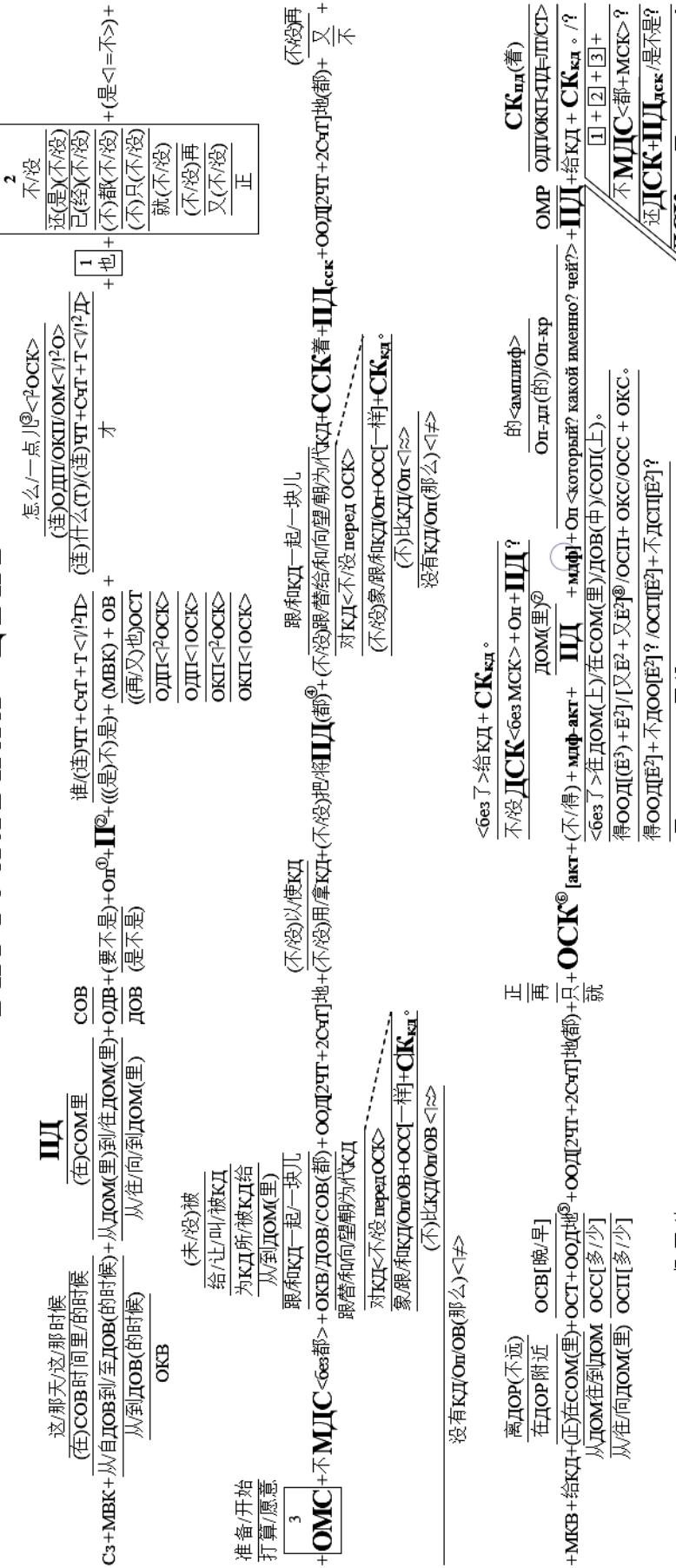
одинаково хорошо говорят по-китайски’ – комбинáторный вариант номинативной единицы 一样 *yíyàng* ‘одинаково’ в роли ОСС в составе рекурсивного постпозитивного обстоятельства образа действия 一样好 *yíyàng hǎo* ‘одинаково хорошо’¹; 她比你多买了苹果 *Tā bǐ nǐ duō mǎile píngguǒ* ‘Она купила больше яблок, чем ты’ – количественный переменный ёген 2-й степени 多 *duō* ‘больше’ в роли ОСП в препозиции к переменному ёгену 1-й степени 买了 *mǎile* ‘купил’ в роли сказуемого; 他们说外语说得多少不**多**? *Tāmen shuō wàiyǔ shuō de duō bu duō?* ‘Они **много** говорят на иностранном языке?’ – количественный переменный ёген 2-й степени 多 *duō* ‘больше’ в роли дублированного обстоятельства количественной соотносительности процессов (*ДСП*); 我比你来得早 *Wǒ bǐ nǐ lái de zǎo* ‘Я пришёл **раньше** тебя’ – качественный переменный ёген 2-й степени 早 *zǎo* ‘раньше’ в роли постпозитивного ОСВ. Перечисленные обстоятельства, за исключением *ДСП*, допускают осложнения определениями кратности, определениями длительности (*Оп-дл*) и обстоятельствами меры (*OMP*), образуя простые рекурсивные структуры, например: 你要**多**说一些中文 *Nǐ yào duō shuō yìxiē zhōngwén* ‘Тебе нужно **побольше** говорить на китайском’ – количественный переменный ёген 2-й степени 多 *duō* ‘больше’ в роли ОСП в комбинации с числовым тайгеном неограниченного количества 一些 *yìxiē* ‘несколько’ в роли *Оп-кр*; 你回家比我少换一次车 *Nǐ huí jiā bǐ wǒ shǎo huàn yī cì chē* ‘Возвращаясь домой, ты делаешь на **одну** пересадку **меньше**, чем я’ – количественный переменный ёген 2-й степени 少 *shǎo* ‘меньше’ в роли ОСП в комбинации с числовым тайгеном 一 *yī* ‘один’ и счётным тайгеном для переменных ёгенов 1-й степени 次 *cì* ‘раз’ в роли *Оп-кр*; 我比他多听了[一会儿录音](#) *Wǒ bǐ tā duō tīngle yīhuìr lùyīn* ‘Я немного больше него слушал магнитофон’ – количественный переменный ёген 2-й степени 多 *duō* ‘больше’ в роли ОСП в комбинации с комбинáторным вариантом номинативной единицы 一会儿 *yīhuìr* ‘немного’ в роли *Оп-дл*; 他比我**多**买了**五个本子** *Tā bǐ wǒ duō mǎile wǔ ge běnzi* ‘Он купил **на пять тетрадей больше**, чем я’ – количественный переменный ёген 2-й степени 多 *duō* ‘больше’ в роли ОСП в комбинации с числовым тайгеном 五 *wǔ* ‘пять’, счётным тайгеном 个 *ge* ‘штука’ и интенсивным тайгеном **本子** *běnzi* ‘тетрадь’ в роли рекурсивного обстоятельства меры (*OMP* = *Оп₀* + *КД₀*); 她比我早两年大学毕业 *Tā bǐ wǒ zǎo liǎng nián dàxué bìyè* ‘Она **на два года раньше** меня закончила университет’ – качественный переменный ёген 2-й степени 早 *zǎo* ‘раньше’ в роли препозитивного ОСВ в комбинации с числовым тайгеном 两 *liǎng* ‘два’ и одноместным тайгеном 年 *nián* ‘год’ в роли рекурсивного обстоятельства меры (*OMP* = *Оп₀* + *КД₀*).

В заключение отметим, что достоверность синтаксического анализа, правильное применение процедур реконструкции и рекурсии², трансформацион-

¹ В данном случае количественная соотносительность свойств равна нулю, т.е. по высокому качеству китайского языка они ни на йоту не уступают друг другу.

² В силу того что в ядре языковой системы лежат семантические примитивы, **следует добиваться минимальной глубины рекурсивной реконструкции, соблюдая строгие требования очерёдности, наглядности и простоты**, когда пропущенные члены предложения восстанавливаются на первом или, максимум, на втором вхождении, потому что чем глубже рекурсия и сложнее реконструкция, тем большая вероятность ошибки.

ВИРТУАЛЬНАЯ ЦЕРЬ

③ При категорическом отрицании ОСК допускается: ~~连~~Пр~~得~~ в роли СЧ для Пр~~得~~>+ 也 没Pr~~得~~.

④ Интерполяция модальных операторов 不得在 OCK 亂用.

6 Практическое

СОВЕРШЕННОСТЬ СИСТЕМЫ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

© Учебны слухачи альбоми МКР и ОСК

② Аппликация Оп/ПД или Оп + ПД к ОСК исключается.

② Отрицание ОСК исключается.

ного и проспективного методов, включая разбор по непосредственно составляющим, чёткое разграничение изоморфных, гомоморфных и алломорфных явлений, неукоснительное соблюдение требования уровня субординации и предельной глубины ролевой сегментации (установления ролей всех свободных морфем в предложении), всецело зависит от положенных в основание синтаксической парадигмы семантических категорий, ибо «не система естественного языка интерпретирует мир, а модель мира интерпретирует естественный язык» [12, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев, М. В.* Слово : (До теорії семантики / М. В. Беляев // Праці Одеського державного університету. – 1948. – Т. 1. – Вип. 2. – С. 83.
2. *Гордей, А. Н.* Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) / А. Н. Гордей // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации : Материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 22–23 нояб. 2007 г. в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Л. М. Середа (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2007. – Ч. 2. – С. 349–358.
3. *Гордей, А. Н.* Динамический синтаксис в семантическом представлении / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань : Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2017. – Вып. 4 (43). – С. 26–34.
4. *Гордей, А. Н.* Китайский язык : Учеб. программа / А. Н. Гордей. – Минск : БГУ, 2002. – 13 с.
5. *Гордей, А. Н.* Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире : Материалы IV Респ. науч. конф. – Минск : РИВШ, 2005. – С. 226–229.
6. *Гордей, А. Н.* Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвящённые памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. – Минск : Изд. центр БГУ, 2008. – С. 19–24.
7. *Гордей, А. Н.* Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium : Сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
8. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : Белгосуниверситет, 1998. – 156 с.
9. *Гордей, А. Н.* Реконструкция и рекурсия в синтаксическом анализе предложения / А. Н. Гордей // Карповские научные чтения (Минск, БГУ, 18–19 марта 2011 г.): сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня [и др.]. – Минск : Бел. Дом печати, 2011. – С. 18–26.
10. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков : лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
11. *Мартине, А.* Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М. : Иностранная литература, 1963. – Вып. III. – С. 366–566.
12. *Мартынов, В. В.* О книге А. Н. Гордея «Дедуктивная теория языка» / В. В. Мартынов. В кн. Гордей, А. Н. Дедуктивная теория языка / А. Н. Гордей. – Минск : «Беларуская навука», 1998. – С. 3–5.
13. *Мартынов, В. В.* Семиологические основы информатики / В. В. Мартынов. – Минск : Наука и техника, 1974. – 192 с.
14. *Москалёва, А. Ю.* Информационная семантика инкорпоративного комплекса китайских предикативов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / А. Ю. Москалёва. – Минск, 2023. – 220 л.
15. *Негневицкая, Е. И.* Язык и дети / Е. И. Негневицкая, А. М. Шахнарович. – М. : Наука, 1981. – 109 с.

16. *Расёва, Е.* Математика метаматематики / Е. Расёва, Р. Сикорский. – М. : Наука, 1972. – 592 с.
17. *Якушин, Б. В.* Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – М. : Наука, 1984. – 136 с.
18. *Hardzei A.* Plagiarism Problem Solving Based on Combinatory Semantics / A. Hardzei // Communications in Computer and Information Science (CCIS). – Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2020. – Vol. 1282. – P. 176–197 – Mode of access: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-030-60447-9>. – Date of access: 05.08.2021.

Информация об авторе:

Гордей Александр Николаевич – заведующий кафедрой теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, профессор кафедры востоковедения Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, г. Минск, Республика Беларусь

И.Ю. ГУТИН

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКА ЮЭ (КАНТОНСКОГО ТОПОЛЕКТА) В ГОНКОНГЕ

В статье анализируется использование языка юэ или кантонского тополекта (диалекта) в Специальном административном округе Сянган (Гонконг) КНР. Рассматривается специфика употребления собственно кантонской лексики в контексте статуса языка юэ в регионе, а также возможные перспективы её дальнейшего использования в свете языковой политики КНР. Отдельное внимание уделяется использованию письменного кантонского — одного из немногих китайских тополектов, имеющих развитую письменную систему.

Ключевые слова: язык юэ, кантонский диалект, письменный кантонский, гуандунхуа, путунхуа, тополект, Гонконг, КНР.

I.U. GUTIN

PECULIARITIES OF THE USE OF YUE LANGUAGE (CANTONESE TOPOLECT) IN HONG KONG

The article analyzes the use of the Yue language or Cantonese topolect (dialect) in the Hong Kong Special Administrative Region of China. It examines the specifics of the use of Cantonese vocabulary in the context of the status of the Yue language in the region, as well as possible prospects for its further use considering the language policy of the PRC. Special attention is paid to the use of written Cantonese, which is one of the few Chinese topolects that has a developed written system.

Key words: *Yue language, Cantonese, Written Cantonese, Guangdonghua, Putonghua, Topolect, Hong Kong, China.*

Проблема статуса и использования китайских тополектов (региональных языков) представляет большой исследовательский интерес как в связи с большим разнообразием языковой палитры Китая, так и по причине недостаточной исследованности данной проблемы в отечественном китаеведении. Дополнительным фактором, зачастую препятствующим объективному и непредвзятому анализу языковой картины в различных регионах КНР, является традиционное восприятие региональных языков (тополектов) Китая как диалектов единого китайского языка, существующих только (либо преимущественно) в устной форме, не имеющих официального статуса и обречённых на неизбежную ассимиляцию со стороны официального китайского языка путунхуа, в связи с чем они порой представляются как незаслуживающие должного исследовательского интереса. Подобный взгляд в какой-то степени является отражением официальной языковой политики КНР. В самом деле, девятнадцатая статья конституции КНР гласит: «Государство распространяет путунхуа, являющийся общеупотребительным в масштабах всей страны» [7]. Кроме того, в 2001 г. в КНР был принят «Закон об общеупотребительном государственном языке и письменности КНР (Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэнъцы фэ), третья статья которого устанавливает, что «государство распространяет путунхуа, внедряет нормативную китайскую

иероглифику» [6]. Слово же «*фанъянь*», традиционно переводимое на русский как «диалект», а в действительности применяемое ко всем региональным языкам (тополектам), традиционно считающихся разновидностями единого китайского языка, встречается в документе лишь однажды, в его шестнадцатой статье, разъясняя те случаи, когда тополекты могут употребляться официально: «При действительной необходимости употребления сотрудниками государственных органов во время выполнения служебных задач», «Как языки вещания, утвержденные ведомствами радио и телевидения Госсовета или провинциального уровня», «При необходимости использования в таких формах искусства, как традиционная драма, кино- и телефильмы», «При действительной необходимости в издательском деле, образовании и исследовательской деятельности» [6]. Как видно из текста закона, официальное употребление тополектов возможно в очень ограниченном контексте и при обязательной санкции вышестоящих органов, которая должна быть обоснована некоей «необходимостью», что в значительной степени сужает официально разрешённую сферу применения региональных языков. На необходимость распространять «общеупотребительные в государстве языки и письменность», под которыми подразумеваются путунхуа и стандартное иероглифическое письмо, недвусмысленно указывал Си Цзиньпин в своем докладе на XX съезде КПК, состоявшемся в октябре 2022 г. [2, с. 287].

Однако десятилетия осуществления государственной языковой политики не смогли вытеснить из употребления региональные китайские языки (тополекты). Несмотря на отсутствие какого бы то ни было официального статуса, тополекты остаются родными либо вторыми языками для десятков миллионов человек. Так, по данным энциклопедии «Британника», суммарная численность владеющих языком юэ (кантонским) по состоянию на 2024 г. составляла 86,633,370 человек, что превышает численность говорящих на вьетнамском, а суммарная численность владеющих тополектом у, распространённом преимущественно в провинциях Цзянси, Чжэцзян и г. Шанхай, составляет 83,421,190 человек, что превосходит численность владеющих корейским и фарси [4]. При этом важно отметить, что распространение юэ во все не ограничивается провинциями Гуандун и Хайнань, а также специальными автономными районами Гонконг (Сянган) и Макао (Аомэнь), где он является родным для большинства населения. Юэ широко распространён среди многомиллионной китайской диаспоры, в особенности среди тех этнических китайцев, которые эмигрировали со своей исторической родины несколько поколений назад (в частности, в Юго-Восточной Азии и США). Кроме того, вслед за бурным экономическим развитием Гуандуна, который во многом стал основным плацдармом для радикальных экономических реформ Дэн Сяопина в 1980-е гг., и Гонконга, традиционно причисляемого к т. н. «четырём азиатским тиграм» (либо «малым драконам»), интерес к нему стали проявлять и носители других китайских языков (тополектов), желающие наладить деловые и личные связи с жителями стремительно развивающихся регионов китайского юга. Подтверждением этому могут служить мно-

гочисленные издаваемые в КНР учебники и разговорники кантонского, которые пользуются неизменным спросом среди носителей других идиомов китайского языка, желающих налаживать деловые и культурные связи с Гуандуном и Гонконгом. Интересно и то, что несмотря на официальные ориентиры национальной языковой политики, в этих изданиях зачастую используется именно название «язык юэ» (粤语 юэ юй), а не «кантонский диалект» (广东话 Гуандун хуа). Наличие такого рода учебной литературы и большой спрос на неё наглядно свидетельствуют о том, что и для самих носителей других китайских идиомов освоение юэ требует значительных усилий и определённой методики. О том, насколько велика разница между путунхуа и юэ, наглядно свидетельствует не только тот факт, что эти два идиома являются взаимонепонимаемыми, но и степень лексического лексических различий между ними, которая, по результатам некоторых исследований, составляет до 30–40% [5, с. 205]. В пользу растущей роли кантонского в современном Китае свидетельствует и тот факт, что он начинает вытеснять местные идиомы в пограничных областях — например, там, где традиционно кантоноязычные регионы соседствуют с регионами, где для большей части населения родными являются миньские топонимы [5, с. 195]. Наконец, убедительным аргументом в пользу роста влияния кантонского в Китае служит и то, что изначально кантонская лексика активно проникает и в путунхуа — здесь двумя самыми характерными примерами могут служить слова 巴士 (автобус) и 的士 (такси), пришедшие в кантонский из английского (“bus” и “taxi”).

Что же касается собственно Гонконга (Специального административного района Сянган), то в соответствии с политикой «одна страна — две системы» (一国两制 и го лян чжи) данный регион сохраняет значительную автономию во всём, что касается его внутренних дел. Фактически даже действие Конституции КНР не вполне распространяется на Гонконг, где действует свой аналог конституции — Основной закон Специального административного района Сянган. Согласно девятой статье Основного закона, «Исполнительные, законодательные и судебные органы Гонконга, помимо китайского языка, также могут использовать английский язык; английский язык также является официальным» [8] Китайский язык определяется здесь наиболее общим словом 中文 (чжун вэнь), под которой традиционно понимается литературный китайский язык. Более конкретно языковая политика автономии определяется специфической политикой «Две письменности, три языка» (两文三语 лян вэнь сань юй). Под двумя письменностями подразумевается письменный китайский (де-факто в форме традиционной иероглифики) и английский языки, под тремя (устными) языками — путунхуа, английский и юэ [10].

Подобный подход свидетельствует, что Гонконг остаётся одним из двух — наряду с имеющим тот же статус Макао — регионов КНР, где устная форма юэ имеет официальный статус. На юэ говорит телевидение и радио Гонконга, объявления на нём звучат в гонконгском метро, он звучит во время заседаний органов региональной власти и т. д. Письменная форма юэ остаётся вне официального применения, и её использование в образовательном

процессе не поощряется, при том что юэ — это один из немногих тополектов китайского языка, имеющих развитую письменную форму, основанную на традиционной китайской иероглифике. Более того, общепризнанным в исследовательской среде является тот факт, что письменный юэ — это наиболее широко известная и используемая форма среди всех китайских идиомов за исключением путунхуа [5, с. 191]. Как отмечает О. И. Завьялова, первые тексты на письменном кантонском появились уже на закате эпохи Мин, т. е. в конце XVI – начале XVII вв. Временем подъёма публикаций на кантонском стал период Синьхайской революции 1911 г., положивший конец маньчжурскому владычеству в Китае. [1, с. 54]. Официального статуса кантонские иероглифы никогда не имели, что не помешало им иметь широкое хождение в различных сферах. В современном Гонконге тексты на письменном юэ широко распространены в сфере интернет-общения, в мессенджерах и социальных сетях, специальные знаки кантонского тополекта, отсутствующие в стандартном китайском, добавлены в компьютерные кодировки и наборы символов для смартфонов.

Возникает вопрос: зачем для юэ потребовалась особая запись лексики, отличная от путунхуа? Главная причина — лексические особенности кантонского тополекта, которые сложно или даже невозможно отразить при помощи иероглифической записи соответствующей лексики в путунхуа. Письменность юэ отражает специфику собственно кантонской лексики, многие единицы которой имеют отличную от путунхуа этимологию. Мы не будем подробно останавливаться на типологии иероглифической записи слов юэ, а лишь для наглядности проиллюстрируем её особенности на ряде примеров. Возьмём, например глагол-связку *хай*¹ и имеющий схожее, но отличное по тону чтение предлог «в» — *хай*. Первый записывается знаком 係, второй — 緩. И если первый иероглиф в стандартном китайском встречается, хотя и используется в значении глагола-связки сугубо в книжном стиле языка, то второй в стандартной иероглифике отсутствует, однако сформирован по правилам китайского фоноидеографического знака, где ключом (семантиком) выступает левая графема «рот», а правая часть является фонетиком, довольно точно передающим чтение знака. Другой характерный пример — вопросительные местоимения «где» и «что», записываемые соответственно 邊度 *пиньтоу* и 乜囉 *мат-е*. Как видно из этих примеров, кантонские слова записываются либо имеющимися в стандартном китайском знаками, но записывающими обычно другие значения (или имеющими другой узус), либо собственно кантонскими иероглифами, многие из которых создаются путём добавления к существующему знаку графемы «рот». Приведём примеры простейших предложений на стандартном китайском и их аналоги на юэ, дабы ещё яснее показать отличие двух идиомов.

¹ Здесь и далее кантонские слова даются в соответствии с кантонско-русской практической транскрипцией, составленной Д. Н. Шакурой и Ю. Б. Коряковым в рамках проекта по созданию практических транскрипций для малых языков мира Института языкознания РАН.

Таблица 1. Сравнение письменных вариантов обиходных фраз на стандартном китайском (путунхуа) и языке юэ

Русский	Стандартный китайский (традиционные иероглифы)	Юэ (кантонский)
Куда ты идёшь?	你去哪兒?	你去邊度?
Что ты сейчас делаешь?	你在做什麼?	你做緊乜嘢呀?
Это не моя машина.	這不是我的車。	呢個唔係我嘅車。

Как следует из таблицы, письменная форма отражает не только лексические особенности юэ: *邊度* вместо *哪兒*, *乜嘢* вместо *什麼*, *嘅* вместо *的*, но и особенности синтаксиса, порой весьма отличного от путунхуа. Так, во втором предложении в варианте на путунхуа показатель продолженного времени 在 занимает место перед глагольным сказуемым 做, в то время как в аналогичном примере на юэ показатель 緊, выполняющий ту же роль, ставится после сказуемого. Можно ещё отметить, что в путунхуа указательное местоимение 這 может выступать в качестве полноценного подлежащего, в то время как в юэ аналогичное по значению указательное местоимение 呢 должно обязательно сочетаться со счётным словом 個.

Исследователь письменного кантонского из Нанкинского университета Дон Сноу отмечает, что до конца 1980-х гг. специфическая кантонская лексика довольно редко использовалась в гонконгской печати и книгоиздании, и дажественные гонконгской жизни реалии авторы предпочитали передавать с помощью слов стандартного китайского языка, однако впоследствии постепенно возобладала противоположная тенденция, и тексты на кантонском стали всё чаще появляться в гонконгской прессе и издаваемой литературе [5, с. 196]. В числе главных энтузиастов письменного кантонского были газета «Пхинкуо ятпоу» (蘋果日報), известная под своим англоязычным названием Apple Daily и издававшаяся с 1995 по 2021 гг., и еженедельник «Ят чаухонь» (壹週刊), также известный как Next Magazine, основанный в 1990 и прекративший своё существование в 2021 г. Необходимо отметить, что оба издания считались крайне «прогонконгскими», и их позиция зачастую рассматривалась официальным Пекином как сепаратистская. Ситуация усугубилась с принятием в 2020 г. в КНР Закона о защите национальной безопасности в Гонконге, который был в первую очередь направлен на подавление сепаратистских тенденций в регионе. Закрытие обоих изданий в 2021 г. было встречено негодованием и протестами со стороны многих международных организаций и иностранных политических деятелей.

Некоторые издания в целом придерживаются стандартного китайского, однако в них имеются публикации, частично или полностью написанные с использованием письменного юэ, например, табloid «Тунчаухонь» (東周刊), газета «Тайкунпоу» (大公報), медицинский журнал «Тунфон сань тэй» (東方新地).

Существуют и периодические издания, чья основная цель состоит в продвижении письменной языковой культуры юэ. К таким относится основан-

ный в июле 2020 г. журнал «Вуйхён» (迴響, «Отзвуки»), чьи статьи написаны на письменном кантонском. Журнал главным образом публикует художественную прозу гонконгских авторов. Как заявляют основатели издания, целью журнала была реализация на практике равенства трёх языков, заявленных в гонконгской политике «Две письменности, три языка» и желание изучения самой возможности писать на чистом кантонском [9].

Многие гонконгцы занимаются продвижением кантонского через социальные сети и блоги, разработку компьютерных и мобильных языковых приложений, а также открывая и оффлайн-центры его изучения, вызывая большой интерес у аудитории из различных стран мира. Среди таких энтузиастов всемирного распространения кантонского можно упомянуть живущего в Лондоне гонконгца Джекфри Вона, автора Инстаграм-канала «Ютхой» (粤台, «станция Юэ»), который распространяет знание о юэ для англоязычной аудитории. Формат его канала — уроки кантонского, подаваемые в неформальной и развлекательной манере. Число подписчиков Вона превышает 111000 человек, среди них — известные артисты и политики. Заслуживает внимания разработанное гонконгским лингвистом Университета образовательного Гонконга Лау Чхаакмином бесплатное приложение TypeDuck, позволяющее набирать иероглифические тексты на кантонском, используя транскрипционную систему ютпхин. Программа также оснащена функцией перевода слов на английский, хинди, индонезийский, непальский и урду. Такой набор языков неслучаен и учитывает этнический состав основных мигрантских групп Гонконга. Проект даже получил поддержку со стороны правительства Гонконга, выделившего на его поддержку в 2021 г. сумму в 336000 долларов США [3].

Вместе с тем, дальнейшее распространение кантонского, в особенности его письменной формы, наталкивается на определённые трудности. Во-первых, это неоднозначный статус юэ, особенно его письменной формы. Как указывалось выше, официально в Гонконге закреплено использование устного стандарта юэ, в то время как сфера употребления письменной формы остаётся в основном неформальной. Во-вторых, отсутствие какого бы то ни было регулирующего органа и как следствие — устоявшейся письменной нормы приводит к тому, что многие слова кантонского записываются по-разному: например, слово *igaat* (сейчас) может быть записано как 而家, так и 衣家, слово *e* (вещь) — 嘢 или 野, слово *péi* (давать) — 傅 или 界; в некоторых случаях исконно кантонские слова могут обозначаться буквами латинского алфавита, например, показатель сравнительной степени *ti* иногда записывается буквой D, хотя для него существует и отдельный знак 咩 [5, с. 196–197]. К тому же и в среде самих гонконгцев отношение к письменному юэ неоднозначное: одни считают его использование допустимым или даже желательным, другие же, напротив, полагают, что в иероглифическом тексте важна передача смысла, а не строгое следование разговорному языку. Наконец, так или иначе на распространение письменного кантонского влияет и политический фактор, поскольку он рассматривается как важный фактор гонконгской

идентичности, к которой, в свою очередь, апеллируют сторонники гонконгского сепаратизма.

Таким образом, в использовании языка юэ (кантонского тополекта) в Гонконге можно выделить несколько тенденций. Если говорить об устном кантонском, то его употребление и официальный статус в регионе закреплены официально, и его статус родного языка для подавляющего большинства населения едва ли претерпит изменения в ближайшие годы, даже несмотря на массовую миграцию в регион жителей материкового Китая. Он остаётся основным языком общения как для резидентов Гонконга, так и для тех, кто временно проживает в регионе. К настоящему времени едва ли можно увидеть серьёзную угрозу для кантонского со стороны путунхуа, даже несмотря на активные усилия властей по внедрению последнего на общенациональном уровне. Напротив, можно сделать вывод о том, что многие жители материкового Китая проявляют интерес к изучению языка юэ, который рассматривается как важное средство для успешной коммуникации в регионе. Что же касается письменного кантонского, то здесь сложнее предугадать тенденцию его дальнейшего использования. С одной стороны, он довольноочно захватил нишу неформального интернет-общения и активно используется на многочисленных онлайн-платформах. С другой стороны, его использование в публицистике и печати, несмотря на подъём конца XX – начала XXI века наталкивается на ряд сложностей, как то отсутствие единого стандарта, неоднозначное отношение к нему со стороны региональных и государственных властей, которые видят в нём один из инструментов гонконгского сепаратизма, и нежелание ряда самих носителей юэ в Гонконге принять письменный кантонский в качестве полноценного литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завьялова, О. И. Иероглифы для диалектов: от средневекового байхуа до интернета / О. И. Завьялова // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2021. – № 1. – С. 51–62.
2. Завьялова, О. И. Языковая политика / О. И. Завьялова // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2023. — М.: ИКСА РАН, 2024. – С. 287–293.
3. Fung, M. A globalised Hong Kong is making Cantonese more accessible to the world [Electronic resource] / Magdalene Fung // Straits Times. – Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/a-globalised-hong-kong-is-making-cantonese-more-accessible-to-the-world/>. – Дата доступа: 27.01.2025.
4. Languages by total number of speakers [Electronic resource]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/languages-by-total-number-of-speakers-2228881/>. – Дата доступа: 22.01.2025.
5. Snow, D. Cantonese as written standard? [Electronic resource] / Don Snow // Journal of Asian Pacific Communications, Volume 18, Issue 2 – 2008. – Р. 190–208.
6. 中华人民共和国国家通用语言文字法 [Электронный ресурс]. = Закон КНР об общепринятых в государстве языке и письменности. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E9%80%9A%E7%94%A8%E8%AF%AD%E8%A8%80%E6%96%87%E5%AD%97%E6%B3%95/2342629/>. – Дата доступа: 19.01.2025.
7. 中华人民共和国宪法 [Электронный ресурс]. = Конституция КНР. – Режим доступа: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm/. – Дата доступа: 20.01.2025.

8. 中華人民共和國香港特別行政區基本法 [Электронный ресурс]. = Основной закон Специального автономного района Сянган КНР. – Режим доступа: <https://www.basiclaw.gov.hk/tc/basiclaw/chapter1.html/>. – Дата доступа: 19.01.2025.
9. 粵文創作嘅想象 —— 訪問純粵文期刊《迴響》編輯阿星、擇言 [Электронный ресурс]. = Воображая творчество на письменном юэ — интервью с редакторами издаваемого на чистом письменном юэ журнала «Вуйхён» А Син и Чак Инь
10. 香港「兩文三語」政策的制定與實踐 [Электронный ресурс]. = Разработка и практика политики «Две письменности, три языка» в Гонконге. – Режим доступа: https://www.cityu.edu.hk/upress/pub/media//catalog/product/files/9789629375683_preview.pdf/. – Дата доступа: 25.01.2025.

Информация об авторе (-ах):

Гутин Илья Юрьевич – старший преподаватель Московского государственного института международных отношений, кандидат исторических наук, г. Москва, Российская Федерация.

Е. Н. ЕМЕЛЬЧЕНКОВА

ЛИНЕЙНАЯ СТРУКТУРА ИМЕННОЙ ГРУППЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обсуждаются принципы линейной организации зависимых компонентов именной группы в современном китайском языке. Даётся обзор имеющихся в китайской лингвистике подходов к анализу типов лексических заполнителей при существительном, описывается иерархия семантических признаков атрибутивных компонентов, влияющая на (не)наблюдаемую линеаризацию именной группы.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, структура именной группы, типы определений, семантическая иерархия, синтаксическая типология.

E. N. EMELCHENKOVA

THE LINEAR STRUCTURE OF NOUN PHRASE IN MODERN CHINESE

The paper discusses ordering of different semantic classes of attributive adjectives in Mandarin Chinese and provides a systematic review of Chinese linguistic approach to the (non-)observed linearization of the noun phrase. Based on the cognitive structure and mental templates the semantic hierarchy can have some implications for the syntactic hierarchy.

Key words: Mandarin Chinese, Chinese grammar, noun phrase structure, attributive adjectives, semantic hierarchy, syntactic typology.

Анализ структурной организации сложных по составу именных групп (далее – ИГ) представляет собой интересную в теоретическом ключе и важную прикладную задачу, решение которой оказывается довольно востребовано также и в лингводидактическом аспекте. Актуальность ее постановки и решения связаны с объективными трудностями, которые возникают у лиц, изучающих китайский язык, при знакомстве с особенностями линейной организации ИГ в этом языке. В русскоязычной литературе порядку следования нескольких определений при существительном в китайском предложении внимание уделяется крайне редко, наиболее подробно практические рекомендации по линейной организации ИГ с несколькими определениями представлены в [1], однако обсуждение теоретического обоснования линеаризации и спорных вопросов вариативного порядка пока остается вне научного фокуса.

В лингводидактической литературе сложные определения (多项定语 duō xiàng dìngyǔ) и анализ ошибок в расположении зависимых компонентов в составе ИГ представляют собой довольно важную часть грамматики языка среднего уровня. На начальном этапе объяснение устройства ИГ сводится исключительно к правилам постановки структурной частицы 的 de в зависимости от постоянного или временного характера признака, называемого соответствующим компонентом ИГ, однако и в дальнейшем на более продвинутых уровнях изу-

чения языка детального объяснения принципов расположения составляющих найти не удается, грамматики дают лишь общее правило, не поясняя причин или логики их относительного порядка.

В рамках данного исследования ИГ рассматривается как компонент предложения, обладающий синтаксическими свойствами существительного и состоящий из нескольких синтаксически связанных между собой словоформ.

(1) **列拉拿来自己的一件新买的白色丝绸衬衫。** Lièlā ná lái zìjǐ de yī jiàn xīn mǎi de báisè sīchóu chènshān ‘Лера принесла свою новую белую блузку из шелка’

В китайском языке все зависимые компоненты в структуре ИГ линейно будут занимать препозицию к вершине-существительному, выполняя функцию выделения (актуализации) соответствующего предмета во времени и пространстве. Решается эта задача путем перечисления ряда признаков и особенностей предмета, которые способствуют соотнесению ИГ с референтом во внеязыковой действительности. Такие многокомпонентные ИГ в предложении функционируют как единое целое, поскольку замещение анафорическим местоимением реализуется только для всей ИГ при невозможности линейного сохранения каких-либо отдельных ее компонентов в структуре предложения.

Важнейшим фактором, обеспечивающим целостность ИГ, является относительно жесткий порядок зависимых компонентов внутри группы. В китайском языке все они ставятся слева от существительного-вершины, поэтому их взаимное расположение регламентировано и следует определенным правилам. Однако в большинстве грамматических описаний обоснования причин наблюдаемых позиционных ограничений, разрешающих порядок **一本新书** yī běn xīn shū ‘новая книга’ и не допускающих вариант ***新一本书** xīn yī běn shū, не дается.

Изучение синтаксиса ИГ в китайской лингвистике началось в 50-е гг., когда китайские лингвисты, в частности Чжу Дэси (朱德熙) в [2], сосредоточился на обсуждении порядка следования нескольких атрибутивных компонентов при существительном в зависимости от наличия или отсутствия частицы **的** de. Столь поздний интерес к данной проблеме был обусловлен слабой дифференциацией элементов атрибутивной семантики в предложении. Так, в ранних грамматиках китайского языка, например, у Ли Цзиньси (黎锦熙) в [3] фигурировал «присоединительный член» (附加语 fùjiāyǔ), выражавшийся прилагательным или наречием и оформляющим именную или глагольную группу соответственно. Люй Шусян (吕叔湘) и Ван Ли (王力) в [4] и [5] соответственно описывали линейную структуру предложения в китайском языке, опираясь на теорию трех рангов О. Есперсена, в итоге не прижившейся в более поздних грамматических работах. В [6] использовался общий термин **修饰语** xiūshìyǔ ‘определяющее слово’ в приложении к словам-вершинам разной частеречной принадлежности, однако для ‘определяющих слов к существительному’ (**名词的修饰语** míngcí de xiūshìyǔ) давалось лишь краткое описание.

На современном этапе начиная с 80-х гг. XX в. в китайской лингвистике представлено довольно много работ, анализирующих порядок компонентов в ИГ с самых различных позиций и подходов. Ма Цинчжу (马庆株) в [7] анализи-

ровал порядок элементов с точки зрения семантики зависимых компонентов в ИГ. Юань Юйлинь (袁毓林) в [8] для объяснения линейного порядка внутри ИГ в СКЯ опирался на критерий объема информации и стратегии ее когнитивной обработки. При анализе структурной организации ИГ предпринимались попытки сочетать несколько критериев (семантический, грамматический и просодический) [9].

Довольно рано осознав тот факт, что линейный порядок расположения зависимых относительно вершины (определенного существительного) не является произвольным, что их упорядоченность носит регулярный характер, со временем китайские лингвисты выработали модели описания ИГ, однако разошлись во взглядах на семантику и функции отдельных ее компонентов, что в дальнейшем привело к расхождениям в классификации зависимых и дискуссии о критериях классификации как таковой.

В описаниях китайского языка сегодня чаще всего представлен следующий перечень признаков, описывающий линейную позицию зависимых компонентов в структуре ИГ – слева направо по степени дистанцированности от вершины. В скобках указан термин, стандартно описывающий компонент в структуре ИГ в работах китайских исследователей:

Именной компонент (выраженный существительным или местоимением), называющий посессора или принадлежность, в том числе отношение части к целому (领属 lǐngshǔ):

小明的书包 Xiǎo Míng de shūbāo ‘портфель Сяо Мина’

他的死 tā de sǐ ‘его смерть’

旅客们的要求 lǚkèmen de yāoqíú ‘требования туристов’

这两个班的同学 zhè liǎng gè bān de tóngxué ‘студенты этих двух групп’.

Именной компонент, называющий время или место (时地). В некоторых классификациях время и место разграничиваются как разные позиции:

昨天的课 zuótīān de kè ‘вчерашний урок’

今年的产量 jīnnián de chǎnliàng ‘объемы производства в этом го

教室里的同学 jiào shìlǐ de tóngxué ‘студенты (, находящиеся) в аудитории’

全村的老百姓 quán cūn de lǎobàixìng ‘все жители деревни’

Количественно-референциальный компонент, выраженный счетным комплексом, включающим числительное и счетное слово (классификатор), с указательным местоимением или без него (数量 shùliàng)

三本书 sān běn shū ‘три книги’

这一座现代化的办公大楼 zhè yīzuò xiàndàihuà de bàngōng dàlóu ‘это большое модернизированное офисное здание’

那位戴眼镜的非常精神的老人 nà wèi dài yǎnjìng de fēicháng jīngshén de lǎorén ‘тот очень бодрый старик в очках’

Глагол, глагольная группа или предложно-именная группа, обозначающие признак, ограничивающий сферу приложимости называемой в предложении ситуации (限定范围 xiàndìng fànwéi):

一个穿黄夹克的小伙子 yī gè chuān huáng jiákè de xiǎohuǒzi ‘парень в желтом пиджаке’

乡下来的两个孩子 xiāngxià lái de liǎng gè háizi ‘двоих детей из деревни’

关于老舍的讲座 guānyú Lǎo Shě de jiǎngzuò ‘лекция о Лao Шэ’

Прилагательное, адъективная группа или иной компонент описательной природы, указывающий состояние или особенности предмета (状态 zhuàngtài):

一个非常可爱的小姑娘 yī gè fēicháng kě'ài de xiǎo gūniáng ‘крайне милая девушка’

绿油油的草地 lǜyóuyóu de cǎodì ‘зеленый газон’

我的一份好报告 wǒ de yī fèn hǎo bàoɡào ‘мой удачный доклад’

Компоненты групп 4 и 5, выраженные словоформами предикативной природы, обычно описывают признаки временного характера.

Существительные или прилагательные, уточняющие материал или функцию предмета. Этот компонент обычно позиционируется как постоянный признак предмета, поэтому зависимые этого типа не требуют оформления структурной частицей 的 de в позиции перед вершиной:

木箱子 mù xiāngzi ‘деревянный сундук’

汉语老师 hànyǔ lǎoshī ‘преподаватель китайского языка’

旧房子 jiù fángzi ‘старый дом’

Приведенный перечень компонентов в структуре ИГ представляет собой результат обобщения всех типов зависимых, встречающихся при одном существительном-вершине. По факту одновременно все типы в рамках одной ИГ практически не встречаются. Так, в (1) не была заполнена позиция 3:

1	2	4	5	6	сущ
自己的	一件	新买的	白色	丝绸	衬衫
zìjǐ de	yī-jiàn	xīn mǎi de	báisè	sīchóu	chènshān
‘собственный’	‘один-CL’	‘недавно купленный’	‘белый цвет’	‘шелк’	‘блузка’

Обобщение подходов, предложенных в [10; 11] относительно порядка расположения зависимых компонентов в структуре ИГ с точки зрения семантики, дает нам следующую цепочку (семантическую иерархию) признаков по степени удаленности компонентов от вершины:

время > место > форма, размер > цвет > внешний вид > материал, функция

Проиллюстрируем данную иерархию языковыми примерами с различным набором атрибутивных компонентов:

新小白木床 xīn xiǎo báimù chuáng ‘новая деревянная кроватка’

白色长筒尼龙袜子 báisè chánɡtǒnɡ nílónɡ wàzi ‘белые гольфы из нейлона’
(букв. ‘белые длинноствольные нейлоновые носки’)

大号黑色防风大衣 dàhào hēisè fángfēnɡ dàyī ‘черное ветрозащитное пальто большого размера’

Когнитивное обоснование представленной иерархии атрибутов показывает, что наиболее релевантные признаки располагаются максимально близко к вершине: самые важные из них – это материал, из которого сделан предмет, или функция, которую предмет призван выполнять. Далее по степени дистанцированности следуют различные варианты описания экстерьера (размер, цвет,

форма и др.) предмета. Анализ языкового материала показывает, что в когнитивной структуре цвет объекта занимает очевидно более высокую позицию, чем его размер. В естественных языках цветообозначения примыкают к вершине чаще, чем качественная лексика, уточняющая, большим или маленьким является предмет. Это актуально не только для китайского, но и для многих других языков. Так, в русском языке большой красный фонарь звучит естественнее, чем ? красный большой фонарь, в английском грамматически верным также будет признан вариант *a big red lantern*. Для китайского допустим только порядок 大红灯笼 dà hóng dēnglóng ‘большой красный фонарь’, но не вариант *红大灯笼 hóng dà dēnglóng с обратным порядком компонентов ИГ.

В структуре ИГ могут дополнительно уточняться какие-либо обстоятельства появления, существования или использования предмета. Они не являются ключевыми, поэтому занимают более дистантную по отношению к вершине позицию, обязательно оформляясь структурной частицей 的 de.

Такие атрибутивные компоненты ИГ, как количественно-референциальные компоненты или отсылки к обладателю (признак посессивности / принадлежности), вообще не являются изначально присущими предмету свойствами, поэтому соответствующие лексические заполнители вводятся линейно максимально удаленно от вершины. При этом указательные местоимения и притяжательные компоненты, занимающие крайнюю левую позицию в ИГ, не демонстрируют дополнительной дистрибуции между собой, как это свойственно языкам артиклевым.

Представленное когнитивное обоснование, однако, не исчерпывает ряд вопросов, возникающих при более детальном анализе эмпирического материала и знакомстве с подходами китайских лингвистов к решению данной проблемы. Опишем наиболее очевидные для нас болевые точки.

Опираясь на идеи и подходы, изложенные в [2; 12; 13; 14], китайские лингвисты чаще всего предлагают делить вышеописанные атрибутивные компоненты на два больших класса – рестриктивные и описательные. В китаеязычной литературе они обычно фигурируют как соответствующие типы определений.

Рестриктивное (или выделительное) определение (限制性定语 xiànzhìxìng dìngyǔ) из целого класса предметов в рамках данной коммуникативной ситуации высвечивает лишь какую-то его часть. Компоненты рестриктивного типа часто выполняют актуализирующую роль, выделяя из общей массы объектов со сходными свойствами конкретного представителя, индивидуализируя его или ограничивая от других по определенным признакам (референция, принадлежность, количество, место или время). Этот тип определений соответствует отнесению имени к идентифицированному объекту.

Дескриптивные определения (描述性定语 miáoshùxìng dìngyǔ) имеют целью описать предмет как носителя определенных признаков или представителя класса, не выделяя его индивидуально. В качестве дескриптивных определений в предложении в китайском языке выступают словоформы предикативной природы или группы синтаксически связанных слов, способных к этой роли. Такие компоненты также часто выполняют распространительную функцию, добавляя

к характеристике предмета признаки, наличие которых не является для него обязательным, поэтому о них говорят как о временных. Лексическими заполнителями в таких компонентах будут называющие состояние или действие глаголы или прилагательные, хотя встречаются и более экзотические варианты, например, количественная группа как временный признак при описании возраста:

美丽的校园 měilì de xiàoyuán ‘красивый кампус’

(这些)十一二岁的知青的孩子 (zhè xiē) shíyīr suì de zhīqīng de háizi ‘эти одиннадцати-двенадцатилетние подростки с образованием’

В работах китайских лингвистов встречаются и иные классификации, с другим набором определений, в частности: посессивное (领属性定语 lǐngshùxìng dìngyǔ), тождественное (同一性定语 tóngyítíng dìngyǔ), обычное (一般性定语 yībānxìng dìngyǔ), дифференцирующее (区别性定语 qūbiéxìng dìngyǔ), классифицирующее (定类性定语 dìnglèixìng dìngyǔ) и др., зачастую отражающие авторское видение конкретного лингвиста, но необязательно опирающиеся на последовательно применяемые основания классификации.

Отсутствие четких критериев разграничения приводит к нечеткой дифференциации классов или их смешению даже в рамках двухчастного деления. Так, в некоторых авторитетных работах по грамматике китайского языка изоморфные ИГ классифицируются не единообразно. Самой известной иллюстрацией несовпадения подходов являются две ИГ – 木头桌子 mùtou zhuōzi ‘деревянный стол’ и 石头房子 shítou fángzǐ ‘каменный дом’ , в которых компонент 木头 mùtou ‘деревянный’ «Практическая грамматика китайского языка» предлагает считать описательным [14, с. 279] , тогда как Хуан Божун и Ляо Сюйдун видят в аналогичном и по форме, и по семантике компоненте 石头 shítou ‘каменный’ рестриктивное определение [15, с. 86].

Кроме того, как отмечал в свое время еще Чжао Юаньжэнь в [16], та или иная классификация компонента зависит от конкретной коммуникативной ситуации, поскольку прагматические факторы напрямую влияют на линейный порядок и интерпретацию соответствующих компонентов в составе ИГ:

(2a) 戴眼镜的那位先生 dài yānjìng de nà wèi xiānshēng ‘тот господин, что в очках’

(2b) 那位戴眼镜的先生 nà wèi dài yānjìng de xiānshēng ‘тот господин в очках’ (примеры взяты из [16, с. 148])

В (2a) речь идет о выделении из группы господ одного представителя, отличительным признаком которого является наличие очков (у остальных членов группы очки отсутствуют), поэтому 戴眼镜的 dài yānjìng de ‘в очках’ здесь рестриктивное определение, тогда как в (2b) это уже дескриптивное определение, поскольку имеет место указание на конкретного представителя условного класса «господ в очках».

Таким образом, чаще всего представленное в грамматических описаниях китайского языка деление атрибутивных компонентов на рестриктивные и дескриптивные носит условный характер и подвержено ряду ограничений. Из приведенного выше перечня к рестриктивным можно условно отнести зависи-

мые 1–3 типов, соответственно типы 4 и 5 – это дескриптивные компоненты. Тип 6 будет отнесен к дескриптивным в двухчастной классификации; если же предполагается выделение еще какого-то класса (дифференцирующего, классифицирующего и т.п.), то этот компонент будет выведен за рамки дескриптивного типа зависимых в структуре ИГ.

Среди проблем, обнаруживаемых при анализе материала, следует обозначить необязательность оформления компонентов ИГ структурной частицей 的 de. В составе ИГ ее может вообще не быть или быть, но не везде, где ожидается:

他那本新语法书 tā nà běn xīn yǔfǎ shū ‘та его новая книга по грамматике’

他们班那位高个子同学 tāmen bān nà wèi gāo gèzì tóngxué ‘тот студент высокого роста из их группы’

一位非常热情的卖花姑娘 yī wèi fēicháng rèqíng de mài huā gūniáng ‘крайне доброжелательная девушка, продающая цветы’ (появление 的 de ожидалось после глагольной группы 卖花 mài huā ‘продавать цветы’)

Посессивные/притяжательные компоненты в структуре ИГ в китайском языке занимают обычно крайнюю левую позицию (в абсолютном начале всей группы), что типично как для артиклевых, так и безартиклевых языков, однако в последних они не демонстрируют дополнительной дистрибуции с указательными местоимениями в составе количественно-референциального компонента ИГ: 我的这张照片 wǒ de zhè zhāng zhàopiàn ‘эта моя фотография’ при невозможности аналогичных сочетаний в артиклевых языках, например, в английском: *this my picture или *the my picture ‘эта моя фотография’.

На внешний характер признака посессивности/принадлежности указывает позиционная устойчивость соответствующего компонента в структуре ИГ, подтверждаемая языковым материалом:

他的最大的孩子 tā de zuìdà de háizi ‘его самый старший ребенок’

*最大的他的孩子 *zuìdà de tā de háizi ‘его самый старший ребенок’

中国的最长的河流 Zhōngguó de zuì cháng de héliú ‘самая длинная река в Китае’

*最长的中国的河流 *zuì cháng de Zhōngguó de héliú ‘самая длинная река в Китае’

При этом аналогичная позиционная мена с количественно-референциальным компонентом крайне частотна и отражает непостоянство статуса зависимых, способных выступать как рестриктивными, так и дескриптивными определениями:

一间最大的房子 yī jiàn zuìdà de fángzi ‘самая большая комната’

最大的一间房子 zuìdà de yī jiàn fángzi ‘самая большая комната’

最新的一本小说 zuìxīn de yī běn xiǎoshuō ‘самый новый роман’

一本最新的小说 yī běn zuìxīn de xiǎoshuō ‘самый новый роман’

Возможны особые случаи употребления именных компонентов, когда их относительная позиция будет свидетельствовать о нетипичной роли соответствующего лексического заполнителя. Сравним следующие примеры:

(3a) 这是小明的三本书。 *Zhè shì Xiǎo Míng de sān běn shū* ‘Это три книги Сяо Мина.’

(3b) 这是三本小明的书。 *Zhè shì sān běn Xiǎo Míng de shū* ‘Это три книги Сяо Мина.’

(4a) 这是老舍的三本书。 *Zhè shì Lǎo Shé de sān běn shū* ‘Это три книги Лao Шэ.’

(4b) 这是三本老舍的书。 *Zhè shì sān běn Lǎo Shé de shū* ‘Это три книги Lao Шэ.’

Исходя из выше описанной модели заполнения позиций в структуре ИГ, можно определить, что в (3a-b) и (4a-b) имена собственные употребляются в разных атрибутивных функциях. Примеры (3a) и (4a) называют посессивность/ принадлежность книг, уточняя их обладателя, тогда как в вариантах (b) с его помощью указан либо автор, либо главный герой произведения, поэтому (4b) с именем известного писателя Лao Шэ вопросов не вызывает, тогда как в (3b) употребление антропонима Сяо Мин предписывает прочтение имени, как обозначающее ситуацию принадлежности, а потому требует его постановки в самое начало ИГ.

В грамматиках говорится также об ограниченной, но все же возможной позиционная мене линейного порядка компонентов ИГ с односложными прилагательными: 大 dà ‘большой’, 小 xiǎo ‘маленький’, 厚 hòu ‘толстый’, 薄 báo ‘тонкий’, 长 cháng ‘длинный’, 方 fāng ‘квадратный’, которые могут стоять перед счетным словом, в интерпозиции между составляющими количественно-референциальной группы:

一大块木头 yī dà kuài mùtou ‘большой кусок древесины’;

一小颗珠子 yī xiǎo kē zhūzǐ ‘маленькая бусинка’;

一本厚书 yī hòu běn shū ‘толстая книга’;

那一小箱书 nà yī xiǎo xiāng shū ‘тот маленький ящик с книгами’.

Однако не со всеми счетными словами подобная позиционная мена возможна:

*一大只狗 yī dà zhī gǒu ‘большая собака’;

*那两大位老师 nà liǎng dà wèi lǎoshī ‘те два великих учителя’;

Причины подобных ограничений не вполне ясны.

Вызывает вопросы и неоднозначность трактовки вне контекста именных групп как сочинительных или последовательно подчинительных, так, 一片大好形势 yī piàn dà hǎo xíngshì допускает двоякую трактовку:

一片 | 大好形势 yī piàn / dà hǎo xíngshì ‘благоприятная ситуация’;

一片大|好形势 yī piàn dà / hǎo xíngshì ‘очень хорошая ситуация’.

Таким образом, в русскоязычной литературе по лингвистике и лингводидактике китайского языка наблюдается серьезная лакуна в области обоснования линейной структуры именной группы в китайском языке, большинство грамматических описаний ограничиваются изложением принципов оформления ряда компонентов ИГ структурной частицей 的 de, говорится о допустимости одних вариантов следования компонентов и недопустимости других без каких-либо детальных комментариев. Такое поло-

жение вещей является следствием отсутствия единообразного и унифицированного подхода к описанию многокомпонентных определительных конструкций среди китайских лингвистов.

Анализ языкового материала показывает, что расположение атрибутивных компонентов обуславливается релевантностью называемого ими признака: наиболее важные, изначально присущие предмету располагаются ближе всего к вершине ИГ, внешние признаки вводятся дистантно, что объясняет крайнюю левую позицию посессивных компонентов. Эти особенности в китайском языке соответствуют когнитивным тенденциям, наблюдаемым и в других языках. Однако представленные в литературе модели и классификации обнаруживают ряд спорных моментов, затрудняющих их применение в практическом ключе, а между тем выявление и описание факторов, влияющих на расположение атрибутивных компонентов в структуре именной группы, позволит избежать нарушения грамматических норм китайского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивченко, Т. В. Полная грамматика в схемах и таблицах. / Т. В. Ивченко. – М.: АСТ, 2021. – 736 с.
2. 朱德熙. 现代汉语形容词研究: 形容词的性质范畴和状态范畴 /德熙朱. – 北京: 北京大学中国语言文学系, 1956. = Чжу Дэси. Исследование прилагательных в современном китайском языке: категории качества и состояния прилагательных / Дэси Чжу. – Пекин: Кафедра китайского языка и литературы, Пекинский университет, 1956.
3. 黎锦熙. 新著国语文法 /锦熙黎. – 长沙: 湖南教育出版社, 1924/2007. = Ли Цзиньси. Новая грамматика китайского языка / Цзиньси Ли. – Чанша: Хунань цзяоюй чубаньшэ, 1924/2007. 347 с.
4. 吕叔湘.中国文法要略 /叔湘吕. – 北京: 商务印书馆, 1942/1982. =Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка / Шусян Люй. – Пекин: Шаньъу иньшугуань, 1942/1982. – 681 с.
5. 王力. 中国现代语法/力王. –北京: 商务印书馆, 1943/1985. = Ван Ли. Современная китайская грамматика / Ли Ван. – Пекин: Шаньъу иньшугуань, 1943/1985. – 404 с.
6. 丁声树等.现代汉语语法讲话 /声树丁等 –北京: 商务印书馆, 1961/1999. = Дин Шэншу и др. Лекции по грамматике современного китайского языка / Шэншу Дин – Пекин: Шаньъу иньшугуань, 1961/1999. – 228 с.
7. 马庆株. 多重定名结构中形容词的类和次序/ 马庆株 //中国语文, 1995. (5):357-366. = Ма Цинчжу. Типы и порядок прилагательных в многокомпонентных определительных конструкциях. / Цинчжу Ма. // Китайский язык. – 1995. – № 5. – С. 357–366.
8. 袁毓林. 定语顺序的认知解释及其理论蕴涵 /毓林袁. – 中国社会科学.1999. (2):185-201 – Юань Юйлинь. Когнитивная интерпретация порядка определений и ее теоретические импликации/ Юйлинь Юань. – Общественные науки в Китае. –1999. – № 2. – С.185–201.
9. 周韧. 多项定语偏正式合格性条件的优选分析——一个汉语韵律、语义和句法互动的个案研究 /韧周. – 语言学论丛, 2006. (34):47-62. = Чжоу Жэнь. Анализ предпочтений условий пригодности зависимых форм в многокомпонентных определениях: исследование взаимодействия просодии, семантики и синтаксиса в китайском языке. / Жэнь Чжоу. // Сборник научных статей по лингвистике. – 2006. – № 34. – С.47–62.
10. 陆丙甫. 语序优势的认知解释 : 论可别度对语序的普遍影响 /丙甫陆. //当代语言学, 2005, (1):1-15, (2):132–138. = Лу Бинфу. Когнитивное объяснение предпочтения порядка слов: Об универсальном влиянии различимости на порядок слов / Бинфу Лу. // Современная лингвистика. – 2005. – № 1. – Р.1-15. – № 2. – pp.132-138.

11. 刘月华.汉语语法论集/ 刘月华. – 北京: 现代出版社, 1989. = Лю Юэхуа. Сборник статей по грамматике китайского языка / Юэхуа Лю. – Пекин: Сяньдай чубаньшэ, 1989. – 359 с.
12. 朱德熙. 语法讲义 / 朱德熙. – 北京: 商务印书馆, 1982/1984. = Чжу Дэси. Лекции по грамматике. – Пекин: Шаньу иньшугуань, 1982/1984. – 232 с.
13. Chao Yuan Ren. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1968. – 847 p.
14. 刘月华等. 实用现代汉语语法 / 刘月华. – 北京: 外语教学与研究出版社, 1983. = Лю Юэхуа и др. Практическая грамматика современного китайского языка / Лю Юэхуа и др. – Пекин: Вайюй цзяосюэ юй яньцзю чубаньшэ, 1983. – 628 с.
15. 黄伯荣. 现代汉语 / 黄伯荣, 廖序东. – 北京: 高等教育出版社, 2002. = Хуан Божун. Современный китайский язык / Божун Хуан, Сюйдун Ляо. – Пекин: Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2002. – 548 с.
16. 赵元任. 汉语口语语法 / 赵元任. – 北京:商务印书馆, 1979. = Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка / Юаньжэнь Чжао. – Пекин: Шаньу иньшугуань, 1979. – 380 с.

Информация об авторе:

Емельченкова Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и методики преподавания языков и культур Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Т. В. ИВЧЕНКО

ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА И ПЕРЕВОДА
КИТАЙСКИХ КЛАССИЧЕСКИХ
ТЕКСТОВ (НА ПРИМЕРЕ
РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЛУНЬЮЙ)

В последнее время вышло несколько новых переводов Лунь Юй – текста, лежащего в основе конфуцианского учения. На примере сравнительного анализа нескольких мест из этих переводов в статье делается попытка понять, на каких принципах должны быть основаны новые переводы китайской классики. Особый акцент делается на необходимости детального комментария к оригиналу и экспликации новых переводческих решений самого переводчика.

Ключевые слова: перевод, Лунь Юй, китайская классика, комментарий, переводческое решение.

T. IVCHENKO

**THE PRINCIPLES OF TEXTUAL ANALYSIS AND
TRANSLATION OF CHINESE CLASSICAL TEXTS (USING
RUSSIAN TRANSLATIONS OF LUNYU AS AN EXAMPLE)**

Recently, several new translations of Lunyu, the text that underlies Confucian teaching, have been published. Using a comparative analysis of several passages from these translations, this article attempts to understand what principles new translations of Chinese classics should be based on. Particular emphasis is placed on the need for a detailed commentary on the original and an explication of the new translation solutions proposed.

Keywords: translation, Lun Yu, Chinese classics, commentary, translation solution.

«Беседы и рассуждения/ Суждения и беседы/ Рассуждения в изречениях» Конфуция (далее Лунь Юй) – один из ключевых канонов китайской мысли и культуры в целом по-прежнему привлекает пристальное внимание исследователей. Не удовлетворяясь усилиями и результатами предшественников (что вполне естественно), синологи и философы делают попытки новых, более точных и адекватных переводов этого канона на русский язык. Так обычно декларируется причина и цель всех новых переводческих усилий¹. Постоянный рост их числа свидетельствует о продолжающихся поисках в этой области².

¹ Я постараюсь не повторять идеи двух блестящих статей В.Ф. Феоктистова, опубликованных в сборнике его переводов «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005), ограничившись лишь несколькими цитатами ниже по тексту.

² Я не буду перечислять здесь все известные переводы Луньюй на русский язык, они более или менее полно перечислены в статьях Конончук Д. В. «Изучать “Перемены”» «подальше от духов»? О необходимости новых интерпретаций идей «Лунь юя», (Ориенталистика 2020 Vol 3, № 5), Тянь Юйвэй Особенности переводов «Бесед и суждений (Луньюй)» на русский язык» (Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2019. Том 11. Выпуск 4) и диссертации Чэн Лян «Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция «Лунь юй» и его переводов на русский язык», Кандидатская диссертация, РУДН, 2022

В связи с этим меня будут интересовать не столько вопросы перевода и понимания отдельных сложных терминов¹ (хотя они исключительно важны и сложны), а стратегия перевода текста как целого, включая вопросы грамматики и многозначной лексики. Я попытаюсь на нескольких примерах проиллюстрировать, как эти проблемы решаются (или не до конца решаются) в некоторых современных переводах Лунь Юй на русский язык.

Мой взгляд на перевод китайской классики во-многом совпадает с идеями, высказанными А. С. Мартыновым и Ю.Л. Кролем во время круглого стола «К проблеме категорий традиционной китайской культуры» и процитированные В.Ф. Феоктистовым в его статье «К проблеме перевода древнекитайских философских текстов»: «Два авторитетных участника дискуссии — А. С. Мартынов и Ю. Л. Кроль — связали проблему выделения и классификации категорий китайской культуры с вопросом о переводе на русский язык не только этих категорий, но и всего текста памятника. Особенно четко эта мысль выражена в выступлении А. С. Мартынова, который совершенно справедливо указал на органическую связь категориального аппарата китайских памятников с их концептуальной схемой и, еще шире, со всем контекстом»².

Какой перевод можно считать новым? Чем один перевод может быть «новее» или «лучше» другого?³ Развернутые соображения по этому поводу можно опять же найти у В.Ф. Феоктистова: «Каковы критерии новизны перевода любого философского произведения? Во-первых, предполагается, что перевод содержит новые текстуально-содержательные моменты как результат исследования первоисточника, открывшихся новых обстоятельств (обнаружение новых списков текста, комментариев, иного прочтения иероглифов, учет работ других авторов и т. п.). Во-вторых, новая стилистика, фразеология. ...И наконец, в-третьих, это новое осмысление понятий, терминов, категорий, образующих костяк любого философского произведения... новое толкование таких категорий, как «дао», «ци», «ли», «и», «жэнь», «тай цзи» и т. д. может привести к серьезной корректировке взглядов исследователей на понятийный аппарат китайской классической философии и их содержательную эволюцию».⁴

Хотелось бы несколько скорректировать совершенно справедливые утверждения В. Ф. Феоктистова: вопрос не в новизне, а в глубине, при этом большая глубина понимания текста (и, как следствие, перевода) может дости-

¹ Глубокий анализ категорий «жэнь» (гуманность) и «чэн» (искренность) можно найти в А. С. Мартынов «Конфуцианство. Лунь Юй», Санкт-Петербург, 2001 (том 2 стр. 130-207).

² В. Ф. Феоктистов «К проблеме перевода древнекитайских философских текстов», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005) с. 349-350

³ Блестящие соображения по поводу сложности задачи перевода Лунь Юй можно найти у В.М. Алексеева: «В самом деле, можно ли с одного приема и с одной лишь версии передать тот самый текст, который в Китае без посредствующего звена („трамплина“) на протяжении веков всегда был непонятен?» Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978, с. 247

⁴ В. Ф. Феоктистов «Нужны ли новые переводы Луньюй», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005) с 363-364

гаться и на материале тех же самых списков текста и тех же комментариев. Перевод должен показывать, как оригинал порождает смыслы, какова его внутренняя логика. В.С. Спирину, А.М. Карапетьянцу и А.И. Кобозеву во многом удалось показать, как структурирован и внутренне организован китайский классический текст, какие механизмы он использует для структурирования мысли и построения единой концептуальной системы, как текст комментирует сам себя (термин А.М. Карапетьянца), отсылая к другим частям этого же текста (внутренний комментарий) и к другим текстам (внешний комментарий), соединя все в единое целое. Перевод по возможности должен отражать все это. И тут встает вопрос, насколько это вообще возможно? А если это хоть в какой-то степени возможно, то каким образом можно этого достичь и какими языковыми средствами? И как включить это знание в перевод?¹

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных примеров, хотелось бы отметить один перевод, стоящий особняком. Речь идет о переводе первых трех глав

Лунь Юй, выполненному академиком В.М. Алексеевым в далеких 1920-1921 годах. На машинной копии этого перевода от 1928 года сделана приписка: «Оставлен за невозможностью печатать». Перевод увидел свет лишь в 2002 году в двухтомнике «Труды по китайской литературе»². Во многих отношениях я считал бы этот перевод образцом работы с классическим каноном и с точки зрения качества самого перевода, и с точки зрения понимания роли переводчика и ее отражения в переводческом комментарии. Незавершенность этого перевода мне представляется большой потерей для истории переводов Лунь Юй на русский язык. Академик Алексеев со свойственной ему системностью дал не только перевод самого трактата, но и полностью перевел комментарий Чжу Си, справедливо обосновав свой выбор его авторитетностью, а также снабдил детальными переводческими замечаниями как перевод самого текста Лунь Юй, так и перевод комментария.

Зададимся следующим вопросом: какой перевод китайского классического текста имеет смысл, в первую очередь, для читателя, не владеющего языком оригинала (а это и есть основной адресат перевода)? Мы имеем в виду читателя, готового внимательно вчитываться в текст.

Это, прежде всего, должен быть перевод *откомментированный*. Речь идет не только и не столько о комментарии к персоналиям, географическим названиям и т.д., что очевидно необходимо. Комментарий должен, во-первых, пояснить глубинный смысл текста и, во-вторых, разъяснить принципы перевода (что систематично делал академик Алексеев). Под глубинным смыслом

¹ Во время одной из конференций по языкам Азии и Африки в Санкт-Петербурге в моем докладе о трактате «Суньцзы бинфа» я пытался показать многомерность структуры текста трактата, на что С.Е. Яхонтов проницательно спросил: «Как Вы собираетесь отразить это в переводе?» Тогда я не смог ответить на этот вопрос.

² В.М. Алексеев, Китайская литература. М., 1978, и более полное издание его трудов «Труды по китайской литературе книги 1-2», Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН 2002

понимаются семантические и концептуальные связи внутри всего текста, а не только в пределах какого-либо отдельно взятого предложения, а под принципами перевода – экспликация переводческой стратегии с ее обоснованием: это намеренно буквальный перевод, имитирующий структуру оригинала, или перевод, избегающий буквализм и склоняющийся в сторону более художественного переложения? Почему именно такой выбор переводчик посчитал оптимальным, а свой перевод – «новым» и «продвинутым» по сравнению с предшественниками? Без таких пояснений перевод классического текста больше скрывает, чем открывает.

Известно, что современный популярный формат издания классики предполагает зачастую лишь минимальный комментарий или вообще его избегает. Именно так, например, изданы «Суждения и беседы «Лунь юй»» (научный перевод с китайского и комментарий Лукьянова А.Е., Международная изательская компания «Шанс», Москва 2021)¹, «Конфуций Лунь Юй Суждения и Беседы» (Новый современный перевод, В.В. Башкеев, Издательство АСТ 2023)² и «Конфуций Рассуждения в изречениях в переводе и с комментариями Бронислава Виногродского» (Эксмо, Москва, 2013). Комментарий во всех этих изданиях очевидностью следует принципу минимализма.

Переводу А.С. Мартынова предшествует весьма обширное исследование конфуцианской традиции и трактата Лунь Юй, но сам перевод не откомментирован³. Видимо, предполагается, что читатель сможет самостоятельно «спроектировать» выводы исследователя на перевод трактата. Можно, однако, предположить, что это вряд ли реалистично.

Исключением является издание «Конфуцианское четверокнижие Сы Шу» (Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004), где читатель найдет подробный комментарий по ходу всего текста перевода трактата, что дает возможность во многих случаях понять аргументацию переводчика, а затем соглашаться или не соглашаться с ней.

Из всего вышесказанного хотелось бы сделать следующий вывод: выбор между, например, двумя альтернативами перевода категории «жэнь» (仁) как ‘гуманность’ или ‘человеколюбие’ принципиально не решает проблему адекватности перевода, и здесь сложность состоит не только в «удручающей полисемии термина «гуманность» в учении луского мудреца»⁴, но и в «удручающей» полисемии и размытости значений соответствующих русских эквива-

¹ Перевод хотя и квалифицирован как научный, но Анатолий Евгеньевич дал весьма лапидарный комментарий лишь к персоналиям и некоторым основным концептам. Семинар по обсуждению перевода с участием Анатолия Евгеньевича, к сожалению, провести не удалось в связи с его безвременной кончиной в 2021 году.

² В весьма основательном предисловии к этому переводу дается продуктивный анализ архетиконики текста, в тексте справедливо выделяются различные «структурно-жанровые группы» и отмечается жанровая и структурная неоднородность текста, иллюстрируемая анализом терминов-концептов 禮 ‘ритуал’ и 仁 ‘человечность’, но всего этого недостаточно, так как все эти идеи предполагают эксплицитную реализацию в переводе текста, а способ этой реализации далеко не всегда ясен и очевиден.

³ А.С. Мартынов «Конфуцианство. «Луньюй»», Санкт-Петербург, 2001

⁴ А.С. Мартынов, 2001, том 2, стр. 130

лентов. А это, в свою очередь, означает, что любой перевод (новый или старый) требует комментария и в связи с многозначностью терминов (названий категорий) предполагает пояснения значения в каждом контексте встречаемости: читатель вряд ли в состоянии сделать это самостоятельно. Можно даже предположить, что перевод любого китайского трактата следует снабжать терминологическим словарем с пояснением полисемии каждого термина/концепта и описанием системы оппозиций, в которую этот термин/концепт включен¹.

Но и это еще не все. Перевод, по моему мнению, должен раскрывать «источник понимания» текста. Вокруг каждого классического текста сформирована своя традиция понимания (герменевтическая традиция или экзегеза), зафиксированная в комментариях. Конечно, исследователь имеет право на свое видение и понимание, но оно не может быть основано только на его собственной интуиции и догадках, особенно если это текст инокультурный. Пользовался ли переводчик какими-либо комментариями? Какими принципами при выборе того или иного толкования руководствовался (например, следовал ли всегда самому древнему комментатору (Чжэн Сюаню (鄭玄) или Хуан Каню (黃侃), или самому авторитетному? или самому полному?)? Или же он отвергал все комментарии (по какой причине?), предпочитая свое собственное «незамутненное традицией» видение? Чем оно лучше и что не поняли комментаторы внутри традиции передачи данного текста? Приступая к такому тексту как Луньюй, нельзя, с моей точки зрения, обходить все эти вопросы, но они регулярно обходятся и не эксплицируются, и, хотя, например, перевод Л.С. Переломова заявляется как результат сопоставления всех версий и вариантов толкований и переводов Лунь Юй, по факту это оказывается не совсем так, особенно страдает аргументация выбора между различными вариантами понимания (и толкования) текста.

Кроме того, существуют уже ставшими классическими переводы на русский (первый русский перевод Павла Степановича Попова (1910)²), классический английский перевод Джеймса Легга (The Chinese Classics (Volume One: Confucian Analects) Tr. by James Legge) и другие переводы на европейские языки. Они были использованы или отвергнуты из-за неадекватности? Как в любом классическом трактате, в Лунь Юй есть понятные и трудно понимаемые места. Если в отношении последних перевод предлагает новые решения, то было бы желательно получить экспликацию переводческого решения и его основания именно в этих местах³.

И, наконец, имеется еще и большое количество переводов на современный китайский язык, то есть переводов, выполненных внутри самой традиции передачи Лунь Юй. Видимо, считая это недостойным глубокого научного

¹ Краткий вариант такого словаря можно найти в приложении к переводам Лунь Юй и Мэнцзы, выполненные Ян Боцзюнем: 《論語譯註》楊伯峻譯註, 中華書局, 北京, 1980)

² П. С. Попов «Лунь юй. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц», 1910 г.

³ Надо отдать должное изданию «Конфуцианско четверокнижие Сы Шу», где сравнение с другими переводами на русский язык проводится систематично.

исследования, переводчики на русский язык (и другие европейские языки) крайне редко упоминают современные китайские (КНР и Тайвань) переводы этого трактата, а их, понятное дело, очень много.

Частое игнорирование современных китайских переводов не может не вызывать удивления, так как имеется некоторое количество интересных работ, являющихся одновременно и глубокими исследованиями этого текста, и хорошими переводами, это, например, перевод Цянь Му (钱穆 《論語新解》三聯書店, 北京, 2002), Ян Боцзюня (《論語譯註》楊伯峻譯註, 中華書局, 1980, 北京)), Ли Цзэху (李澤厚 《論語今讀》安徽文藝出版社, 1998) и во многом прорывное текстологическое исследование Ян Фэнбина (楊逢彬: 《論語新註新譯》北京大學出版社, 2016). Возможно, погруженность в традицию этих исследователей и зависимость от нее не дают им возможности непредвзято взглянуть на собрание изречений Конфуция, а посему их понимание «вторично», но нахождение вне традиции нельзя однозначно и безоговорочно считать преимуществом, игнорируя «внутреннюю» традицию понимания текста.

Возьмем в качестве примера весьма непростой для понимания чжан (часть) 22 из 6-й главы, ставший также объектом анализа специальной статьи Д.В. Конончука¹:

Оригинал ²	<p>樊遲問知。子曰：“務民之義，敬鬼神而遠之，可謂知矣。”</p> <p>問仁。曰：“仁者先難而後獲，可謂仁矣。”</p>
Попов	<p>Фань-чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Философ ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них».</p> <p>«А человеколюбивым?» – спросил Фань-чи. «А человеколюбивым, – сказал Философ, – можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т. е. победу над собой), а выгоду – на втором».</p>
Переломов	<p>Фань Чи спросил, в чем состоит мудрость. Учитель сказал: «Прилагать все силы к тому, чтобы народ обрел чувство долга, чтить духов и божества, не приближаясь к ним, — в этом состоит мудрость».</p> <p>Фань Чи спросил, в чем состоит человеколюбие. Учитель сказал: «У человеколюбивого вначале трудности, а успех приходит только потом — в этом и состоит человеколюбие».</p>

¹ Д.В. Конончук ««Изучать “Перемены”» «подальше от духов»? О необходимости новых интерпретаций идей «Лунь юя», Ориенталистика, 2020 год, том 3, № 5

² Для удобства восприятия в тексте оригинала добавлены знаки препинания. Из переводов на русский язык взяты не все имеющиеся на данный момент, но данная выборка достаточна иллюстративна.

Лукьянов	<p>Фань Чи спросил о мудрости/знании. Учитель ответил: — Радеть о справедливости среди народа, чтить демонов и духов, держась от них подальше, — это и можно назвать мудростью.</p> <p>Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: — Человеколюбивый сначала испытывает трудность, а затем добивается успеха — это и можно назвать человеколюбием.</p>
Мартынов	<p>Фань Чи спросил Конфуция о мудрости. Учитель ответил: «Старателю выполнять свой долг перед народом и почтительно служить духам, но держаться от них на расстоянии. [Такое поведение] можно назвать мудростью».</p> <p>Фань Чи спросил о человеколюбии. Конфуций ответил: «Человеколюбивый вначале преодолевает трудности, а затем пожинает результаты. Именно такой образ действий можно назвать человеколюбием».</p>
Башкеев	<p>Фань Чи спросил о знании. Учитель сказал: служить народу по велению долга, уважать духов шэнь и гуй, но сторониться их — это можно назвать знанием.</p> <p>[Фань Чи] спросил о человечности. Учитель] сказал: Человечный — сначала испытывает тяготы, а затем пожинает плоды. Это можно назвать человечностью.</p>
Конончук	<p>«Фань Чи спросил о мудром [человеке]. Учитель сказал: “Кто занимается [воспитанием] в народе чувства должного, кто уважает предков и духов, но не [слишком] полагается на них (дословно: юань чжи 遠之, «отдаляется от них»)¹ — может быть назван мудрым. [Фань Чи] спросил о человечном [человеке]. [Учитель] сказал: «Человечный [выбирает] в первую очередь трудное и [лишь] во вторую [рассчитывает что-то] получить — [такой] может быть назван человечным”».</p>

Не вдаваясь во все детали сравнения вариантов перевода (и соответственно понимания) этого чжана, отмечу лишь ключевые моменты:

1. 樊遲問知: Фань Чи спросил о разумности/мудрости.

Для интерпретации знака 知 как 知者/智者 ‘мудрый человек’ (что делается в переводе Конончука) нет достаточных оснований. Хотя в самой ранней динчжоуской версии Лунь Юй (定州竹簡本) знак 知 в этом месте записывается как 智, что, вроде, говорит в пользу возможности понимания его как 知者/智者, но это только на первый взгляд. В стандартной версии Чжу Си знак 智 вообще нет (он встречается лишь в комментарии самого Чжу Си для обозначения одного из пяти постоянных качеств благородного мужа/совершенного человека — мудрости), но Чжу Си в своем комментарии указывает, что этот

¹ Комментарий Д.В. Конончука для удобства включен в текст перевода, у остальных переводчиков комментарий отсутствует.

знак следует читать нисходящим тоном (去聲), то есть намекает на его понимание как 智 ‘мудрость’. В динчжоуской версии знак 智 встречается не только в этом чжане, в частности, известная сентенция из 2-й главы 17 чжана в динчжоуской версии записывается как 智之爲智之, 弗智爲弗智, 是智也, что свидетельствует о наличии в этой версии у знака 智 значений ‘знать; мудрость’.

2. 務民之義: направить все свои силы на чувство долга/должного у народа (с целью преобразовать его)

Как видно, эта фраза вызывает много разногласий у переводчиков, при этом не все варианты перевода, данные выше, выводимы из ее грамматической структуры оригинала. Формально грамматически здесь имеется лишь два варианта анализа:

- 1) V1(務)+ Obj1 (N1 民)+V2 (之)+Obj2 (N2 義)
- 2) V1 (務)+ Obj 1 (N1+particle+N2 : 民之義).

Первый вариант предполагает рассмотрение 之 как глагола со значением ‘направляться, идти’(такое значение у 之 действительно есть). В таком случае эту фразу следовало бы понимать как ‘направить свои усилия на то, чтобы народ направился к справедливости’ (в принципе, так это и понимает Ян Боцзюнь), однако лингвистически такая интерпретация обоснована плохо, так как у глагола 之 дополнение, как правило, выражено *существительным со значением места* (это видно, в частности, из употребления этого глагола в текстах Лунь Юй и Мэнцзы), а не *абстрактным существительным*. Таким образом, остается второй способ.

Второй способ синтаксического анализа заставляет нас рассматривать атрибутивное словосочетание 民之義 (букв. ‘(чувство) справедливости/долга у народа) как дополнение глагола 務 (направить свои силы на...(從事; 致力)). Глагол 務 встречается в Луньюй дважды¹ и оба раза в значении ‘направлять свои силы/усилия на..., заниматься чем-либо’. Такие варианты перевода как ‘служить народу по велению долга’ (почему ‘служить по велению долга’?), ‘старателльно выполнять свой долг перед народом’(откуда взялся ‘долг перед народом’ и ‘выполнять’?), ‘радеть о справедливости среди народа’ (почему ‘среди народа’ и какой смысл вкладывается в глагол радеть?), ‘прилагать все силы к тому, чтобы народ обрел чувство долга’ (откуда появилось ‘обрести чувство долга’, его раньше у народа не было?), все эти варианты плохо обоснованы лингвистически, то есть не находят оснований в структуре текста. Переводы Попова и Конончука, как минимум, не противоречат грамматике оригинала (в связи с этим интересен вопрос о новизне перевода).

Возможно, все перечисленные варианты исследователи считают вполне допустимой парафразой оригинала (в вэньяне все не так строго, поэтому воз-

¹ Вторая встречаемость знака 務 – это второй чжан первой главы: 君子務本, 本立而道生 ‘благородный муж/совершенный человек направляет свои усилия на установление основы, когда основа установлена, то рождается дао’.

можна большая свобода интерпретации, можно добавить практически любой предлог и смысл не пострадает), но, мне кажется, это слишком «творческое» понимание перевода канонического трактата: по крайне мере, внимательное прочтение дает совершенно разные понимания результирующего русского текста. Возможно, это я просто не вижу, каким образом возможны такие семантические трансформации, тогда здесь необходим дополнительный комментарий переводчика с аргументацией его переводческого решения.

Если мы обратимся к традиционным комментариям, то у Хэ Янь (何晏 《論語集解》) находим: 務民之義, 勡所以化道民之義也。‘направлять свои усилия на то, чем преобразуется чувство должного у простого народа’ (здесь Хэ Янь цитирует комментарий Ван Су (王肅)). У Чжу Си (朱熹: 《論語集註》) дано следующее толкование: 專用力於人道之所宜 ‘направлять свои силы на то, что является должным в отношениях между людьми’. Переводчик не может просто игнорировать и не учитывать комментарии, он должен аргументировать свою позицию особенно в случаях ее несовпадения с традиционным толкованием.

Я не буду останавливаться на остальных разнотениях и трудностях в толковании этого чжана, моя задача – проиллюстрировать проблему: заявленные новизна и научность новых переводов далеко не всегда очевидны, а иногда перевод напрямую указывает на недостаточную лингвистическую и текстологическую работу с текстом оригинала. В этой ситуации правильные и интересные рассуждения о Лунь Юй, изложенные в предисловии, остаются лишь теорией, не воплощенной в предпереводческом анализе и, к сожалению, не приводящей к заявленным новизне и научности перевода.

Появление разнотений в переводах вполне закономерно ожидать в трудных местах канона, но иногда мы их находим и в весьма, казалось бы, понятных фрагментах. Рассмотрим первую часть 22 чжана 2 главы:

Оригинал	子曰：“人而無信，不知其可也。”
Попов	Философ сказал: «Я не думаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо...
Переломов	Учитель сказал: Не знаю, возможно ли такое, чтобы человек не пользовался доверием...
Лукьянов	Учитель сказал: — Чтобы у человека да не было веры, — не знаю, как такое возможно?
Мартынов	Учитель сказал: Я не могу понять, как это возможно быть человеком и не пользоваться доверием...
Башкеев	Учитель сказал: Люди, не обладая доверием, не знают, что им дозволено.

Вторая часть перевода Попова насчет пригодности к чему-либо лексически не соответствует оригиналу. На вопрос «возможно ли такое» (перевод Переломова и Мартынова), можно однозначно ответить, что возможно. Здесь, однако, речь идет не о простой вероятности этого факта. Упоминание «веры» в переводе Лукьянова уводит русскоязычного читателя далеко от смысла ori-

гинала (напрашивается связь с пониманием веры в христианстве, которого и близко нет в Лунь Юй), а перевод Башкеева, совершенно непонятный на русском языке (мне, по крайне мере), грамматически неверно трактует 其可 (дополнение глагола 知 ‘знать’) как атрибутивное словосочетание ‘его возможность, дозволенное ему/им’.

Прежде всего, знак 信 в данном случае обозначает одно из пяти постоянных качеств благородного мужа, а именно, соответствие его речей/слов реальному положению делу, то есть правдивость, когда словам можно доверять (言必信). Пользоваться доверием (вариант Переломова) – это реакция окружающих, а быть правдивым в речениях – свойство самого субъекта. Знак 可 в данном случае указывает не на абстрактную возможность (возможно ли вообще такое? на сколько это вероятно?), а на допустимость или долженствование, при этом этот знак не имеет номинативного значения (по крайне мере, в текстах Лунь Юй и Мэнцзы), а знак 其 употреблен здесь не в функции притяжательного местоимения ‘его, их’, а является подлежащим зависимого предложения, в результате мы получаем следующий буквальный перевод: ‘Учитель сказал: быть человеком и не обладать правдивостью в речах, не знаю, насколько это (вообще) допустимо’. На следующем этапе этот перевод можно подвергать художественной обработке, но без произвольного искажения смысла.

Таким образом, новые переводы Лунь Юй (и не только), конечно же, нужны (в этом я полностью согласен с Д.В. Конончуком), но это должны быть откомментированные переводы с глубоким проникновением в смысл оригинала, правильно интерпретирующие терминологическую и грамматическую структуру всего памятника и эксплицирующие ее в специальном приложении.

В заключении хотелось бы кратко вернуться к переводу В.М. Алексеева, хотя он, несомненно, заслуживает отдельной статьи. Я бы считал этот перевод, которому уже исполнилось сто с лишним лет, образцом переводческой честности, открытости и продуманности. Академик Алексеев не только объясняет и обосновывает свои варианты перевода, он также прямо указывает, какие фрагменты текста остались для него неясными. А его собственные замечания к комментарию Чжу Си можно считать кратким введением в категории китайской мысли и традиционную китайскую герменевтику.

Хотелось бы, чтобы при работе над новыми переводами исследователи наследовали именной этой традиции, хотя она подразумевает огромные трудозатраты и большой русский текст (не всякое издательство возьмется за его публикацию), а также широкое знакомство с китайской классикой и китайской мыслью в ее целостности, не говоря уже об уровне владения русским языком, который в исполнении Алексеева просто изумляет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978
2. Алексеев В.М. Китайская литература. М., 1978, и более полное издание его трудов «Труды по китайской литературе книги 1-2», Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН 2002

3. Башкеев В.В. «Конфуций Лунь Юй: Суждения и Беседы» (Новый современный перевод, Издательство АСТ 2023)
4. Виногродский Б.Б. «Конфуций Рассуждения в изречениях в переводе и с комментариями Бронислава Виногродского» (Эксмо, Москва, 2013)
5. Конончук Д. В. «Изучать “Перемены”» «подальше от духов»? О необходимости новых интерпретаций идей «Лунь юя», (Ориенталистика 2020 Vol 3, № 5)
6. Конфуцианское четверокнижие Сы Шу, Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004
7. Лукьянов А.Е. «Суждения и беседы «Лунь юй»» (научный перевод с китайского и комментарий, Международная издательская компания «Шанс», Москва 2021)
8. Мартынов А. С. «Конфуцианство. Лунь Юй», Санкт-Петербург, 2001, тт. 1-2
9. Попов П. С. «Лунь юй. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц», 1910 г.
10. Тянь Юйвэй Особенности переводов «Бесед и суждений (Луньюй)» на русский язык» (Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2019. Том 11. Выпуск 4)
11. Феоктистова В.Ф., опубликованных в сборнике его переводов «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005)
12. Феоктистов В. Ф. «К проблеме перевода древнекитайских философских текстов», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005)
13. Феоктистов В. Ф. «Нужны ли новые переводы Луньюй», в книге «Философские трактаты Сюнь-цзы» (Натилис, 2005)
14. Чэн Лян «Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция «Лунь юй» и его переводов на русский язык», Кандидатская диссертация, РУДН, 2022
15. Цянь Mu (钱穆 《論語新解》三聯書店, 北京, 2002), Ян Боцзюня (《論語譯註》楊伯峻譯註, 中華書局, 1980, 北京)), Ли Цзэхуо (李澤厚 《論語今讀》安徽文藝出版社, 1998) и во многом прорывное текстологическое исследование Ян Фэнбина (楊逢彬 《論語新註新譯》北京大學出版社, 2016).

**Е. В. КРЕМНЁВ
Е. Ф. СЕРЕБРЕННИКОВА**

**СОПОСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ НАПРАВЛЕНИЯ
РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ,
КИТАЙСКОМ И ЯПОНСКОМ ЯЗЫКАХ**

Авторами материала проводится краткий терминологический анализ наименований направлений регионалогического знания в различных языках. Демонстрируются случаи соположимости и несоположимости терминов, анализируются устойчивые способы перевода, предлагаются эквивалентные группы.

Ключевые слова: термин, регионалогия, трансдисциплинарная регионалогия, регионалистика, регионоведение, региональные исследования, региональная наука.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-00601, <https://rscf.ru/project/25-28-00601/>. (<https://rscf.ru/project/25-28-00601/>)

**E. V. KREMNYOV
E. F. SEREBRENNIKOVA**

**COMPARISON OF TERMS DENOTING AREAS OF
REGIONOLOGICAL KNOWLEDGE IN RUSSIAN, ENGLISH,
CHINESE AND JAPANESE LANGUAGES**

The authors conduct a brief terminological analysis of the names of the directions of regionological knowledge in different languages. The authors demonstrate cases of terminology matching and nonmatching, analyze sustainable ways of translation and suggest equivalent groups.

Key words: term, regionology, transdisciplinary regionology, regionalistics, area studies, regional studies, regional science.

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00601, <https://rscf.ru/en/project/25-28-00601/>. (<https://rscf.ru/en/project/25-28-00601/>)

Очевидная востребованность регионалогического знания на современном этапе порождает новые дискуссии по поводу его места в современной науке и социальных процессах. Это отражается и в терминологическом поле, где существует множество терминов, обозначающих науку о регионах в том виде, в каком ее позиционируют отдельные научные направления. Такая ситуация сложилась во многих странах и развивающихся в них научных школах. Основная проблема регионалогических терминологий в современных неанглоязычных дискурсах связана с довольно произвольным использованием собственных терминов для перевода направлений западной науки. Авторы настоящего материала поставили перед собой задачу сопоставить эти термины и выявить их эквивалентные группы.

Для нашего анализа мы выбрали четыре типа дискурса сферы регионалогии: русскоязычный, англоязычный, китаяязычный и японоязычный. Они отличаются между собой таким образом, что формируют три различных типа регионалогического знания. Англоязычные страны и страны, активно использующие английский как язык науки, наработали активно популяри-

зируемый во всем мире научно-методологический аппарат, в то же время советская/российская/русскоязычная наука довольно долгое время шла параллельно, то сближаясь с англоязычной наукой, то отдаляясь от нее, что теперь позволяет говорить о некоторых её собственных направлениях. Что касается Китая и Японии, то они наработали третий тип научно-методологического аппарата, который, с одной стороны, гораздо больше подходов и терминов заимствовал на Западе в готовом виде в целях интенсификации своего научного развития; с другой – проявил тенденцию к переосмыслению этого опыта с точки зрения собственных, т.н. «традиционных наук» в перспективе выявления собственной региональной специфики и поиска своего пути. Таким образом, перед исследователями открывается возможность сопоставить терминологию указанных трех типов регионалогического знания. Необходимость сведения их воедино отвечает целям и задачам нового этапа развития регионалогического знания, который можно идентифицировать как трансдисциплинарный.

Необходимость интегрального научного направления для всех направлений приводит к поискам новой парадигмы, которая могла бы удовлетворять требованиям нового времени в предоставлении комплексного взгляда на проблему развития регионов. Одна из перспективных парадигм – трансдисциплинарная – позволяет рассматривать в качестве ответа на эти вызовы *трансдисциплинарную регионалогию*, которая может быть определена в развитие ранее данной ей дефиниции [6] и идей В.И. Сухарева об интегративном характере регионалогии [8] как «наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования» [5].

В отечественном научном дискурсе наиболее употребительными являются термины «регионалогия», «регионалистика» и «регионоведение» [5]. Остановимся подробнее на каждом из них.

Термин «*регионология*» (regionology / кит.: 区域学 / яп.: 地域学) был предложен для введения в научный репертуар проф. А. И. Сухаревым в 1981 г. Это научное направление изначально позиционируется как междисциплинарное и комплексное, оно направлено на выявление закономерностей регионального развития, при этом в его основе – социологические подходы. Роль социологии в развитии регионалогии и сегодня весьма важна: многие разделы социологии изучают регионы. В частности, в социологии знания придается большое значение исследованиям межрегионального взаимодействия в области науки и образования, пространства мегаполиса, коворкинг-пространства, а в особенности – междисциплинарным проектам [2], в большой степени близким к концепции трансдисциплинарной регионалогии. Регионалогия некоторые времена существовала на базе проблемной научно-исследовательской лаборатории, с 1991 г. ее развивали в НИИ ком-

плексного социального и экономического развития регионов Нечерноземной зоны РСФСР, а в 1995 г. А. И. Сухарев сумел создать Научно-исследовательский институт регионалогии. В настоящее время в данном НИИ регионалогия определяется как «научное направление, исследующее закономерности комплексного экологического, экономического, социального, политического и духовного развития (воспроизведения) социумов регионов, управления этим процессом» [7]. Там же издается научный журнал «Регионалогия» [9]. Поскольку это направление было создано в отечественной научной среде и обладает собственными характеристиками, то его нельзя смешивать с направлениями англоязычного дискурса, в связи с чем в английском языке он сохраняет свою исходную форму – regionology. Для китайского и японского языков соположимыми являются термины, созданные на основе сложения корня «регион» и суффикса «-ология»: цюйюйсюэ (区域学) для китайского и тиикигаку (地域学) для японского.

«Регионалистика» (regionalistics, кит.: 区域化研究, яп.: 地域化研究), появившаяся в отечественном научном дискурсивном поле в 1980-е гг., интерпретируется достаточно широко. Ее различные толкования можно условно свести к следующим: 1) комплекс подходов и методов для изучения региона; 2) дисциплина, изучающая региональные процессы, в их числе – регионализацию; 3) наука, посвященная анализу логики выделения и развития регионов; 4) специальная часть регионалогического знания, например, политическая, филологическая регионалистика [5]. Наконец, ее трактуют не только как науку или дисциплину, но и как «сумму технологий» воздействия на регион [3]. При этом речь идет о технологиях региональной политики, регионального управления. Для китайского и японского языков предлагаются термины, созданные на основе сложения слов «регионализация» и «исследования»: цюйюйхуа яньцзю (区域化研究) и тиитика кэнкю (地域化研究) соответственно.

«Регионоведение» (area studies, кит.: 区域国別研究, яп.: エリア・スタディーズ) появилось в российском научном дискурсе в 1990-е гг., в первую очередь как термин, обозначающий учебную дисциплину, чуть позднее – специальность в системе высшего образования. Развиваясь изначально на базе МГИМО, а затем постепенно охватывая другие вузы России, регионоведение разделилось на зарубежное регионоведение и регионоведение России. Что касается обозначения научной дисциплины, то одной из точек отсчета можно считать учреждение в РГУ в 1998 г. отделения регионоведения в ИППК (Ю. Г. Волков, А. В. Лубский и др.) [5]. Двойная трактовка термина «регионоведение», образовательная и научная, порождает широкий ряд определений. В. С. Елистратов довольно точно указывает на то, с лингвистической точки зрения «ведение» предполагает, скорее, накопление и классификацию знаний, нежели совокупность дедуктивных подходов [3]. Термин получил широкое распространение в научной среде, в том числе, благодаря работам проф. А. Д. Воскресенского и его коллег: они обосновали и ввели новую дисциплину – «мировое комплексное регионоведение», кото-

рую рассматривают как одно из предметных полей науки о международных отношениях [1]. Если придерживаться корней регионаоведения как учебно-академического направления, то эквивалентами для него в других языках будут термины, обозначающие направления с теми же корнями, например, *area studies* в английском и цюйюй гобе яньцзю (区域国别研究) в китайском. При этом в японском языке так сложилось, что используется не калька, как в других случаях, а фонетическое заимствование из английского: эриа-сутади: дзу (エリア・スタディーズ).

Из англоязычного научного дискурса значительное международное распространение получили три направления: *area studies* (сперва – направление подготовки, затем – исследовательская область), *regional studies* (междисциплинарная площадка для сотрудничества различных отраслей наук на базе Ассоциации региональных исследований, основанной в 1965 г.) и *regional science* (направление, разработанное в США У. Айзардом в 1950-е гг. и, как правило, сосредоточенное на социально-экономических и экономико-географических проблемах) [10, 11]. Их распространение в других странах значительно повлияло на развитие регионалогического знания, в том числе в Японии и в Китае [4, 12–14]. Наименования первых двух из указанных направлений, как правило, калькируются в других языках: *regional studies* – это региональные исследования, кит.: цюйюй яньцзю (区域研究), яп.: тиики кэнкю (地域研究), а *regional science* – региональная наука, кит. цюйюй кэсюэ (区域科学), яп.: тиики кагаку (地域科学). Что касается *area studies*, то, как указывалось выше, его аналогом в России является регионаоведение, в Китае – цюйюй гобе яньцзю (区域国别研究), в Японии – эриа-сутади:дзу (エリア・スタディーズ). В этом случае, как мы видим, используются разные способы терминообразования: в русскоязычном и китаеязычном дискурсе есть собственные термины, в японском – фонетическое заимствование из английского.

Как уже указывалось выше, все эти термины в неанглоязычных научных дискурсах нередко путают между собой, что часто вводит в заблуждение исследователей, не знакомых с содержанием регионалогических научных направлений в разных странах. Что касается китаеязычного и японоязычного дискурсов с точки зрения их собственных «традиционных наук» (т.е. совокупности знаний, полученных до прихода в эти страны западного научного знания), то в их регионалогической сфере не получили серьезного распространения собственные термины: часть из них остались в истории, часть используются только для обозначения узкоспециальных направлений.

Авторы материала выражают надежду, что предложенные эквивалентные группы будут использоваться переводчиками, а также становиться предметом дискуссии, если потребуется их дальнейшее уточнение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воскресенский, А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений / А. Д. Воскресенский // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 6. – С. 82–96.

2. Дерюгин, П. П. Современная социология знания / П. П. Дерюгин, Е. В. Строгецкая, В. П. Милецкий // Социологические исследования. – 2016. – № 8 (388). – С. 151–152.
3. Елистратов, В. С. Регионоведение: «ищите термин!» / В. С. Елистратов // Актуальные проблемы регионоведения. Работы преподавателей факультета иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : МГУ, 2004. – Вып. 1. – С. 7–14.
4. Кремнёв, Е. В. Региональные исследования в Японии: монография [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой] / Е. В. Кремнёв. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – 181 с. – (Трансдисциплинарная регионалогия).
5. Кремнёв, Е. В. Трансдисциплинарная регионалогия: теория и методология: монография [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой] / Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – 155 с. (Серия «Трансдисциплинарная регионалогия»).
6. Макеева, С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионалогии / С. Б. Макеева // Теория и практика регионоведения. Т. II. Труды I Международной научно-практической регионоведческой конференции. Кн. вторая. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г. / Сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. – СПб.: МГПУ, 2018. – С. 6–14.
7. НИИ Регионологии. – Режим доступа: <http://www.isi.mrsu.ru/umo/nii.html>. – Дата доступа: 03.11.2024.
8. Сухарев, А. И. Регионология и современная региональная политика в Российской Федерации / А И Сухарев // Регионология. – 1992. – №1. – С. 4–9.
9. Сухарев, А. И. Журналу "Регионология" 15 лет! / А И Сухарев // Регионология. – 2007. – № 3 (60). – С. 5–7.
10. Isard, W. History of Regional Science and the Regional Science Association International. The Beginnings and Early History / W. Isard. – Berlin, Heidelberg ; – New York : Springer-Verlag, 2003. – 267 p.
11. Isserman, A. M. The History, Status, and Future of Regional Science: An American Perspective / A. M. Isserman // International Regional Science Review. – 1995. – Vol. 17. – N 3. – pp. 249–296.
12. 陈宗兴. 繁荣中国区域科学 / 宗兴陈 // 城市与环境研究. – 2021. – 第 4 期. – 第 3–6 页. = Чэнь, Цзунсин. Расцвет китайской региональной науки / Цзунсин Чэнь // Исследования городов и окружающей среды. – 2021. – №4. – С. 3–6.
13. 刘鸿武. 中国区域国别之学的历史溯源与现实趋向 / 鸿武刘 // 比较区域与国别研究. – 2020. – 第 5 期. – 第 53–73 页. = Лю, Хунъю. Историческое истоки и актуальные тенденции китайской науки о регионах и странах / Хунъю Лю // Сравнительные региональные и межстрановые исследования. – 2020. – № 5 – С. 53–73.
14. 张蕴岭. 国际区域学思考 (一)/蕴岭张 // 世界知识. – 2021. – 第 4 期. – 第 72 页. = Чжан Юньлин. Размышления о международной регионалогии (часть 1-я) / Юньлин Чжан // Знание мира. – 2021. – № 4.– С 72.

Информация об авторах:

Кремнёв Евгений Владимирович – заведующий кафедрой китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионалогии Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета, ассоциированный научный сотрудник Российской-китайского центра междисциплинарных исследований СО РАН - филиала ФНИСЦ РАН, кандидат социологических наук, доцент, Иркутск, Российская Федерация.

Серебренникова Евгения Федоровна – профессор кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, г. Иркутск, Российская Федерация.

ВАРИАТИВНОСТЬ И ВАРИАЦИЯ ТОНА КИТАЙСКИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В данной статье рассматриваются заданные тоны четырех единиц китайского языка: **上** *shang* ‘верх’, **下** *xia* ‘низ’, **前** *qian* ‘спереди’ и **后** *hou* ‘сзади’, вариативность и вариации этих тонов. Установлено, что с помощью нейтрального тона актуализируется пространственная семантика исследуемых единиц китайского языка. Изучение вариативности и вариаций тона данных пространственных языковых единиц открывает новые области для дальнейших исследований пространства в других языках.

Ключевые слова: языковые единицы, пространственная семантика, тон, вариативность и вариация тона.

LIU PENG

THE TONE VARIABILITY AND VARIATION OF CHINESE SPATIAL LANGUAGE UNITS

This article deals with designated tones of 4 language units in Chinese **上** *shang* ‘up’, **下** *xia* ‘down’, **前** *qian* ‘front’ and **后** *hou* ‘behind’, variability and variation of these tones. It has been established that the neutral tone allows to convey spatial semantics in the analyzed Chinese units. Research on the tone variability and variation of these spatial language units offers new study spheres to the further research of space in other languages.

Key words: language units, spatial semantics, tones, tone variability and variation

Chinese language is a tone language. In Chinese language exists 4 tones, they are level tone, rising tone, falling-rising tone and falling tone; and they can be also called the first, second, third and fourth tone and instead with the marks as “—”, “~”, “~”, and “~”. Except for these four tones, there is a kind of special tone named **neutral tone** with the mark “0” in Chinese language system. It is a special tone variability or variation phenomenon in Chinese phonetics, which has appeared in many dialects and Mandarins throughout the country [1, c. 230-231]. The neutral tone is generally not treated as a tone because it has no fixed tone mark like the four tone marks appeared in the Pinyin scheme (also as the pronunciations of Chinese pictograph), but the Chinese linguists through the research of Chinese phonetics and phonology, they use “0” as a mark to represent the neutral tone in the Chinese Pinyin scheme.

In this article, it mainly deals with the tone variability or variation of the 4 most frequently used Chinese language units with spatial meanings. They are Chinese language units **上** *shang*, ‘on, over, up, top, above, upward, upper, summit.....’、**下** *xia*, ‘Under, down, bottom, downward, underneath, beneath, below, lower’、**前** *qian*, ‘front, ago, before, ahead, frontward, preceding, former, go forward’ and **后** *hou*, ‘after, behind, back, rear, later, afterwards’. Because the tone variability or variation decided these language units express the spatial meaning or not, it is necessary to explore the relationships between the tone and the spatial semantics of these language units. Language unit **上** *shang* can be usually read as “shǎng” and “shàng” in Chinese language. While language unit **下** *xia* can be usu-

ally read as “xià”, 前 qian in most of time is read as “qián” and 后 hou is frequently read as “hòu”. The tones of these four language units can be reflected and distributed in the table 1.

Table 1. Chinese language units and their tones distribution

Chinese language units	level tone	rising tone	falling-rising tone	falling tone	neutral tone
	-	'	'	'	0
上 shang	-	-	+	+	+
下 xia	-	-	-	+	+
前 qian	-	+	-	-	+
后 hou	-	-	-	+	+

From the above mentioned table, it shows that 上 shang takes up the first place with the most tones, and the rest of the language units are pronounce with two tones. 上 shang in Chinese language in most of time pronounced as “shàng” with the falling tone, while in only one situation is read as falling-rising tone is that in the phrase “上声 shǎngshēng ‘the term of the falling-rising tone’(also called the third tone in modern Chinese language)”, for instance, in the examples (1) and (2) [2]show the tones of language unit 上 shang.

(1) 他的目光滞留在她手指上的钻戒上 [2]。Tā de mù guāng tíng liú zài tā shǒu zhǐ shàng de zuán jiè shàng. / (1a) His eyes lingered **on** the diamond ring **on** her finger.

(2) 上声，汉语词汇，指普通话的第3声 [2]。Shǎng shēng, hàn yǔ cí huì, zhǐ pǔ tōng huà de dì sān shēng. / (2a) Shǎng shēng, a chinese phrase, it refers to the **falling-rising tone** of Chinese Mandarin.

In the example 1, 上 shang conveys the spatial meaning, while in the example 2 shows a term without spatial meaning. Therefore, when 上 shang pronounced as the falling tone, it could express the spatial meaning.

The other three language units 下 xia, 前 qian and 后 hou can be usually read as falling tone “xià”, rising tone “qián” and falling tone “hòu”. When these four language units are read as their most frequently pronounced tones, they can always express spatial meanings, such as in the following examples.

(3) 大雨倾盆而下 [2]。Dà yǔ qīng pén ér xià. / (3a) The rain was pouring down.

(4) 她在炉火前打起盹儿来 [2]。Tā zài lú huǒ qián dǎ qǐ dùn er lái. / (4a) She dozed off in front of the fire.

(5) 我把其中一个垫子放在了他脑后 [2]。Wǒ bǎ qí zhōng yī gè diàn zi fàng zài le tā nǎo hòu. / (5a) I put one of the cushions **behind** his head.

However, from table 1, it also shows that 上 shang, 下 xia, 前 qian and 后 hou can be also pronounced as the neutral tone of “shang”, “xia”, “qian” and “hou” are

lack of tone marks in the pronunciation of these four language units, while these neutral tones must be pronounced very softly and shortly at the end of a phrase. The pronunciation sounds like the falling tone, but it is different from it; because in the speech sequence, many syllables often lose their original tone and read as a light and short tone. It is a special tone variability or variation of the fourth tone, and physically the neutral tone part shows that the length of the sound becomes shorter and the intensity of the sound becomes weaker [4, c. 32–37].

There are no certain systematic means to judge the neutral tones in the Chinese language, but some practical ways for recognizing the neutral tones studied. The pronunciation of language unit 上 shang is pronounced as neutral tone when it is used as **a noun of locality**, used as **some directional verbs**, and used as **an affix at the end of a word**. The above mentioned three situations of the neutral tone of 上 shang, 下 xia, 前 qian and 后 hou can be proved as phonetic variability and variations in the following examples.

When 上 shang, 下 xia, 前 qian and 后 hou with other nouns are used as a noun of locality, they can not only be pronounced as neutral tone in the sentence, but also express the spatial meanings, such as in the following examples (6) to (9).

(6) 房间里的墙上挂了一幅画 [5]。Fángjiān lǐ dē qiángshàng guàle yīfúhuà. / (6a) There is one picture hanging on the wall.

(7) 在古桥下有一条小河。Zài gǔqiáo xia yǒu yī tiáo xiǎo hé. / (7a) There is a river **under** the old bridge.

(8) 她在客栈前的水泵旁洗了洗脸 [2]。Tā zài kèzhàn qian de shuǐ bēng páng xiǎ le xiǎn liǎn. / (8a) She washed her face at the pump **in front of the inn**.

(9) 他在桌子后的缝隙中找到了钥匙。Tā zài zhuzi hou de fèng xì zhōng zhǎo dào le yào shi. / (9a) He found the key in the gap **behind the desk**.

At the same time, 上 shang, 下 xia, 前 qian and 后 hou are used as a directional verb to show the moving tendency of actions, they also can be read as neutral tone and have the same spatial meanings in the following example (10) to (13).

(10) 请把院子的大门关上 [5]。Qǐng bǎ yuànzi dē dàmén guānshàng. / (10a) Please **close** the door of the yard.

(11) 小船突突地沿江而下。Xiǎo chuán tū tū de yán jiāng ér xià. / (11a) The boat chugged **down the river** [3].

(12) 汽车突然向前冲去。Qì chē tū rán xiàngqian chòng qu. / (12a) The car leaped **forward**.

(13) 警察命令人群往后退。Jǐng chá mìng lìng rén qún wǎnghou tuì. / (13a) The police ordered the crowd to **stand back**.

On the contrary, although when these four language units are used as an affix at the end of a word or phrase in Chinese, they can also pronounced as the neutral tone, and they could not convey the spatial meaning. They happen to be the phrases or collocations without spatial semantics, and they show the time order or some oral expressions. For instance, in the example (14) - (17) 上 shang is followed with the phrase as an affix to compose a new phrase also pronounce as neutral tone but reveal non-spatial semantics.

(14) **实际上，他是个好人** [5]。*Shíjìshàng, tā shì gè hǎorén.* / (14a) In fact, he is a good man.

(15) **等一下—我去拿外套** [2]。*Děng yī xià — wǒ qù ná wài tào.* / (15a) **Hang on a minute—I'll just get my coat.**

(16) **考试前，我总是紧张得发抖** [2]。*Kǎo shì qian, wǒ zǒng shì jǐn zhāng de fā dǒu.* / (16a) I always get the shakes **before** exams.

(17) **午餐后，我和伊丽莎白洗了碗** [2]。*Wǔ cān hou, wǒ hé Ān lì sà bái wǔ xǐ le wǎn.* / (17a) **After lunch** Elizabeth and I did the dishes.

From the above examples about the neutral tone could see that it is a kind of special phonetic variability or variation of the language unit **上** *shang*, **下** *xia*, **前** *qian* and **后** *hou*. They not only express the spatial semantics with neutral tones, but also provide a certain reference for the further study of various spatial language units in Chinese in the future. Furthermore, it is also possible to explore comparative and contrastive studies of the spatial relationships and unique Chinese language culture reflected by them and other spatial vocabularies in different languages.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасевич, Л. А. Инвариантность и вариативность в описаниях пространства: об онтологических предпосылках / Л. А. Тарасевич // Вариативность в языке и речи: тез. докл. Междунар. науч. конф., Минск, 4–5 апр. 2019 г. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; ред-кол.: Л. М. Лещева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 230–231.
2. Oxford Advanced Learner's English–Chinese Dictionary / ed. A. S. Hornby. – 8th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. – 2658c.
3. Oxford Dictionary of English / ed.: E. Weiner, J. Simpson. – 2th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1989. – 2112 c.
4. 范金玲、李红，汉语空间方位词“上”与“下”不对称的认知语义分析，外国语言文学研究，第3卷，第3期，2003，第32–37页。= Фань, Цзиньлин. Когнитивно-семантический анализ асимметрии между китайскими пространственными словами **上** *shàng* ‘верх’ и **下** *xià* ‘вниз’ / Цзиньлин Фань, Хун Ли // Исследования иностранного языка и литературы. – 2003. – Т. 3. – № 3. – С. 32–37.
5. 精选俄汉–汉俄词典, – 北京: 商务印书馆, 1990, 共 375 页。= Тщательно отобранный китайско-русский и русско-китайский словарь. – Пекин : Коммерч. пресса, 357 с.

Информация об авторе:

Лю Пэн – кандидат филологических наук, преподаватель Куньминского университета, г. Куньмин, провинция Юньнань, Китайская Народная Республика.

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ ДЕТЕРМИНАТИВОМ И
СЛОЖНЫМИ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМИ
ЗНАКАМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются типы семантических отношений между детерминативами и сложными иероглифическими знаками китайского языка. Выявляется наличие базовых семантических общеязыковых связей. Определяются специфические семантические связи. Устанавливаются семантические виды объединений сложных знаков.

Ключевые слова: семантические типы, детерминатив, сложный иероглифический знак, китайский язык.

N. V. MIHALKOVA

**TYPES OF SEMANTIC RELATIONS BETWEEN
THE DETERMINATIVE AND COMPLEX SIGNS
OF THE CHINESE LANGUAGE**

The types of semantic relations between determinatives and complex signs of the Chinese language are analysed in the article. The presence of basic semantic general language connections is revealed. Specific semantic connections are determined. Semantic types of associations of complex signs are established.

Keywords: semantic types, determinative, complex hieroglyphic sign, Chinese language.

Анализ системы детерминативов сложных иероглифических знаков китайского языка показывает, что в основе выбора смысловых компонентов иероглифов лежит не только и не столько категориальная, родовая принадлежность понятия, сколько релевантная характеристика описываемого представления. Это детерминирует достаточно большое число несоответствий, если говорить о зависимости «смысловой компонент–гипероним ↔ обозначение родового понятия–гипоним». Так, например, в состав иероглифов, обозначающих процессы различного типа, включается детерминатив 扌 ‘рука’, поскольку данная часть тела отражает инструмент как наиболее значимую характеристику выполняемого действия (см. 捞 ‘брать, хватать’, 捧 ‘брать в щепоть, зажимать в руке’). Следовательно, семантические связи иероглифических номинаций китайского языка образуются несколько отличными от других языковых систем закономерностями.

Номинации процессов в целом не подчиняются закономерности, установленной ранее относительно категориального компонента и его презентации в знаках, например, обозначающих химические вещества. Так, наиболее часто при описании процессов в иероглифике китайского языка в качестве смыслового компонента выбирается или 1) инструмент, с помощью которого производится действие (扌 ‘рука’, 口 ‘рот’), или 2) субъект производимого действия (人 ‘человек’, см. 仇 ‘стараться’, 任 ‘справляться’, 伉 ‘противостоять; сопротивляться’, 伤 ‘ранить’, 仆 ‘погибнуть, умереть’, 化 ‘рождаться, появляться’, 伐 ‘хвастаться’, 伤 ‘печалиться’, 仰 ‘гневить’, 俗 ‘бояться, испугаться’ и др.), или 3) объект, над которым производится действие (см. 沐

‘поднимать (брать) воду (обычно из колодца)’ – детерминатив 水 (水, 氷) ‘вода’), или 4) материал, из которого изготовлен инструмент для производимого действия (см. 梳 ‘расчесать’ – детерминатив 木 ‘дерево’). Становится очевидным неоднородность действия грамматологической гиперо-гипонимии относительно имен разного семантического типа, она оказывается не характерной для иероглифических знаков с процессуальной семантикой. Аналогичная тенденция сохраняется и для предметных имен. Так, например, если названия видов одежды в 85% случаев будут включать графему-гипероним 衣 ‘одежда’, то номинации контейнеров нет (см. 箱 ‘ящик’ – детерминатив 竹 (竹) ‘бамбук’, 盒 ‘коробка’ – детерминатив 壺 ‘сосуд; посуда’, 包 ‘сверток, пакет’ – детерминатив 扱 ‘обертывать’).

В группе предметных имен в целом наблюдается графическая независимость обозначения предметов от родо-видовых отношений между обозначаемыми представлениями. Подтверждением тому может также служить группа наименований предметов мебели (桌 ‘стол’, 椅 ‘стул’ – детерминатив 木 ‘дерево’), предметов обихода (钥 ‘ключ’ – детерминатив 金 ‘металл’), инструментов (锤 ‘молоток’, 锯 ‘пила’, 锥 ‘шило’, 镊 ‘напильник’, 铲 ‘лопата’, 钳 ‘щипцы’ – детерминатив 金 ‘металл’) и др.

В системе иероглифической письменности имеют место также и партонимические отношения, например, детерминатив 目 ‘глаз’ входит в состав таких сложных иероглифов, как:

- 目 ‘глаз’ — 眇, 睛 ‘глазные яблоки’,
- 目 ‘глаз’ — 眚, 眔 ‘бельмо на глазу’,
- 目 ‘глаз’ — 眉, 眉 ‘брови’,
- 目 ‘глаз’ — 眇, 眐, 眚 ‘орбита, глазница’,
- 目 ‘глаз’ — 眈 ‘глазная впадина’,
- 目 ‘глаз’ — 眇 ‘верхняя часть глазной впадины’,
- 目 ‘глаз’ — 眇, 眇, 瞳, 瞳 ‘зрачок’,
- 目 ‘глаз’ — 眇, 眇 ‘ресница’,
- 目 ‘глаз’ — 眇 ‘веко’.

Детерминатив 尸 ‘труп’ является составной частью знаков 尸, 尸, 尸, 尸 ‘ягодица, область крестца’, 尾, 尾, 尾 ‘хвост’, 尸 ‘мочевой пузырь’, 尸 ‘женские гениталии’, 扌, 扌, 扌 ‘мужские гениталии’, 扌 ‘мочевой пузырь’. Далее представлены иные примеры партонимических отношений между детерминативами и сложными знаками, в которые они входят. Например, 頁 ‘голова’ — 頂, 頭, 頭 ‘макушка’,

- 頁 ‘голова’ — 頤, 頤, 頤, 頤, 頤 ‘скелы’,
- 頁 ‘голова’ — 領, 頸, 頸, 頸, 頸 ‘шея’,
- 頁 ‘голова’ — 頤, 頤, 頤, 頤, 頤 ‘щеки’,
- 頁 ‘голова’ — 頤, 頤, 頤 ‘лоб’,
- 頁 ‘голова’ — 頤, 頤 ‘подбородок’,
- 頁 ‘голова’ — 領, 頤, 頤 ‘рот, челюсть’,
- 頁 ‘голова’ — 顏, 顏 ‘лицо’,
- 頁 ‘голова’ — 頤, 頤 ‘усы’,

页 ‘голова’ — 额, 颵 ‘высокий нос’,
页 ‘голова’ — 颊 ‘переносица’,
页 ‘голова’ — 颚 ‘неровные зубы’,
页 ‘голова’ — 颫 ‘борода’,
页 ‘голова’ — 颦 ‘мышца на лице’,
页 ‘голова’ — 颞 ‘височная кость’,
页 ‘голова’ — 颅 ‘череп’.
月 ‘тушка’ — 背 ‘спина’,
月 ‘тушка’ — 肥, 膘 ‘жир’,
月 ‘тушка’ — 臂, 脖 ‘рука (от плеча до локтя) ’,
月 ‘тушка’ — 胡 ‘борода и усы’,
月 ‘тушка’ — 腰 ‘поясница’,
月 ‘тушка’ — 胳, 臂 ‘рука (от плеча до кисти) ’,
月 ‘тушка’ — 胃 ‘желудок’,
月 ‘тушка’ — 脊 ‘ позвоночник ’,
月 ‘тушка’ — 脾 ‘селезёнка’,
月 ‘тушка’ — 腔 ‘грудная клетка’,
月 ‘тушка’ — 臀 ‘таз’,
月 ‘тушка’ — 腮 ‘щека’,
月 ‘тушка’ — 膈 ‘нёбо’,
月 ‘тушка’ — 胯 ‘бедро’,
月 ‘тушка’ — 脑 ‘мозг, череп’,
月 ‘тушка’ — 痛 ‘фурункул, нарыв’,
月 ‘тушка’ — 魁 ‘макушка’.
舟 ‘лодка’ — 舶, 舷, 艇 ‘борт корабля’,
舟 ‘лодка’ — 舱, 舱 ‘трюм, каюта’,
舟 ‘лодка’ — 艸 ‘средняя часть судна’,
舟 ‘лодка’ — 艋, 艧, 艩, 艤 ‘носовая часть’,
舟 ‘лодка’ — 艒 ‘плавучие мостики’,
舟 ‘лодка’ — 艣, 艪, 艨 ‘весло’,
舟 ‘лодка’ — 艸, 艿, 艸 ‘корма’,
舟 ‘лодка’ — 艻 ‘руль’,
舟 ‘лодка’ — 艔 ‘мачта’,
舟 ‘лодка’ — 艢 ‘оборудование на корабле’,
舟 ‘лодка’ — 艔 ‘уключина’.
土 ‘земля’ — 壴 ‘ком, глыба’,
土 ‘земля’ — 坎 ‘низина, низменность’,
土 ‘земля’ — 埂 ‘канавка в поле’,
土 ‘земля’ — 垄, 圮, 圮 ‘насыпь земли’,
土 ‘земля’ — 坎, 坎, 垦 ‘отверстие, яма’,
土 ‘земля’ — 垚 ‘почва, земля; предметы, сделанные из земли’,
土 ‘земля’ — 坡 ‘склон’.

Отношения «часть-целое» также неоднородны относительно различных типов детерминативов. Наиболее характерными партонимические отношения оказались для иероглифов, обозначающих:

- 1) объекты природы, например, 山 ‘гора’ — 峰 ‘каменистый холм’, 土 ‘земля’ — 块 ‘ком, глыба’, 阤 ‘холм’ — 隙 ‘трещина’, 水 ‘вода’ — 涨, 波 ‘волна’;
- 2) тело и части тела, например, 面 ‘лицо’ — 鼻 ‘волдырь’, 頁 ‘голова’ — 頂, 頸, 頭 ‘макушка’, 月 ‘тушка’ — 胃 ‘желудок’;
- 3) предметы быта человека, например, 衣 ‘одежда’ — 裂 ‘шов, рубец’, 舟 ‘лодка’ — 艋 ‘мачта’, 皿 ‘посуда’ — 盖 ‘крышка’, 车 ‘повозка’ — 轮 ‘колесо’;
- 4) зоонимы, например, 羊 ‘овца’—‘скелет овцы’, 虫 ‘насекомое’— 玳 ‘панцирь’, 虍 ‘тигр’ — 虍, 彪 ‘полосы на шкуре тигра’;
- 5) транспорт, например, 轮, 轮 ‘колесо’, 车 ‘сплошное колесо’, 轴 ‘наконечник оси, диал. колесо’; 轮, 轮 ‘втулка (ось) колеса’, 辐 ‘спица’, 轮 ‘конец оси’, 轮 ‘место схождения спиц’, 轮 ‘обод, шина’; 轴 ‘ось, вал, катушка’, 轮, 轮 ‘лебедка’, 轮 ‘опорные боковые стенки’, 轿 ‘паланкин’, 轮 ‘цепное приспособление’, 轮 ‘цепь’, 轮 ‘поводья, вожжи’.

Малохарактерны партономические отношения между сложными иероглифами и детерминативами, обозначающими административные центры, (里 ‘город’ — 郭 ‘обводный вал (города)’).

Таким образом, китайская иероглифическая письменность, элементы которой, как уже было отмечено, могут объединяться по линии иерархических гиперо-гипонимических и холо-меронимических отношений, семантически может быть организована на основании также иных связей.

Например, в книге Тань Аошуан «Китайская картина мира» приводится очевидное доказательство того, как китайская иероглифическая система может решать подобные задачи. В частности, русской лексеме «жить» автор подбирает три китайских коррелятивных иероглифа:

- 1) 活 (детерминатив «вода»),
- 2) 住 (детерминатив «человек») и

3) 过 (детерминатив «движение; шаг»), которые согласно иероглифической классификации входят не в одну (единое стержневое значение «живь»), а в три различных иероглифических гнезда (с детерминативами «вода», «человек» и «движение; шаг» соответственно), что, по мнению Тань Аошуан, не чисто формальное объединение для удобного поиска знаков, как может показаться на первый взгляд при изучении лексикографических источников, построенных по ключевому принципу.

Для доказательства своей точки зрения, Тань Аошуан приводит примеры употребления данных единиц [7]. Так, русским предложениям:

- 1) Старик еще живет;
 - 2) Старик живет в Москве и
 - 3) Старик плохо живет
- соответствуют китайские:

- 1) 老头儿活着 (活 (детерминатив «вода»)),
- 2) 老头儿住在莫斯科 (住 (детерминатив «человек»)),
- 3) 老头儿日子 (生活) 过的不好 (过 (детерминатив «движение; шаг»)).

В первом примере детерминатив «вода» репрезентирует значение физического существования, во втором – детерминатив «человек» выражает постоянное местонахождение в некотором ограниченном пространстве, а в третьем примере детерминатив «движение; шаг» обозначает «прожить», причем часто с негативным оценочным оттенком (плохо провести дни) [7, с. 14]. Детерминатив сложного иероглифического знака становится одним из ключевых источников на пути определения мотивированности многосоставных иероглифов китайского языка. Таким образом, в китайской иероглифической системе имеют место случаи, когда детерминатив становится репрезентантом не категориального, а дифференциального компонента семантики¹.

Таким образом, детерминативы иероглифических знаков китайского языка могут выполнять различные функции, при этом основная роль заключается в отражении наиболее релевантного признака или нескольких признаков одновременно. Данные свойства становятся определяющими при выборе детерминатива или его включении в сложный иероглифический знак.

Следовательно, китайское иероглифическое письмо, организуясь по принципу группировки сложных знаков относительно входящих в них детерминативов, представляет собой особым образом семантически выстроенную систему, в состав которой входят различные группы и подгруппы единиц, где стержневым конструктом является иероглифическое гнездо.

Иероглифическое гнездо – это объединение сложных знаков вокруг единого для всех элементов гнезда знакообразовательного центра. Данным центром может выступать как фонетический, так и структурно-семантический элемент – детерминатив. Теоретическим основанием выбора иероглифического гнезда в качестве минимальной семантической подсистемы сложных иероглифов китайского языка является *принцип* объединения знаков, который коррелиативен принципу объединения слов словообразовательных гнезд в русском языке, предпринятыму еще в толковом словаре В. Даля [1], словообразовательному словарю Тихонова [8] и большом китайско-русском словаре И. М. Ошанина [4] (см. сравнение в таблице 1).

Таблица 1 - Сравнение компонентов словообразовательных гнезд русского языка и иероглифических гнезд китайского языка

Русский язык	Китайский язык
Солнце - солнечный	日 ‘солнце’ - 晴 ‘солнечный’

¹ Так, например, для номинации тигрового питона (蚺) использован детерминатив 虫 ‘насекомое’ как отражение категориального компонента, также как и в знаках, репрезентирующих различных обезьян (蠻 ‘бесхвостая, человекоподобная обезьяна; гибсон’, 猿 ‘самка обезьяны’), в то же время в иероглифе 猛 ‘собакоподобная обезьяна’ через детерминатив выражен дифференциальный признак, следовательно, в данном случае ведущим является мотивировочный признак «внешнее сходство».

<i>Глаз - глазеть</i>	目 ‘глаз’ - 眼 ‘глазеть’,
<i>Рука - выручать</i>	手 ‘рука’ - 援 ‘выручать’
<i>Ступня - оступиться</i>	足 ‘нога’ - 跌 ‘оступиться’, 践 ‘ступать’
<i>Сердце - сердечный</i>	心 ‘сердце’ - 恳 ‘сердечный’
<i>Человек - человечный</i>	人 ‘человек’ - 仁 ‘гуманный’
<i>Трава - травянистый</i>	艸 ‘трава’ - 草 ‘травянистый’
<i>Болезнь - болезненный</i>	疾 ‘болезнь’ - 痘 ‘болезненный’

Поскольку иероглифические гнезда включают не только подобные однокоренным в русском языке единицы, но и другие семантические типы знаков, например, в иероглифическое гнездо с детерминативом 鸟 ‘птица’ входят как обозначения видов птиц (鸩 ‘кукушка’, 鸮 ‘коршун’, 鸬 ‘дрофа’, 鸥 ‘чайка’, 鸱, ‘поползень’, 鸲 ‘дрозд’, 鸢 ‘цапля’, 鸳/鸯 ‘утка-мандаринка’, 鸯 ‘майна’, 鸳 ‘феникс’, 雉 ‘сушуан’ (феникс Западного сектора неба), 鸨 ‘желтый аргус’, 鵬‘рух’, 鹰‘грифон’, 鸱 ‘ядовитая выпь’, 鸢 ‘цапля’, 鸯/鹕 ‘пеликан’, 鸥 ‘желтая цапля’, 鸯 ‘крупная белая цапля’, 鸶 ‘ибис’, 鸳 ‘белая цапля’, 鸦/鴟 ‘ворона’, 鸱 ‘поползень’, 鸯 ‘снегирь восточный’, 鸠/鶡 ‘трясогузка’, 鸲 ‘дрозд’, 鸯/鶲 ‘майна’, 鸱 ‘овсянка’, 鸣/鹕 ‘иволга’, 鸲 ‘короткопалый дрозд’, 鸲 ‘сорока’, 鸱 ‘клест’, 鸱 ‘тимелия’, 鸲 ‘мухоловка’, 鸲 ‘щеврица’, 鸱/鶲 ‘крапивник’), так и действия, осуществляемые данным видом животного (鸣 ‘петь’, 鸱 ‘клевать’), анализ принципов включения детерминатива в сложный иероглифический знак, а также, соответственно, принципов их выбора должен также основываться на разработках в области *когнитивной лингвистики*, в частности, на основании интеракционной теории М. Блэка [9] и теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [10], согласно которым существуют смешанные ментальные пространства (blended spaces) или блэнд (blend) связей между элементами вводных пространств и концептуальные сети нашего сознания, обладающие сложной структурой аналогических и метафорических отображений. Так, например, признак цвет (волос) может послужить базисом для обозначения девушки с данным цветом волос – блондинки в английском языке (например, she is a natural blonde), следовательно, возникает связь – абстрактный признак (цвет) – наименование лица (блондинка).

На данные особенности обратил внимание еще А. А. Потебня, отметивший роль ассоциации и слияния ассоциаций в образовании рядов представлений. Разнородные представления, воспринятые одновременно, не теряя своей цельности, могут слагаться в одно целое. При слиянии два различных представления воспринимаются как одно [6, с. 91]. Этот способ словообразования, наряду со взаимозависимостью структуры и семантики, также отмечен и немецким лингвистом Г. Маршаном относительно английского языка, например, лексемы smog, где происходит блэндинг частей слов *smoke* и *fog* [12, с. 367].

Так как входящие в иероглифическое гнездо сложные знаки представляют собой самые разные семантические типы обозначений, объединение таких единиц также может быть интерпретировано через разрабатываемую в когнитивной лингвистике теорию *концепта*, понимаемого как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету [5, с. 24].

Вся совокупность детерминативов китайской письменности представляет собой, соответственно, концептосферу языка, образуемую всеми потенциями концептов носителями языка. Как отмечает Д. С. Лихачев, концептосфера шире семантической сферы [3, с. 5], поскольку богатство культуры и исторический опыт народа богаче того, что представлено значениями слов языка.

Следовательно, семантические связи детерминатива и входящих в иероглифическое гнездо с ним сложных знаков могут рассматриваться как номинативное поле концепта с различными зонами номинативной плотности¹, отличающегося от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок в свой состав, и отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа [5, с. 15]. Номинативное поле концепта принципиально неоднородно – оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Так, З. Д. Попова и И. А. Стернин приводят в пример ядро номинативного поля концепта «руководитель», куда входят *начальник, руководитель, шеф, босс, хозяин, администратор, первое лицо, власть имущий, руководить, распоряжаться, командовать, руководящий* и др., в периферию – *кричит, толстый, своевольничать, капризный, компетентный, авторитарный, всевластный* и мн. др. [5, с. 47].

Рассмотрение иероглифического гнезда китайского языка как концепта позволяет, таким образом, во-первых, интерпретировать в едином ключе все семантическое многообразие сложных иероглифов, которые входят в различные гнезда, во-вторых, на более глубоком уровне выделить те когнитивные признаки и основания, которые ложатся в основу выбора детерминатива и распределения иероглифических знаков по различным категориям-гнездам.

¹ Термин В. И. Карасика [2, с. 111].

Детерминатив, таким образом, может выражать определенный тип концептуального набора смысловых компонентов, выступая в роли прототипа¹ определенного объекта или свойства множества объектов, признаков, действий и др., что и позволяет создавать определенный образ в структуре концепта – иероглифического гнезда. Данными прототипами, как отмечает Д. Лакофф [11], могут выступать наиболее яркие представители класса концептов или наиболее четкие образы, например, для класса птиц – это воробей. Если рассмотреть детерминативы китайского языка, то это два вида птиц – 鸟 и 雉, различающиеся длиной хвоста и клюва, а также густотой оперения, образующие, соответственно, два иероглифических гнезда. Прототипами могут выступать не только определенные объекты, т.е. единицы, проявляющие в наибольшей степени свойства, общие с другими единицами данной группы [13, с. 29], но и признаки, на основе которых человек производит таксономическую деятельность (см., например, подсистему сложных иероглифических знаков с детерминативом 疾 ‘болезнь’).

Следовательно, китайское иероглифическое письмо, организуясь по принципу группировки сложных знаков относительно входящих в них детерминативов, представляет собой особым образом семантически выстроенную систему, в состав которой входят различные группы и подгруппы единиц, где стержневым концептуальным конструктом выступает иероглифическое гнездо.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль.* – М. : издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866. – 4 т.
2. *Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик.* – М. : Гнозис, 2004. – 389 с.
3. *Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН - СЛЯ – 1993, № 1. – С. 3-9.*
4. *Ошанин, И. М. Из опыта работы над большим китайско-русским словарем: о структуре гнездовой статьи словаря / И. М. Ошанин.* – М. : Вост. лит., 1960. – 10 с.
5. *Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова.* – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. — 314 с.
6. *Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня.* – Киев : СИНТО, 1993. – 192 с.
7. *Тань, Аошуан. Китайская картина мира : язык, культура, ментальность / Аошуан Тань.* – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 231 с.
8. *Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов.* – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ, 2003. – Т. 1. – 860 с.
9. *Black, M. Models and metaphors: studies in language and philosophy / M. Black.* – Ithaca: Cornell University Press, 1962. – 267 p.
10. *Fauconnier, G. Conceptual Projection and Middle Spaces / G. Fauconnier, M. Turner.* – San Diego, 1994. – Режим доступа: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1290862. – Дата доступа: 24.04.2019.
11. *Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson.* – Chicago : University of Chicago Press, 2003 – 242 p.

¹ О наличии прототипных образов свидетельствуют многочисленные стандартные ассоциативные реакции – великий русский поэт – Пушкин, часть лица – нос, великая русская река – Волга, домашняя птица – курица и т.д. [5, с. 75– 76].

12. *Marchand, H.* The categories and types of present-day English word-formation / H. Marchand. – Wiesbaden : Hubert and Co, 1960. – 399 p.
13. *Rosch, E.* Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – pp. 27–48.

Информация об авторе:

Михалькова Надежда Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

А. Ю. МОСКАЛЁВА

СТАТУС МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ФАСЦИНАЦИОННАЯ СЕМАНТИКА

В статье анализируются подходы к восприятию модальных частиц, изложенные в трудах китайских лингвистов на разных этапах развития грамматической мысли. Автором раскрываются основные модальные значения, выражаемые частицами 啊 *a*, 呀 *ya*, 呢 *ne*, 了 *le* и 啦 *la*.

Ключевые слова: грамматика, китайский язык, модальность, модальная частица, модальное значение, оттенок значения, фасцинационная семантика.

A. Y. MOSKALIOVA

THE STATUS OF MODAL PARTICLES IN THE CHINESE LANGUAGE AND THEIR FASCINATION SEMANTICS

The article analyzes approaches to the perception of modal particles set out in the studies of Chinese linguists at different stages of grammar development. The author reveals the main modal meanings expressed by the particles 啊 *a*, 呀 *ya*, 呢 *ne*, 了 *le* and 啦 *la*.

Key words: grammar, Chinese language, modality, modal particle, modal meaning, shade of meaning, fascination semantics.

Те языковые элементы, которые сейчас мы привыкли воспринимать как модальные частицы, далеко не всегда имели такой статус в китайском языке: подход к восприятию модальных частиц претерпевал множество изменений с ходом времени. Изначально они воспринимались китайскими лингвистами как конечные слова, и только чуть позже, во времена династии Тан, их стали называть вспомогательными словами. Однако они все еще оставались незначительными единицами, которые лишь придают выказыванию утвердительный или вопросительный тон [6].

Спустя некоторое время была высказана мысль о том, что конечные частицы могут выполнять разные функции в зависимости от их местоположения в предложении (в середине или в конце). Впервые заговорил об этом Лу Ивэй, который стал разграничивать модальные значения частиц и их оттенки значений [8]. Вслед за ним в своих исследованиях Юань Жэньлинь впервые дал определение модальности и связал его с частицами, притом установив различия между конечными частицами, используемыми в устной и письменной речи, а также в литературном языке и диалектах [10].

Только ближе к XX веку трактовка этого языкового явления становится приближенной к современному видению. Большой вклад в исследование грамматики китайского языка в целом и модальных частиц в частности сделал грамматист Ма Цзяньчжун. В своей фундаментальной грамматике «Ма ши вэнь тун» он признает модальные частицы грамматическими категориями и классифицирует их как утвердительные и вопросительные. Он также впервые поднимает вопрос о связи модальных частиц с синтаксической системой китайского языка [9].

Как ни странно, долгое время модальные частицы рассматривались только в рамках вэньяня¹, без учета их функционирования в устной речи. Одним из родоначальников исследования грамматики байхуа² стал Ли Цзиньси. Он не только выделил модальные частицы в отдельный класс слов (情态词 *qíngtài cí* ‘модальные слова’), но и выделил пять типов модальности предложения, каждый из которых соотносился с теми или иными модальными частицами [7].

Спустя некоторое время тема модальных частиц была широко раскрыта в трудах таких выдающихся языковедов, как Ван Ли, Гао Минкай, Чжао Юаньжэнь, Люй Шусян. Гао Минкай так же, как и Ли Цзиньси, признавал модальные частицы отдельным классом слов, однако именовал их как 感叹词 *gǎntàn cí* ‘междометия’. Помимо этого, он подразделял их на несколько разновидностей: вопросительные, восклицательные, выражющие приказ и выраждающие сомнение [5].

Чжао Юаньжэнь в то время занимался исследованием служебных слов в целом, включая модальные частицы. Он называл их 助词 *zhùcí* ‘служебное слово’ и сравнивал функционирование данных единиц в вэньяне и диалектах. Чжао Юаньжэнь отмечал, что подобные частицы произносятся нейтральным тоном и имеют тесную связь с предложением с точки зрения грамматики и интонации [4, с. 353].

Люй Шусян в своих исследованиях утверждал, что модальность выражается и интонацией, и модальными частицами, при этом, по его мнению, интонация является неотъемлемой частью предложения, в то время как модальные частицы могут и отсутствовать. В «Очерке грамматики китайского языка» он писал: «Между модальными частицами и категориями модальности полного соответствия не существует: с одной стороны, одна и та же модальная частица может быть использована при выражении различных оттенков модальности; с другой стороны, один и тот же модальный оттенок высказывания может быть выделен посредством различных модальных частиц – в ряде случаев как будто без заметного различия, хотя, вообще говоря, выбор той или иной частицы фактически обусловливается тонкими оттенками высказывания – оттенками, которые необходимо различать» [3, с. 231].

Схожее мнение выразил в своих работах и другой китайский языковед, профессор Ван Ли. Он утверждал, что для выражения эмоций в речи, придания определенной эмоциональной окраски высказыванию, в китайском языке, кроме интонации, также употребляются многочисленные модальные ча-

¹ Вэньянь (文言, букв. «культурная речь» или «речь письмен») – это нормативный традиционный китайский литературный язык, основанный на древнекитайском языке. Широко использовался в науке, литературе и официальной документации вплоть до начала XX века. См. Карапетьянц, А. М. Учебник классического китайского языка вэньянь. Начальный курс / А. М. Карапетьянц, Аошуан Тань. – М. : Муравей, 2001. – 432 с.

² Байхуа (白话, букв. «простой язык») – новый литературный язык, опирающийся на нормы разговорной речи. В начале XX века пришел на смену вэньяню и полностью заменил его в литературных произведениях. См. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века / М. В. Крюков [и др.]. – М. : Наука : Восточ. лит., 1993. – 413 с.

стицы. Учёный предложил классификацию модальных частиц, разделив их на 12 основных типов: определённости, разъяснения, подчеркивания, вопроса, риторического вопроса, условия, предположительности, повелительности, настоятельности, вынужденного согласия, возмущения, убедительности [2, с. 91].

Аналитический обзор теоретических источников позволил не только проследить за этапами укоренения модальных частиц как отдельного класса слов, но и составить инвентарь наиболее часто употребляемых модальных частиц, куда вошли знаки 啊 *a*, 呀 *ya*, 呢 *ne*, 了 *le* и 啦 *la*. Следующим шагом являлось обобщение сведений о фасцинационной¹ семантике каждой из модальных частиц с опорой на материал из онлайн-версии Большого китайско-русского словаря [1].

Были установлены следующие модальные оттенки значений, выражаемые каждой из частиц:

- частица 啊 *a*

- 1) пауза в высказывании

他啊，真很棒。*Tā a, zhēn hěn bàng.* Он вот – действительно крут.

- 2) перечисление

课本啊，本子啊，摆满了一桌子。*Kèběn a, běnzi a, bǎi mǎnle yī zhuōzi.*

Учебниками, тетрадями завален весь стол.

- 3) удивление

多好的服装啊！*Duō hǎo de fúzhuāng a!* Какой наряд!

- 4) восклицание

这原来是她啊！*Zhè yuánlái shì tā a!* Так это он!

- 5) подтверждение

你话说得是啊！*Nǐ huà shuō de shì a!* И верно же сказано!

- 6) приказ

慢一点儿啊！*Màn yīdiǎnr a!* Помедленнее!

- 7) вопрос

你喝不喝啊？*Nǐ hē bu hē a?* Да будешь ты пить или нет!？

- частица 呀 *ya*

- 1) настоятельность

儿子，吃饭呀！*Érzi, chīfàn ya!* Сын, поешь!

- 2) удивление

真的呀！*Zhēn de ya!* В самом деле!

- 3) вопрос

这件事儿你怎么不知道呀？*Zhè jiàn shìr nǐ zěnme bù zhīdào ya?* Ты почему не в курсе этого?

- 4) подтверждение

对呀！*Duì ya!* Верно!

¹ Фасцинация (от лат. *fascinatio* «завораживание») – по Ю. В. Кнорозову, «такое действие сигнала, при котором ранее принятая информация полностью или частично стирается», эффект повышения воздействия информации на поведение. См. Кнорозов, Ю. В. Избранные труды / Ю. В. Кнорозов. – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – 594 с.

- частица 呢 *ne*

1) утверждение

他走了呢！*Tā zǒule ne!* Так он же ушел！

2) убеждение

我也要挂号呢！*Wǒ yě yào guàhào ne!* Я ведь тоже регистрируюсь！

3) призыв к действию

弟弟，替我浇花呢！*Dìdì, tì wǒ jiāo huā ne!* Братец, полил бы ты цветы за меня！

4) пауза

她赞同了呢，我们就开始。*Tā zàntóngle ne, wǒmen jiù kāishǐ.* Когда она одобрит, мы сразу же приступим.

5) неполный вопрос

什么名字呢？*Shénme míngzì ne?* А как зовут？

6) риторический вопрос

我怎么会知道呢？*Wǒ zěnme huì zhīdào ne?* Как я мог знать？

7) уточнение

你去不去呢？*Nǐ qù bu qù ne?* А ты-то пойдёшь？

• частица 衍 *le*

1) становление ситуации

我现在听清楚他说的话了。*Wǒ xiànzài tīng qīngchú tā shuō dehuàle.* Теперь я ясно услышал, что он сказал.

2) изменение ситуации с влиянием на иную ситуацию

她减肥了，变得更美丽了。*Tā jiǎnféile, biàn dé gèng měilìle.*

Она похудела, стала еще красивее.

3) возможное изменение ситуации в будущем

如果你不去出差，我也呆在家里了。*Rúguò nǐ bù qù chūchāi, wǒ yě dāi zài jiālile.* Если ты не поедешь в командировку, то и я тоже останусь дома.

4) приказ приспособления к новой ситуации

你们翻译句子了！*Nǐmen fānyì jùzile!* Переводите фразы！

5) приказ ускорения или остановки процесса

快写了！*Kuài xiěle!* Быстрее пиши！

6) категоричность суждения

不能再等他了！*Bùnéng zài děng tā le!* Нельзя больше ждать его！

7) сожаление

他不能参加比赛了。*Tā bùnéng cānjiā bǐsàile.* Он не сможет участвовать в соревновании.

8) угроза

再这样做，我就见怪了。*Zài zhèyàng zuò, wǒ jiù jiànguàile.* Если снова так поступишь, то я обижусь.

9) восклицание

别打搅我了！*Bié dǎjiǎo wǒle!* Не беспокойте меня！

• частица 啊 *la*

1) пауза при перечислении

笔啦，黑啦，都预备好了。*Bǐ la, hēi la, dōu yùbèi hǎole.* Кисти ли, тушь ли – всё приготовлено.

2) радость

我们胜利地完成任务啦！*Wǒmen shènglì de wánchéng rènwù la!* Мы успешно справились с заданием！

3) восхищение

这条裙子好看极啦！*Zhè tiáo qúnzi hǎokàn jí la!* Это платье невероятно красиво！

4) гнев

他连自己的手机都丢了！*Tā lián zìjǐ de shǒujī dōu diū la!* Он потерял даже свой собственный телефон！

5) изменение ситуации

我没找到书，孩子把它拿走啦。*Wǒ méi zhǎodào shū, háizi bǎ tā ná zǒu la.* Я не нашел книгу, дети ее унесли.

6) возникновение ситуации

他又要换钱啦。*Tā yòu yào huànqián la.* Он собирается снова обменять деньги.

7) утверждение

你都听懂啦。*Nǐ dōu tīng dǒng la.* Вы всё понимаете.

8) убеждение

有问题，处理了就行啦。*Yǒu wèntí, chǔlǐle jiùxíng la.* Если есть проблемы, просто решите их.

9) вопрос

你怎么啦？*Nǐ zěnme la?* Что с тобой？

Исходя из приведенных выше данных, мы можем охарактеризовать зна-
ки 了 *le* и 啦 *la* как модальные частицы, передающие наиболее широкий
спектр модальных значений, следовательно именно они обладают наиболее
развитой фасцинационной семантикой.

Таким образом, модальные частицы китайского языка – это высокоча-
стотные языковые единицы, которые обладают различной фасцинационной
семантикой, занимают различные позиции в высказывании в зависи-
мости от передаваемых модальных значений и в ряде случаев допускают фонетиче-
ские варьирования. Данные служебные элементы китайского языка служат
для выражения отношения говорящего к событию, придания высказыванию
большой выразительности, что делает их неотъемлемой частью как устной,
так и письменной речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой китайско-русский словарь [Электронный ресурс] // 大 БКРС. – Режим доступа: <https://bkrs.info> – Дата доступа: 22.10.2024.
2. Ван, Ляо-и. Основы китайской грамматики / Ляо-и Ван ; пер. с кит. Г. Н. Райской ; под ред. А. А. Драгунова и Чжоу Сун-Юаня. – М. : Изд-во иностр. лит., 1954. – 262 с.
3. Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А.Н. Гордей // Беларусь в современном мире : материалы IV Респ. науч. конф., Минск, 28 сентября 2005 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.В. Шарапо [и др.]. – Минск : РИВШ, 2005. – С. 226–229.

4. Люй, Шусян. Очерт грамматики китайского языка : в 3 т. / Шусян Люй. – М.: Наука, 1965. – Ч. 2. – 284 с.
5. Chao, Yuen Ren. A Grammar of Spoken Chinese / Yuen Ren Chao. – Berkeley : Univ. of California Press, 1970. – 847 p.
6. 高, 名凯. 汉语语法论 / 名凯高. – 北京: 商务印书馆, 1986. – 557 页. = Гао, Минкай. Теория грамматики китайского языка / Минкай Гао. – Пекин : Коммерческое издательство, 1986. – 557 с.
7. 段, 玉裁. 说文解字注 / 玉裁段. – 北京: 中华书局, 1988. – 959 页. = Дуань, Юйцай. Комментарий к «Изъяснению письмён и толкованию иероглифов» / Юйцай Дуань. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1988. – 959 с.
8. 黎, 锦熙. 新著国语文法 / 锦熙黎. – 长沙 : 湖南教育出版社, 2007. – 347 页. = Ли, Цзиньси. Новая грамматика китайского языка / Цзиньси Ли. – Чанша : Образовательное издательство Хунань, 2007. – 347 с.
9. 卢, 以纬. 助语辞 / 以纬卢, 克仲王. –北京: 中华书局, 1988. – 186 页. = Лу, Ивэй. Служебные слова / Ивэй Лу, Кэчжун Ван. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 1988. – 186 с.
10. 马, 建忠. 马氏文通 / 建忠马. –北京: 商务印书馆, 2010. – 473 页. = Ма, Цзяньчжун. Объяснение правил письменного языка господина Ма / Цзяньчжун Ма. – Пекин : Коммерческое издательство, 2010. – 473 с.
11. 袁, 仁林. 虚字说 / 仁林袁. –北京: 中华书局, 1989. – 146 页. = Юань, Жэньлинь. Трактат о служебных словах / Жэньлинь Юань. – Пекин : китайское книгоиздательство, 1989. – 146 с.

Информация об авторе:

Москалёва Алеся Юрьевна – доцент кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, кандидат филологических наук, г. Минск, Республика Беларусь.

УДК 811.581

**М. Б. РУКОДЕЛЬНИКОВА | КОМПЛЕКСНЫЙ УЧЕБНИК
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ**

Обосновывается необходимость создания отечественного комплексного учебника для молодежи, не привязанного к классам средней школы и не отсылающего напрямую к вузу. Разумное сочетание отечественной традиции и современных подходов.

Ключевые слова: китайский язык как иностранный, национально ориентированный учебник для русскоговорящих.

M. B. RUKODEL'NIKOVA

**A COMPREHENSIVE TEXTBOOK OF THE CHINESE
LANGUAGE FOR YOUTH**

The necessity of creating a domestic comprehensive textbook for young people is substantiated, not tied to high school classes and not directly referred to the university. A combination of national tradition and modern approaches.

Key words: Chinese as a Foreign Language, Chinese Textbook for Russian-speaking Students.

В последние 20-25 лет ситуация с преподаванием китайского языка во всем мире изменилась. Китайский постепенно становится самым популярным иностранным языком, его изучают в школах, на курсах, в университетах и даже в детских садах и центрах активного долголетия. Если прежде мы говорили о влиянии глобализации на стремление свести весь спектр преподаваемых иностранных языков к английскому, то сегодня стрелка склоняется на восток.

Активизации интереса в России к изучению и преподаванию китайского языка способствовали не только экономический рост и политическое влияние КНР в мире, но и решения правительства РФ в лице Ольги Голодец, давшей прямое указание о внедрении китайского в школы, введении с 2019 г. ЕГЭ по китайскому языку и разработке единой Примерной программы в рамках ФГОС.

Острая нехватка адекватных учебных материалов, созданных с учетом достижений отечественной методики преподавания иностранных языков, стимулировала разработку и выпуск за короткий период сразу четырех линеек по китайскому для школы. В 2020 г. все они вошли в федеральный перечень учебной литературы, рекомендованный Министерством просвещения для школ РФ. Однако впоследствии в перечне остались по одной линейке для китайского как первого и как второго иностранного языка соответственно.

Специальных российских пособий по китайскому для молодежной аудитории в настоящее время не хватает, есть учебники для школ, привязанные к определенному классу, есть очень современные учебные линейки для вузов, например, «Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка»

под редакцией Т.В. Ивченко [1]. Необходима линейка учебных материалов, не отсылающая напрямую к среднему или высшему образованию, но позволяющая качественно обучать детей и молодежь китайскому языку вне обязательной программы. Китайские же переводные пособия, наводнившие рынок, основаны исключительно на коммуникативном подходе, исключающем возможность осознанного активного обучения, кроме того, они ориентированы в первую очередь на усредненного носителя западной культуры, поэтому имеют неподходящий набор лексики и крайне малое количество упражнений.

Авторский коллектив Российского государственного гуманитарного университета, имеющий опыт написания учебников для средней школы [2], в плотную подошел к решению данной задачи. Необходимо создать современный комплексный учебник для детей и молодежи, изучающих китайский язык на курсах, в рамках среднего специального образования или самостоятельно.

Комплексная подача материала позволяет уйти от необходимости в отдельных пособиях, развивающих лишь один из четырех видов речевой деятельности: учебник по чтению, учебник по письму, учебник по аудированию, учебник по развитию разговорной речи. Позиция авторов – методически комплексно объединить учебные материалы в едином пособии, построив задания таким образом, чтобы гармонично развивать все виды речевой деятельности и учить навыку перевода с/на китайский язык.

Комплексный учебник должен быть ориентирован на русскоязычную аудиторию с имеющимся опытом изучения родного языка и, возможно, иностранного, с учетом сложившейся языковой и культурной картины мира. Предметное содержание должно отвечать российским стандартам, но при этом важно учитывать и требования международного квалификационного теста HSK, ориентировочно до 4 уровня включительно. Комплексный учебник должен давать возможность дифференцированного подхода в освоении материала: на базовом и углубленном уровнях.

Разрабатываемая учебная линейка направлена на компенсацию существующей возрастной лакуны в целевой аудитории пособий по китайскому языку за счет отсутствия у новых пособий привязки к школе или вузу. Тем не менее, потенциальный обучающийся – это дети и молодые люди от 8 до примерно 20 лет. Предметное содержание подобрано так, что, изучая китайский язык, вникаешь в интересную, близкую по возрастным интересам сюжетную историю, проходящую через всю линейку. Герои меняются от тома к тому, меняются их интересы, события в жизни, при этом события имеют и календарные отсылки: один том рассчитан на год обучения, поэтому и сюжет привязан к временам года.

Так как обучение китайскому языку проходит вне языковой среды и не всегда есть возможность привлекать носителей, чтобы обучающиеся слышали естественную китайскую речь, в линейке особое внимание уделяется обучению аудированию. В сборнике упражнений до 40% заданий связаны именно с аудированием, методически продуманы упражнения с различными ти-

пами опор на выборочное и полное понимание услышанного, с постепенным увеличением объема и сложности аудиоматериалов [3]. Для развития коммуникативных навыков предусмотрены упражнения в форме дискуссий, докладов и проектов. Подобные задания обычно даются с небольшой опорой в виде картинок, слов и выражений, но есть и более сложные упражнения на коммуникацию: «Разыграйте диалог», «Перескажите текст в косвенной речи». Постепенно вводится раздел 讨论 «Обсуждение», тематика заданий усложняется в зависимости от уровня, и со временем обучающиеся учатся обсуждать такие актуальные темы как волонтерство, охрана окружающей среды, влияние родителей на выбор профессии, отношение отцов и детей и др.

Освоение фонетических навыков базируется на большом количестве упражнений, как предречевых (тренировочных), направленных на преодоление лексических или грамматических трудностей говорения, так и речевых (стереотипно и вариативно ситуационных), направленных сначала на достижение автоматизации компонентов речевого действия в одинаковых или сходных ситуациях, а затем на формирование гибкости навыка, его способности переноса в новые речевые ситуации. Сложность подобных упражнений напрямую зависит от уровня учащихся. Обучение начинается с относительно несложных заданий – упражнения на замену и расширение, описание картинки, ответы на вопросы к тексту, пересказ диалогического текста в косвенной речи. На продвинутом этапе добавляются задания на основе табличной информации или картинки, используя нелинейный текст необходимо составить сообщение [4].

Помимо устных видов речевой деятельности (аудирование и говорение), важная роль в линейке отводится и письменным видам, таким как чтение и письмо. Причем скорость овладения чтением и письмом на первом этапе не идентична. Хотя иероглифика и вводится с самых первых уроков, активное владение (умение писать) отстает от умения визуально опознать и прочесть иероглиф примерно в первые полтора года обучения. Это естественный процесс освоения столь отличной системы письма.

Введение иероглифики в линейке подается системно, с объяснением структуры каждого нового иероглифа и порядка черт. Если иероглифы уже на начальном этапе будут механически перерисовываться и заучиваются просто как картинки, без понимания структуры знака, создать базу для дальнейшего расширения материала практически невозможно. При этом очень важно, чтобы упражнения на отработку иероглифики были разнообразными и активизировали разные механизмы запоминания на разных стадиях освоения иероглиф, не вызывая привыкания и ощущения рутины. В учебнике много увлекательных иероглифических заданий, лингвистических задач и игр, рассчитанных на соревновательный дух и сообразительность, что, в конечном счете, поддерживает мотивацию в продолжении изучения китайского языка. Лингвистические задачи включают: знакомство в увлекательной форме с пиктограммами и их эволюцией, умение увидеть структуру идеограммы

и вывести значение знака в целом, знакомство с словосложением как основным словообразовательным средством китайского языка, и др.

Начиная с первого года обучения в сборнике упражнений предлагаются письменные задания различной сложности: иероглифические на понимание структуры знака (составление иероглифа из графем), структуры сложного слова (образование двуслогов из отдельных иероглифов), составление предложений, написание кратких эссе с опорой на вопросы или образец, написание письма в ответ на письмо-стимул.

Важную роль в освоении китайского языка играет развитие навыка двустороннего перевода, поэтому в сборнике упражнений каждого года обучения присутствуют задания и такого типа.

Упражнения, направленные на развитие как рецептивных, так и продуктивных видов речевой деятельности на китайском языке скоординированы с типами заданий Всероссийской олимпиады школьников по китайскому языку, требованиями и демонстрационными вариантами ЕГЭ, а также с типами заданий в HSK.

Нельзя не отметить различные языковые игры и лингвистические задачи, активно используемые в учебном процессе на начальном этапе. Цель, которую преследует введение элементов геймификации, - показать в игровой форме структуру китайского знака, процессы и способы словообразования, правила построения предложения и связного текста.

Еще одним рычагом повышения и сохранения мотивации в обучении китайскому языку служит большое количество лингвострановедческого материала как на русском, так и на китайском языке. С.Г. Тер-Минасова справедливо отмечала особенно важную инновацию в преподавании иностранных языков на современном этапе – соизучение иностранного языка и страны изучаемого языка с родным языком и миром учащихся¹. Такой подход полностью находит отражение в новой линейке. Для успешной коммуникации с носителем изучаемого языка очень важно уметь говорить и о своей стране, ее истории и культуре. Поэтому введено так много информации о России на китайском языке. Большая часть культурологического материала дается в рамках концепции диалога культур, например, «Путешествие по России и Китаю», «Столица и крупные города Китая и РФ», «Государственные символы РФ», «Географическое положение и климат в Китае и РФ», «Население», «Культурные особенности РФ: национальные праздники, памятные даты, исторические события, традиции и обычаи», «Олимпийские игры в Пекине и в Сочи», «Выдающиеся люди обеих стран и их вклад в науку, спорт и мировую культуру» и др. В линейке предусмотрена отработка умения правильно записывать китайские имена и географические названия по-русски с использованием кириллической системы Палладия Кафарова. Одновременно с этим иллюстрируется то, как выглядят известные имена и фамилии, названия российских городов и регионов в китайском тексте.

¹ Выступление на заседании Российской Академии Образования в декабре 2016 г.

Если оценить перспективы обучения по новой линейке с точки зрения HSK, то можно сказать что программа полностью скоординирована с требованиями Международного квалификационного теста по китайскому языку. За первый год обучения – 1 уровень YCT (юношеский аналог HSK до 16 лет), второй год обучения - 2 уровень YCT, 3 год обучения – 2 уровень HSK, 4 год обучения – 4 уровень YCT или 3 уровень HSK. После 5 лет обучения возможно достижение среднего уровня владения китайским языком – 4 уровень HSK. При этом, так как в линейке предусмотрен дифференцированный подход, скорость прохождения материала может варьироваться в зависимости от возраста, способностей обучающихся и количества часов в неделю. Для достижения заявленных результатов учебные пособия первого и второго года обучения можно проходить с минимальным количеством часов в неделю – 2 занятия по 1 часу. С увеличением сложности, начиная с третьего года обучения, желательно заниматься дважды по 1,5 часа в неделю или 3 раза по 1 часу.

В 2024 году издательство Просвещение выпустило пособие [5] и сборник упражнений [6] Китайский язык. Первый год обучения, в 2025 году линейку продолжит комплект материалов для второго года обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новые горизонты : Интегральный курс китайского языка / под общ. ред. Т.В. Ивченко. Том 1. Часть 1 – Пекин : Изд-во образование и наука, 2012. – 182 с.
2. Рукодельникова, М. Б. Китайский язык. Второй иностранный язык : 5-9 классы (учебная программа) / М. Б. Рукодельникова, О. А. Салазанова, Л. С. Холкина. – М.: Вентана-Граф, 2017. – 144 с. – Режим доступа: <https://rosuchebnik.ru/upload/iblock/734/73441ab30033262ea0d95f8468f0fba9.pdf>. – Дата доступа: 15.01.2025.
3. Рукодельникова М. Б. Развитие и контроль навыков аудирования на начальном и продвинутом этапах обучения китайскому языку / М.Б. Рукодельникова // Сборник материалов III Международной конференции «Подготовка учителей китайского языка: опыт и перспективы взаимодействия российских и китайских университетов». – Ярославль: ЯГПУ, 2021. – С. 105–114.
4. Рукодельникова М. Б. Развитие устной речи на китайском языке в рамках школьного курса / М. Б. Рукодельникова // Россия – Китай: История и культура. Сборник статей и докладов участников XV Международной научно-практической конференции. – Казань: КФУ, 2022. – С. 312–317.
5. Рукодельникова М.Б. Китайский язык : первый год обучения : учебное пособие / М. Б. Рукодельникова, О. А. Салазанова, Ли Тао. – Москва: Просвещение, 2025. – 191 с. – (Путь к мастерству).
6. Рукодельникова М. Б. Китайский язык : первый год обучения : сборник упражнений / М. Б. Рукодельникова, О. А. Салазанова, Л. С. Холкина, Ли Тао. – Москва : Просвещение, 2025. – 112 с. : ил. – (Путь к мастерству)

Информация об авторе:

Рукодельникова Мария Борисовна – заведующая кафедрой восточных языков Российского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация

М. С. ФИЛИМОНОВА

ИМИТАТИВНОСТЬ СЖАТЫХ КИТАЙСКИХ ЛОГОГРАММ

В данной статье рассматриваются сжатые логограммы китайского языка, осуществляется их рекурсивный анализ. На примере логограммы 舌 автором рассматривается явление имитативности сжатых китайских логограмм.

Ключевые слова: китайский язык; логограмма; двухкомпонентная единица; рекурсивный анализ; имитативность.

M. S. FILIMONAVA

IMITATIVE FUNCTION OF COMPRESSED CHINESE LOGOGRAMS

This article reveals the structure of compressed Chinese logograms and their recursive analysis. The author analyzes imitative function of compressed Chinese logograms.

Key words: Chinese language; logogram; two-component language unit; recursive analysis; imitative function.

Согласно положениям комбинаторной семантики, существует два типа рекурсии: простая (номинативная) и сложная (предикативная) [3]. При простой рекурсии охваченная ей группа языковых единиц представляет собой номинативное сочетание знаков. Предикативная рекурсия возникает тогда, когда в роли одного из членов предложения (в нашем случае компонентов иероглифа) выступает самостоятельное предложение. В китайской иероглифике могут наблюдаться оба вида рекурсии [2].

По своей структуре все логограммы китайского языка являются изначально двухкомпонентными знаками, чья эволюция с течением времени проходила по пути семантической свертки, которая в итоге привела к синтаксической свертке. На данный момент развития китайской письменности, все логограммы делятся на развернутые и свернутые [3].

Развернутые логограммы представлены составными и сложными логограммами. Свернутые логограммы представлены сокращенными и сжатыми логограммами. Одновременно, в соответствии с двумя типами рекурсии, все логограммы делятся на две большие группы: 1) знаки, которые могут быть развернуты по принципу номинативной рекурсии; 2) знаки, которые могут быть развернуты по принципу предикативной рекурсии [4].

Мы считаем, что логограммы китайского языка, которые могут быть развернуты по принципу предикативной рекурсии, являются имитативами, обладая внутренним синтаксисом и представляя собой односоставное предложение [5], которое может быть развернуто посредством осуществления того же самого рекурсивного анализа.

Возьмем для примера *сжатые логограммы*. В них форма претерпела максимальное изменение, требует тщательного исследования этимологии и эволюции знака.

В сжатых логограммах *с номинативной рекурсией* семантическую роль в формировании значения знака утратили оба компонента схемы «актуализатор+модификатор». В таких логограммах современный ключ не совпадает с опорным семантическим элементом (актуализатором) логограммы и никак не связан с ее семантикой [4]. Например, логограмма 天 ‘небо, небосвод, небеса’. Ее этимология: **下面是个正面的人形(大)**, **上面指出是人头**, **小篆变成一横**. **本义**: **人的头顶**, что значит ‘Снизу – фронтальное изображение фигуры человека; в письменах цзягувэнь сверху изображалась голова человека, при переходе к письменам сючжуань (унифицированному иероглифическому почерку, введенному при династии Цинь) изображение трансформировалось в горизонтальную черту. Изначально данный иероглиф имел значение ‘макушка головы человека’. У графемы — также есть значение ‘Приначало формы Вселенной, линия, которая разделяет Небо и Землю’. Значение логограммы 天 складывается путем сложения значений ее компонентов: идеограф 大 ‘большой человек’ + идеограф — ‘макушка’, то есть **至高無上** ‘быть превыше всего; высочайший, наивысший’. Геометрически вертикальная линия располагается над фигурой большого высокого человека, что дает значение ‘быть превыше всего; небо’. Ядерная цепочка выглядит следующим образом: S – высокий человек, A – упирается (опущено), L – голова, макушка, O – Небо. Ситуация: высокий человек упирается головой в Небо. Здесь прослеживается скрытая двукомпонентность, в данной логограмме актуализатором является идеограф 大 ‘большой человек’, модификатором – идеограф — ‘макушка’ (рисунок 1):

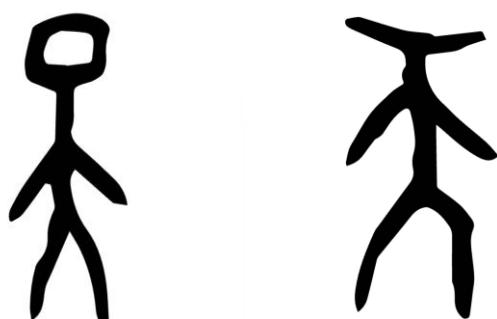

Рисунок 1. – Логограмма 天

Сжатые логограммы *с предикативной рекурсией* могут быть разделены на две группы: логограммы, утратившие изначальную развернутую структуру вследствие синтаксической свертки, и логограммы, в которых также пропущены элементы ядерной семантической цепочки [4], как, например, в логограмме 重 ‘тяжелый, веский’. Ее этимологическое значение: **人站着背囊袋**, **很重**. **本义**: **分量大**, **从壬**, **挺立**. **东**, **囊袋**, что значит ‘Человек стоит

с тяжелым мешком на спине. Изначально данный иероглиф передавал значение ‘ровно стоять и держать на спине + тяжелый мешок’. Значение логограммы складывается путем сложения значений ее компонентов: идеограф 壴 (tǐng) + фонетик 東 (dōng). Идеограф 壴 (tǐng) имеет следующее трактование: 甲骨文像人挺立在土台上的样子，本义指“人挺立在土台上”， что значит ‘в письменах Цзягувэнь логограмма 壴(tǐng) изображала человека, ровно стоящего на земляном возвышении/террасе, этимологическое значение: человек, стоящий ровно, навытяжку на земляном возвышении/террасе’. Фонетик 東 (dōng) имел значение 囊袋大 ‘большая торба, мешок’, так как данная логограмма изображала 两头扎住绳子装满东西的口袋 ‘стянутый веревками с двух сторон набитый вещами мешок’). Ядерная цепочка выглядит следующим образом: S – некто (человек), A – держит, L – на спине, O – мешок/торбу. Ситуация развертывается следующим образом: человек на спине держит тяжелый тюк, мешок. Здесь прослеживается скрытая двукомпонентность, в данной логограмме актуализатором является 壴(tǐng) человек, стоящий ровно, навытяжку на земляном возвышении/террасе’, модификатором – 東 (dōng) (значение: 囊袋大 ‘большая торба, мешок’. Визуально двукомпонентность вообще не выявляется (рисунок 2):

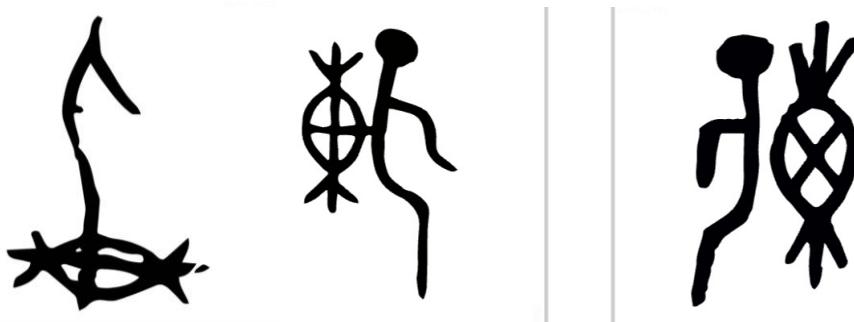

Рисунок 2. – Логограмма 重

Логограмма 舌 ‘язык человека, животного’. Ее этимологическое значение 舌头，在口所言别味者也, а именно ‘кончик языка, то, что находится во рту, отвечает за речь и различение вкусов’. Изначально данная логограмма передавала изображение рта с высывающимся из него языком. В словаре «Шо вэнь» данной логограмме дается следующее трактование: 言犯口而出，食犯口而入也 ‘то, что, находясь во рту, позволяет выходить наружу речи; то, что, находясь во рту, позволяет попадать внутрь пище’. Ядерная цепочка выглядит следующим образом: S – некто (человек), A – высывает, L – изо рта, O – кончик языка. Ситуация развертывается следующим образом: человек высывает изо рта язык. Здесь прослеживается скрытая двукомпонентность, в данной логограмме актуализатором является идеограф Y, передающий форму высунутого изо рта языка, скорее всего змеи, модификатором – идеограф 口 ‘рот’. Так же позже появляется вариант логограммы, где присутствуют точки, передающие изображение слюны (рисунок 3):

Рисунок 3. – Логограмма 舌

Именно на примере логограммы 舌 можно рассмотреть явление *имитативности* сжатых китайских логограмм.

Если рассмотреть звучание логограммы 舌, а именно shé, то данное сочетание воссоздают целостную комплексную ситуацию бытия со своими участниками (субъектом, акцией, объектом): высовывание языка (человеком, животным) для произнесения каких-либо звуков либо соприкоснования с пищей для различия ее вкуса. По месту образования sh является щелевым звуком, при его произношении кончик языка не соприкасается с небом, образуя небольшую щель, струя воздуха проходит через нее. Согласно классификации А. Н. Алексахина он является ретрофлексным, апикально-перднетвердо-небным. Используемый при произнесении звука sh первый звук s является апикально-верхнедесенным, подразумевая на участие кончика языка (тыльной стороны кончика языка – апикса) в процессе артикуляции, вторая буква h демонстрирует наличие ретрофлексного признака, то есть наличие загнутого назад кончика языка. Звук e, по А. Н. Алексахину, также является ретрофлексным, то есть образуется с помощью загнутого назад кончика языка, при этом при его образовании происходит движение органов артикуляции вперед [1].

Физиологический процесс высовывания кончика языка изо рта для произнесения речи, наполненной ретрофлексными гласными, или для соприкосновения с пищей в целях различия вкуса выглядит выглядит как движение кончика языка, при воздействии апикса, наружу изо рта. Вследствие чего использование sh и e для передачи данной ситуации представляется уместным, так как в образовании sh задействован именно кончик языка, с включением спинки языка, а затем движение кончика языка заканчивается произнесением e с выходом из ротового отверстия, в примитивной форме отражая процесс речи или распознавание вкуса пищи кончиком языка при соприкосновении с ней вне рта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексахин, А. Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква. Фонема. Звук. Слог : для начинающих и продолжающих изучать китайских языка / А.Н. Алексахин. – М. : АСТ : Восток-Запад ; Владимир : ВКТ, 2008. – 96 с.
2. Гордей, А. Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс [Электронный ресурс] / А. Н. Гордей. – Минск, 2007. – 1 эл. опт диск (CD-ROM).

3. Гордей, А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск, 1998. – 156 с.
4. Карасёва, К. В. Принципы декодирования китайских логограмм и реконструкция их семантики / К. В. Карасёва. – Минск : РИВШ, 2014. – 202 с.
5. Корнилов, Г. Е. Имитативы в чувашском языке / Г.Е. Корнилов. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1984. – 184 с.

Информация об авторе:

Филимонова Марина Сергеевна – заместитель декана по идеологической и воспитательной работе факультета китайского языка и культуры, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь.

М. Б.-О. ХАЙДАПОВА
М. Г. ЖАНЦАНОВА

ЯПОНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕ НАЧАЛА ПОЛИТИКИ РЕФОРМ И ОТКРЫТОСТИ

Данная статья посвящена лингвокультурным связям Китая и Японии, нашедшим своё отражение в лексике современного китайского языка. Рассматриваются объём, сферы употребления, факторы, способствующие появлению и распространению японских заимствований в китайском языке на рубеже XX–XXI вв., а также проводится сопоставление с предыдущим периодом.

Ключевые слова: Китай, Япония, китайский язык, лексика, японские заимствования.

М. В.-О. KHAIDAPOVA
M. G. ZHANTSANOVA

JAPANESE LOANWORDS IN CHINESE SINCE THE REFORM AND OPENING UP POLICY

The paper studies the linguacultural relations between China and Japan, reflected in the vocabulary of Chinese. The article examines the number, areas of use, factors contributing to the emergence and spread of Japanese loanwords in Chinese at the turn of the 20th–21st centuries and makes a comparison with the previous period.

Keywords: China, Japan, Chinese language, vocabulary, Japanese loanwords.

На протяжении всего исторического развития Китай и Япония были связаны культурной и цивилизационной общностью. Взаимовлиянию китайской и японской цивилизаций посвящено множество научных работ в самых различных областях. Исторически сложилось так, что благодаря общности письма между этими странами происходил постоянный обмен в области языка, в связи с чем особый интерес представляет история двусторонних лингвокультурных связей.

Заимствование из Китая иероглифической письменности примерно в VI веке н. э. с последующей адаптацией и созданием на ее основе собственной системы письма стало эпохальным событием в развитии японской культуры. На данный момент Япония является единственной страной, которая осталась в ареале синографической культуры (кит. 汉字文化圈, яп. 漢字文化圏), что во многом определяет уникальный характер двусторонних связей в области культуры и языка.

В последние два десятилетия XX в. и в XXI в. в Китае и Японии наблюдается значительный рост научных работ, изучающих различные аспекты лексики японского происхождения в китайском языке. Можно выделить две наиболее значительные «волны» лексических заимствований из японского языка в китайский – нового и новейшего времени, или на рубеже XIX–XX вв. и XX–XXI вв.

В данной статье рассматриваются современные лексические заимствования из японского языка в китайский в период с 80-х гг. XX в. после начала

политики реформ и открытости до наших дней. Предмет исследования составляют характер и объем лексики японского происхождения в сопоставлении с предыдущей «волной» японских заимствований; выявляются факторы, способствующие притоку японских заимствований в китайский язык; показывается взаимосвязь с социально-историческим, экономическим и культурным контекстом развития двух стран.

После того, как в конце семидесятых годов XX века Китай взял курс на политику реформ и открытости, стали развиваться связи со многими зарубежными странами. Изменения затронули все сферы китайского общества, что не могло не отразиться на языке. В китайский язык стали проникать многочисленные новые слова, в том числе и из японского языка.

В своей статье, опубликованной в 2021 году в научном журнале «Японские исследования» («日本学刊»), китайский лингвист Ван Ган (王崗), рассматривая японские заимствования в современном китайском языке, даёт конкретную статистику и сравнивает в историческом контексте ситуацию двух основных периодов: нового и новейшего времени. Именно в таком аспекте китайского языка, как заимствованная лексика (в данном случае из японского языка), отразились, по его мнению, все кардинальные изменения китайского общества.

В частности, Ван Ган приводит количественные данные по лексике, заимствованной в новое время из японского языка, по областям, со ссылкой на диссертационное исследование Гу Цзянпин 2007 г.

Сфера применения	Повседневно-бытовая	Общественно-политическая	Естественно-научная	
Количество	552	873	338	1763
Примеры	保障、乘客	主观、行政	比率、气压	-

Данные по заимствованиям из японского языка после начала политики реформ и открытости он обобщает в следующей таблице:

Сфера применения	Повседневно-бытовая	Общественно-политическая	Естественно-научная	
Количество	310	47	19	376
Примеры	美白、腐女	物流、内需	点滴、中水	-

Сравнительный анализ лексики, данной в вышеуказанных таблицах, свидетельствует о том, что за почти 100 лет в ситуации с японскими заимствованиями произошли не только количественные, но и качественные изменения. Во-первых, число заимствований значительно снизилось (376 против 1763 единиц); во-вторых, изменился и сам характер лексики. Если в первый период заимствовались слова преимущественно из общественно-политической и естественно-научной сферы, то в последующем здесь стала преобладать лексика из сферы общественной и повседневной жизни людей [9, с. 49–50].

Несомненно, подобная трансформация обусловлена социальными и историческими факторами. В период со второй половины XIX в. по первые десятилетия XX в. Китай стремился как можно быстрее усвоить достижения западной цивилизации в области науки, техники и других областях. Пример Японии, сделавшей это раньше, чем Китай, стал огромным стимулом и толчком для Китая, в связи с чем в китайском обществе крепло убеждение в том, что страна должна учиться всему у Японии. Между двумя странами стали быстро развиваться связи, китайские студенты стали отправляться в Японию на обучение, результатом которого стало появление огромного массива переводов общественно-политической и научно-технической литературы. Это способствовало проникновению большого количества новой лексики из японского языка в китайский.

Что же касается современного периода, который берет начало в восьмидесятых годах XX века, то отставание Китая на тот момент уже не было столь критическим, так как к тому времени в китайском обществе выросло национальное самосознание, были наложены связи с другими странами. Следовательно, уже не было необходимости всецело ориентироваться на Японию, как это было в предыдущий период. Кроме того, в этот период росла популярность английского языка. Все это привело к сокращению числа заимствований из японского языка.

Говоря об особенностях японских заимствований на рубеже XIX–XX вв., Ван Ган замечает, что «в китайском обществе того времени был огромный запрос на знания в общественно-политической и научно-технической области для того, чтобы проводить реформы и построить “богатую страну и сильную армию”» [9, с. 52]. Что касается периода конца XX века, то поскольку Китай к этому времени достиг определенных успехов в общественном и научно-техническом развитии, то интерес китайского общества к Японии сместился в бытовую сферу, что и нашло отражение в заимствованной лексике.

Примечателен также тот факт, что в предыдущий период основным проводником заимствований было чиновничество и интеллигентская элита китайского общества, а в новейшее время ими стали обычные граждане. Период после начала политики реформ и открытости пришелся на развитие Интернета в Китае, в связи с чем в стране огромную популярность завоевали японские анимэ и манга, чьими поклонниками стали в основном молодые люди. Все это также не могло не сказаться и на составе заимствований.

Можно констатировать, что японские заимствования в новое время несли определенную историческую миссию и за ними стоял огромный запрос китайского общества для дальнейшего развития, в то время как заимствования новейшего периода относятся большей частью к гламуру, поп-культуре и являются более «лёгкими» в этом смысле. Так, Люй Вэйцин, Ло Ваньтин отмечают два фактора, обусловившие заимствования из японского языка в современный китайский язык: социальный (влияние японской поп-культуры, прежде всего в виде анимэ и манга) и психологический (с некоторыми заимствованиями, в частности со словом 捆 ‘любитель’, стало ассоциироваться все модное, изящное, с налётом гламура и элитарности) [6, с. 7–8].

Так, Чэнь Хайцзин приводит интересный в этом плане пример со словом 败犬 (букв. ‘проигравшая собака’), которое имеет значение ‘участник борьбы или игры, от которого изначально не ожидают победы’ и им называют женщин возрастом 30 лет и старше, не вышедших замуж. Это японское заимствование появилось и стало популярным благодаря тайваньской мыльной опере «Незамужняя королева» («败犬女王»). Китайцы стали использовать данное слово, имеющее изначально негативную коннотацию, не сколько в первоначальном значении, а для того, чтобы показать, что они находятся «в тренде» и не отстают от современных тенденций и моды. Это заимствованное слово в китайском языке стало более распространено как обозначение красивой, образованной и независимой женщины. Поэтому, когда китайскую женщину называют 败犬, это не означает, что она недостаточно хороша, чтобы выйти замуж, а скорее настолько потрясающая, что ей трудно найти равного мужчину для брака. И, напротив, если люди используют исконно китайское слово 嫁不出去 ‘не может выйти замуж’, которое имеет то же значение, что и 败犬, для описания женщин в той же ситуации, то это создает образ женщины, которая не настолько хороша, чтобы быть желанной для мужчины [2, с. 63].

Между тем, Лю Сяоцзюнь выделяет больше факторов, влияющих на процесс появления и распространения японских заимствований в современный период. Она отмечает, что, во-первых, с ростом глобализации и диверсификации СМИ в современном обществе в Китай постоянно поступает большой объем информации со всего мира, включая Японию, и вследствие этого появляются различные лексические заимствования. В этих условиях появились и многие японские заимствования. Например, Го Фулян исследует японские заимствования в китайском языке на материале японоязычной онлайн-версии «Жэньминь жибао». Рассматриваемые в статье Го Фуляна слова 助成金 ‘субсидия’, 商店街 ‘торговая улица’, 面接 ‘собеседование’, 民宿 ‘гостевой дом, гестхаус’ и многие другие касаются жизни общества и разных сфер повседневной жизни людей [3, с. 36–39]. Кроме того, глобализация привносит много новых иностранных элементов в социальную и повседневную жизнь людей, что также способствовало образованию японских заимствований. Например, слово 料理 ‘кулинария; еда; кухня’ стало широко использоваться, когда в Китае получила повсеместную популярность японская кухня, и позже в этом значении было зафиксировано в «Словаре современного китайского языка» [5, с. 6–7].

Второе – влияние японской культуры. Каналами распространения японской культуры в Китае являются фильмы, телесериалы, литература, мультфильмы, комиксы, различные модные журналы и мобильность на рынке труда между двумя странами. После начала политики реформ и открытости в Китае постоянно переводились произведения японской литературы. Особенно начиная с XXI века, стали переводиться на китайский язык и издаваться в Китае большими тиражами произведения-бестселлеры современных японских писателей. При этом переводчики намеренно или непреднамеренно

включали японские слова в китайские переводные тексты. Например, в китайском переводе повести «Пингвины дождливым днем» японского писателя Катаяма Кё:ити употребляется слово 市营住宅 ‘муниципальное жилье’:

在市营住宅小区的入口处等待时，桥本乘坐的班车准时开来。 Когда Хасимото ждал у входа в муниципальный жилой комплекс, точно по времени подъехал его рейсовый автобус [7, с. 7].

В этом предложении фигурирует слово 市营住宅 ‘муниципальное жилье’ (яп. 市営住宅), которое означает ‘жилье, находящееся в ведении муниципалитета, арендная плата за которое ниже рыночной’. Несмотря на то, что в китайском языке есть близкое по значению слово 廉租房 ‘жильё с низкой стоимостью аренды, которое субсидируется правительством’, переводчик использует японский вариант.

Следующий пример – из повести «Чудеса осеннего леса» известной японской писательницы Хаяси Марико:

听说店主在开店之初想找一个与巴黎小街相似的地方……。 Слышал, что, когда хозяин магазина собирался открывать его, хотел найти место, похожее на улочки Парижа… [4, с. 220].

Слово 店主 ‘хозяин, владелец магазина’ похоже на исконно китайское слово, но на самом деле это заимствованное японское слово 店主. На китайском языке в этом значении следовало бы написать 店东 или 老板. Данная практика в переводе японской литературы, несомненно, также стала одной из причин появления и распространения новых японских заимствований.

Японские комиксы, вероятно, сыграли большую роль в создании и популяризации японских заимствований. Само слово «манга» является заимствованным из японского языка. Поскольку в комиксах в основном используется лаконичный язык, а также из-за ограничений в оформлении, в переводах комиксов появляется много японских заимствований, и большинство из них являются прямыми заимствованиями. Их можно увидеть непосредственно в самих названиях китайских версий японских комиксов: «干物妹小埋» («Домоседка Сяомай»), «假面教师 BLACK» («Учитель в маске Блэк»), «美男和小希» («Красавчик и Сяоси») и т. д. Довольно часто прямые японские заимствования встречаются и в текстах комиксов, например: “只要解决了他，忍刀七人众就都被封印了” «Пока он побеждён, Семь мечников-ниндзя будут запечатаны» (Кисимото Масаси, пер. Лян Сяоянь «Наруто», том 60, Издательство «Ляньхуанхуа чубаньшэ», 2012. С. 11); “亚当与莉莉丝禁断的融合” « запретное слияние Адама и Лилит» (Садамото Ёсиюки, пер. Сяофань «Евангелион» 13, Издательство «Хунань мэйшу чубаньшэ», 2012, С. 84) и т. д. [5, с. 8].

Кроме того, еще одним фактором, который сделал китайские переводы японских комиксов важным средством создания и распространения японских заимствований, является то, что читательская аудитория манги не только большая по численности, но и в подавляющем большинстве представлена молодежью, которая очень восприимчива и представляет наиболее активную группу среди пользователей Интернета.

Третье – это Интернет. Интернет стал для людей основной информационной и коммуникационной платформой. В отличие от традиционных СМИ, на интернет-платформе любой пользователь может передавать информацию и выражать свое мнение, при этом не существует строгих требований к формулировкам и структуре предложений. Таким образом, Интернет стал, в некотором смысле, «производственной машиной» для новых заимствований. Что касается японских заимствований в манге, то на первый взгляд кажется, что это просто популярные слова, которые используются в ограниченном кругу фанатов этого жанра. Однако, как уже отмечалось выше, читатели комиксов представляют собой довольно многочисленную аудиторию среди пользователей Интернета, благодаря которой эти слова распространяются среди сотен миллионов людей по всему миру.

В-четвертых, и в китайском, и японском языках используются иероглифы, что облегчает китайцам усвоение японских заимствований. Слова японского происхождения, особенно прямые графические заимствования, легко интегрируются в систему китайского языка, и потому постоянно появляются и принимаются, и в итоге включаются в «Словарь современного китайского языка» в качестве нормативной лексики [5, с. 8–9].

Также нельзя игнорировать существование ещё одного важного канала, как Гонконг и традиционно имевший тесные связи с ним Тайвань. Когда японская массовая культура обрела популярность в Восточной Азии, Тайвань многое перенял из нее, после чего это влияние перешло на Гонконг, а уже после – на материковый Китай. Такой же сложный путь прошли и японские языковые заимствования. Это была другая лексика, нежели та, которую китайцы напрямую заимствовали из переводов японской художественной литературы или при изучении японского языка. Особенно большую роль в этом сыграли тайваньские телевизионные развлекательные программы и мыльные оперы, которые были очень популярны в материковом Китае.

Однако, необходимо заметить, что при всей популярности в узусе повседневного общения современные заимствования не всегда закрепляются в языке и фиксируются в словарях. Многие из них уходят из языка, когда заканчивается мода на связанный с ними тренд.

Можно констатировать, что в силу общественно-исторических причин японские заимствования в современном китайском языке на рубеже XX–XXI вв. значительно сократились по сравнению с новым временем. Изменился их состав и, благодаря Интернету, они в большей степени, нежели раньше, связаны с влиянием японской поп-культуры и излучаемыми ею модными социальными трендами. Употребление этих слов, прежде всего, приходится на молодёжную аудиторию, которая является самым значимым распространителем и пользователем подобных трендов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каткова, З. Д. Китай - Япония. Любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов взаимовосприятия (VII в. н. э. — 30–40-е годы XX в.) / З. Д. Каткова, Ю. В. Чудодеев. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. – 376 с.
2. Chen, Haijing. A Study of Japanese Loanwords in Chinese. University of Oslo: Master's Thesis, 2014. 125 p. = Чэнь, Хайцзин. О японских заимствованиях в китайском языке / Хайцзин Чэнь. – Университет Осло: магистерская диссертация, 2014. – 125 с.
3. 郭伏良. 从人民网日本版看当代汉语中的日语借词 / 伏良郭 // 《汉语学习》, 2002 年. – 第 5 期. – 第 36-39 页. = Го, Фулян. Японские заимствования в современном китайском языке на материале японоязычной онлайн-версии «Жэньминь жибао» / Фулян Го // «Изучение китайского языка», 2002. – Вып. 5. – С. 36–39.
4. 林真理子著 魏丽华译《秋日森林》. – 青岛出版社, 2010 年. – 第 220 页. = Хаяси Марико, пер. Вэй Лихуа «Чудеса осеннего леса». – Издательство Циндао, 2010. – С. 220.
5. 刘, 小俊. 浅析当前汉语词汇中的日语借词 / 小俊刘 // Kyoto Women's University Academic Information Repository. – 第 62 号. – 2014 年 1 月 31 日. – p. 5–9. = Лю, Сяоцзюнь. Краткий анализ японских заимствований в лексике современного китайского языка [Электронный ресурс] / Сяоцзюнь Лю // Репозиторий академической информации Киотского женского университета. – Вып. 62. – 31.01.2014. – с. 5–9. Режим доступа: <http://repo.kyoto-wu.ac.jp/dspace/handle/11173/1502>. – Дата доступа: 10.01.2025.
6. 呂, 衛清. 現代中国語にみられる日本語由来の外来語 –“控 kong ”の基本語化に関する一考察 – / 衛清呂, 婉婷駱 // 広島大学国語国文学会. – 2015-09-30. – 1–12 頁. = Люй Вэйцин. К вопросу о фиксации в языковой норме современного китайского языка японского заимствования 控 kong / Вэйцин Люй, Ваньтин Ло [Электронный ресурс] // Репозиторий академической информации университета Хиросимы. – 30.09.2015. – С. 1–12. – Режим доступа: <https://ir.lib.hiroshima-u.ac.jp/00039214>. – Дата доступа: 09.01.2025.
7. 片山恭一著 林少华译《雨天的海豚们》. – 青岛出版社, 2006 年. – 第 73 页. = Катаяма Кё:ити, пер. Линь Шаохуа «Пингвины дождливым днем». – Издательство Циндао, 2006. – с. 73.
8. 万, 红. 当代汉语的社会语言学观照 : 外来词进入汉语的第三次高潮和港台词语的北上 [M] / 红王. – 天津 : 南开大学出版社, 2007. – 272 页. = Вань Хун. Современный китайский язык с позиций социолингвистики: «третья волна» иностранных заимствований в китайском языке и «продвижение на север» слов из Гонконга и Тайваня [монография] / Хун Ван. – Тяньцзинь: издательство Нанькайского университета, 2007. – 272 с.
9. 王, 崗. 「改革開放」後の中国語に入った日系外来語の研究 The Research of the Japanese Loan-words in Chinese Since Reform and Opening-up of China / 崗王 // 日本学刊. – 第 24 号. – 2021 年. – 38-53 頁. = Ван Ган. Исследования японской лексики, заимствованной в китайский язык после начала политики реформ и открытости / Ган Ван // Японские исследования. – № 24. – 2021. – С. 38–53.
10. 新华外来词词典 / 史有为主编 ; 商务印书馆辞书研究中心编. – 北京 : 商务印书馆, 2019. 1603 页. = Словарь иностранных слов Синьхуа / гл. ред. Ши Ювэй; Центр лексикографических исследований при издательстве Шаньъу иньшугуань. – Пекин: Шаньъу иньшугуань, 2019. – 1603 с.

Информация об авторе (-ах):

Хайдапова Марина Бато-Очировна – доцент, кандидат филологических наук, доцент Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российская Федерация.

Жанцанова Марина Георгиевна – доцент, кандидат культурологии, доцент Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Российской Федерации.

**КИТАЙСКАЯ
КУЛЬТУРА:
НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ТРАДИЦИИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ФОРМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена межкультурным коммуникациям

Китая в сфере музыкальной культуры. Показано, что на всех этапах исторического развития музыкальная культура Китая была включена в интенсивный диалог с внешними культурами. Абсорбция внешних фактов не элиминировала древние традиции Китая, а способствовала выработке уникальности стилистических черт китайской музыки, обретшей популярность в мировом музыкальном альянсе.

Ключевые слова: культура-донор, культура-реципиент, музыкальная культура Китая, межкультурная коммуникация, диалог культур.

O V. BASALYGA

FORMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ON THE EXAMPLE OF THE CHINESE MUSIC ART

The article is devoted to China's intercultural communications in the sphere of musical culture. It is shown that at all stages of historical development, Chinese musical culture was included in an intensive dialogue with external cultures. The absorption of external facts did not eliminate the ancient traditions of China, but contributed to the development of the uniqueness of the stylistic features of Chinese music, which gained popularity in the world musical alliance.

Keywords: donor culture, recipient culture, Chinese musical culture, intercultural communication, dialogue of cultures.

Важным фактором в развитии мирового культурного облика является межкультурная коммуникация. В современной действительности межкультурный взаимообмен определяет условия развития социально-культурной среды, в которой основополагающее место занимает музыкальное искусство.

Коммуникативность музыкального искусства обуславливается спецификой трансляции смыслового значения музыкального произведения. Несмотря на то, что в мировой музыкальной практике существуют свои особенности музыкально-символической выразительности, все же, эти особенности могут быть воссозданы посредством общепринятых в мировом музыкальном ареале знаков (ладового строя, нот, ритма и т.д.). Именно такая интернациональность музыкального искусства детерминирует константность каналов курсирования музыкальных образцов. Взаимодействие межрегиональных моделей музыкального искусства (как на макро-, так и микроуровнях) приводит к динамическим преобразованиям, в результате чего возникают новые формы музыкальной жизни, способствующие взаимообогащению культур и передаче опыта и знаний.

В контексте межкультурной коммуникации особую роль играет музыкальное искусство Китая, чья история насчитывает несколько тысячелетий. Находясь на перекрестке традиций Востока и Запада (коммуникативный макроуровень), а также воврав элементы музыки этногрупп, заселявших тер-

риторию Китайской Империи (коммуникативный микроуровень), китайская музыка сформировала оригинальный музыкальный стиль, столь привлекательный для мирового музыкального сообщества.

Цель статьи – выявить основные формы межкультурной коммуникации в китайской музыкальной культуре с древнейших времен до современности.

Музыкальное искусство Китая – уникальное явление в мировой художественной культуре. В чем же особенность китайской музыки, интенсивно захватывавшей авторитет в мировой музыкальной практике?

Прежде, чем ответить на этот вопрос, приведем высказывание Ю. Лотмана, утверждающего, что культурное взаимодействие активизируется по двум причинам: «необходимо, потому что понятно, знакомо, вписывается в знакомые представления и ценности: необходимо, потому что непонятно, незнакомо, не вписывается в знакомые представления и ценности» [1, с. 611]. Музыкальная культура Китая соответствует обоим утверждениям. В ней постоянно культивировалось два начала: консерватизм, верность традиционным взглядам, сохранение преемственности, и творчество, созидающее новые идеи.

Генезис китайской музыки был неразрывно связан с сакральными ритуалами и государственными событиями, что выразилось в четком структурировании интонационной системы, где любое нарушение считалось недопустимым. Музыкальное искусство Китая избрало стратегию сепарации, отказавшись от трафаретов внешних музыкальных культур. На протяжении многих столетий музыка Китая носила консервативный характер, ограничив попытки проникновения внешних мотивов [4, с. 18].

Одним из аутентичных признаков китайской музыкальной интонации явилась пятитоновая ладовая система (пентатоника), в чьей основе заложен стиль пятицветия древней ханьской нации. Каждый из звуков пентатоники имел символическое значение: *гун* – императорский звук, *шан* – министерский, *цюэ* – народный, звуки *чжи* и *юй* соответствовали делам и материальным ресурсам [4, с. 18].

Культурная сепарация презервировала музыкальные инструменты, ставшие неотъемлемым атрибутом художественных методов китайского народа. При этом, роль каждого из инструментов была строго регламентирована. Звучание некоторых из них претворяло философско-семантическое содержание. Глубокая эмоциональность и утонченность звучания инструмента *гуцинь* сочеталась с поэтикой и философией Древнего Китая. Мягкий и спокойный тембр вертикальной бамбуковой флейты *сяо* использовался в даосской практике и медитативных размышлениях [4, с. 24].

Филигранность и театральность воплотилась в двухструнной китайской скрипке *эрху* и бамбуковой поперечной флейте *дицзы*. Экспрессивная исполнительская манера *эрху* применялась для имитации человеческого голоса в песенных и оперных мелодиях. Томные мотивы возникали в ярких и проникновенных пассажах *дицзы* [4, с. 24].

Воссоздание в музыкальных произведениях картин боевых действий, ключевых исторических событий или природных явлений осуществлялось посредством звуковых эффектов четырехструнной лютни *pipa*. В оформление народных праздников и придворных церемоний, помимо пипа, внедрялись гармонические последовательности ротового органа *шэн*, а также многочисленных ударных инструментов [4, с. 24].

Благоприятные торгово-экономические условия регламентировали высокий международный статус средневекового Китая, поэтому закономерно, что для стран – партнеров китайские культурные образцы оказались эталонными. Китайская музыка по вскрытым художественным каналам трансплантировалась в почву регионов-реципиентов (Японии, Кореи), став неотъемлемой частью их музыкального опыта. В то же время, в эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) упоминалось о действовавшем придворно состоявшем в разные годы от 300 до 1500 исполнителей оркестре, где не только присутствовали инструменты Индии, Кореи, но и исполнялись иностранные сочинения (*Шипучи*) [4, с. 26]. В данном контексте показательна диалогичная форма, установившаяся между странами Азии. Вследствие взаимодействия каналов Китай-Корея и Китай-Япония китайские музыкальные примеры полностью растворились в корейской и японской музыке, тогда как для китайской музыкальной культуры внешние типы музенирования остались чужими [4, с. 26].

В XVI в. разворачивались пути проникновения европейской музыкальной школы при участии католических миссий, познакомивших китайские территории с западной сакральной музыкой, преимущественно органной и хоровой [3, с. 166]. Миссионеры распространяли в Китае клавишные инструменты, в частности, клавикорд, подаренный в XVII в. императору Ванъли итальянцем Маттео Риччи. Для этого же инструмента итальянский музыкант сочинил «Песни для клавикорда» на духовно-философские китайские тексты. Популяризации клавишных инструментов при императорском дворе способствовала деятельность испанца Диего де Пантойя, обучавшего исполнительскому мастерству на клавикорде не только членов императорской семьи, но и евнухов [3, с. 166].

Основополагающую роль в сближении систем Европы и Китая сыграло творчество композитора Томаса Перейры, связавшего в своих произведениях две музыкальные традиции. С 1717 г. при императорском дворце работала целая плеяда музыкантов-профессионалов, а в 1778 г. состоялась премьера оперы «Добрая дочка» итальянского композитора Н. Пиччини, что свидетельствовало о высоком уровне подготовки как местных, так и иностранных артистов [3, с. 167]. Несмотря на аккультурацию западных и азиатских музыкальных традиций, все же, данная тенденция локализировалась в аристократической среде, не затронув иные субкультурные страты Китая.

Существенным импульсом активизации диалога с Западом послужили «опиумные войны» (1840 – 1842 гг. и 1856 – 1860 гг.), стимулировавшие как торгово-экономические, так и культурные отношения. А. Новоселова отме-

тила: «Элементы европейской музыкальной культуры начали проникать в Китай после 1840 года, т.е. во время Первой опиумной войны между британцами и цинскими войсками. Эти элементы были посеяны на почву собственно китайской музыки, имеющей свою многовековую историю, и в силу целого ряда объективных факторов породили уже новый слой культуры. С одной стороны, именно эта музыка на какое-то время стала знаком социального престижа, с другой – для китайского слуха она обладала притягательной экзотичностью звучания» [цит. по 3, с. 167].

Алгоритм преемственности китайской музыкальной культуры на стыке XIX – XX вв. функционировал в двух направлениях: одно из них оберегало достижения прошлого, второе – пыталось *адаптировать* накопленный опыт в аспекте новых техник, предлагавшихся европейскими музыкальными школами. Стратегия адаптации предполагала поглощение китайской культурой миграционных информационных потоков Запада. Культурным переводом явились католические и протестантские песнопения, синтезировавшиеся с народным китайским мелосом, а также песни юэгэ, сочетавшие европейские, японские, американские мотивы с китайскими текстами, где тоновый строй сменился размеренностью «новой поэзии» [3, с. 168]. Европейское влияние отобразилось в творчестве Шэнь Синьгуна, Ли Шутуна, Цзэн Чживэня, Фэн Ясионга, обучавшихся в Японии и Европе [3, с. 168].

После образования Китайской Республики (1911 г.) в поисках парадигмы нового искусства местные авторы обратились к европейским клише. В открывавшихся по всему Китаю консерваториях и музыкальных школах преподавалась история западной музыки [2, с. 21].

Реформацию музыкальной жизни Китая начала ХХ в. интенсифицировали и представители русской диаспоры, представившие китайским художникам передовые концепции как русской, так и западноевропейской музыки. Более того, в Харбине в 1927 г. русскими музыкантами был открыт первый оперный театр [2, с. 21].

Овладение европейскими исполнительскими и композиторскими практиками реализовывалось посредством прямых контактов во время пребывания китайских студентов в университетах Европы и США (Чжао Юаньжень, Сяо Юмей, Лан Юйсю, Чжоу Сяоянь) [3, с. 169].

Европейским музыкальным смыслам противопоставлялась многовековая китайская музыкальная культура, требовавшая разработки унифицированного языка для дешифровки «чужого культурного поведения в системе привычных кодов» [1, с. 611]. Принципы культурной декодировки выработались в творчестве Шэнь Сингун, Ли Шутуна, Цзен Чжимина, Гу Цзяньфэнь, в чьих песнях, написанных в новаторских для национальной музыки техниках, звучали знакомые слова медитативной древнекитайской поэзии, что значительно облегчало восприятие музыкально-иллюстративных концепций нового искусства. Сочинения китайских авторов вписывались в общизвестные представления и ценности [2, с. 21].

Относительная кульминационная точка развития китайского музыкального искусства определилась художественными изысканиями Тань Сяолиня и его последователей: Чжу Цзянъэра и Луо Чжунчжуна, активно внедрявших западноевропейские композиторские приемы, хотя Культурная революция 1966 – 1976 гг. значительно ослабила вестернизацию китайского музыкального искусства [2, с. 22].

Восстановление межкультурных контактов в конце 1970-х – начале 1980-х гг. интенсифицировало интерес китайских авторов к музыкальным событиям Запада. Однако, приоритетным предметом их творческих экспериментов оставалась старинная народная музыка и разнообразие ее форм. Пэн Чен отмечает: “В своих работах они (китайские композиторы – прим. О. Б.) сознательно обходят те черты китайского творчества, в которых проявлялось чрезмерное влияние западной музыки, чтобы сформировать новый китайский стиль” [2, с. 23]. В произведениях Чжу Цзянъэра, Тань Дуня, Чэн Цигана, Сюй Шу-я заимствованные западные технологии служат выразительным средством обогащения образного строя сочинений, не затрагивая глубинных философских идей китайской музыки [2, с. 23].

Значительные преобразования коснулись китайской музыкальной культуры XXI в. Эта культура, на протяжении многих лет находившаяся в состоянии инертного поглощения как внутренних (субкультурных), так и внешних информационных потоков, пришла в состояние возбуждения и начала творить собственные образцы высокого достоинства, трансформировавшись из культуры-приемника в культуру-донора. Китайские инструменталисты и вокалисты выступают на академических сценах Европы, Америки и Азии (Ланг Ланг, Ли Юньди, Ван Юцзя, Лю Фан и др.), произведения китайских композиторов Китая (Лю Вэньцзинь, Гао Вэйцзе, Сюй Пэйдун, Тянь Хань) играют важную роль в системе мировой музыкальной культуры [2, с. 23].

Таким образом, музыкальная культура Китая на протяжении тысячелетий участвовала в глобальных коммуникативных процессах. Контакты с внешними культурами были разнообразными по своему содержанию, формам проявления, динамике и художественным результатам: от спорадичности до многообразного воплощения в национальной музыке, от сепарации до интенсивного подключения к западноевропейским музыкально-информационным течениям. Пролиферация отношений китайского музыкального искусства с внешними паттернами стимулировала становление современной композиторской школы этой страны. Абсорбция внешних фактов не эlimинировала древние традиции Китая, а способствовала выработке уникальности стилистических черт китайской музыки, обретшей популярность в мировом музыкальном альянсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман, Ю. М. Семиосфера : авторский сборник / Ю. М. Лотман ; сост. Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2010. – 704 с.

2. Пэн, Чэн. Китайские композиторы XX века (обзор) [Электронный ресурс] / Чэн Пэн // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. – 2012. – №4 (25). – С. 19 – 23. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskie-kompozitory-xx-veka-obzor>. – Дата доступа : 14.11.2024.
3. Чэнъ, Чэнъцзы. Эволюция музыкального искусства Китая : О развитии диалога музыки Востока и Запада / Чэнъцзы Чэнъ // Вестник музыкальной науки. – 2023. – Т. 11. – №1. – С. 164 – 175.
4. Jones, S. Folk Music of China: Living Instrumental Traditions / S. Jones. – New York : Oxford University Press, 1998. – 428 p.

Информация об авторе

Басалыга Ольга Викторовна – доцент кафедры истории и теории искусств УО «Белорусская государственная академия искусств», кандидат искусствоведения.

Ю. В. ГОРШУНОВ

КИТАЙСКИЕ КУЛЬТУРЕМЫ КАК МАРКЕРЫ КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ

В статье в социально-культурном аспекте рассмотрены китайские культуремы, представленные в книге американского культуролога Э. Хирша «Культурная грамотность: что нужно знать каждому американцу», которые, по мнению составителя, хорошо известны образованным американцам и должны входить в их «культурную грамотность». С нашей стороны предложены некоторые китайские культуремы, кандидаты во вхождение в сферу культурной грамотности.

Ключевые слова: культурную грамотность, реалии-культуремы, идеологемы, прецедентные имена, онимы, топонимы.

YU. V. GORSHUNOV

CHINESE CULTUREMEMS AS MARKERS OF CULTURAL LITERACY

The article examines Chinese cultural concepts from the socio-cultural aspect, presented in the book by the American cultural scientist E. Hirsch “Cultural Literacy: What Every American Needs to Know”, which, according to the author, are well known to educated Americans and should be included in their “cultural literacy”. On our part, we have proposed some Chinese cultural concepts that are candidates for inclusion in the sphere of cultural literacy.

Keywords: cultural literacy, realia-cultural concepts, ideologemes, precedent names, onyms, toponyms

В приложении к своей книге культурологической направленности “Cultural Literacy: What Every American Needs to Know” известный американский исследователь-культуролог Эрик Хирш и его коллеги приводят обширный список культурем, которые отражают ценности и артефакты мировой культуры [4]. Предметом нашего интереса в этом списке явились китайские культуремы. Автор продолжает разрабатывать тему, затронутую в одной из ранних работ [1]. В данной статье ставится цель рассмотреть китайские культуремы, представленные в книге, в лингвистическом и социально-культурном аспектах и, со своей стороны, предложить некоторые китайские культуремы, которые мы рассматриваем в качестве кандидатов во вхождение в сферу культурной грамотности.

По мнению составителей списка, включенные в перечень ценности и артефакты, хорошо известны образованным американцам. К ним относятся культуремы, называющие прецедентные имена китайских лидеров современности (XX в.), видных философов прошлого, некоторые значимые исторические события и социальные группы, имеющие к ним отношение, топонимы и объекты, имеющие всемирную культурную значимость, религиозные и философские понятия и др.

Обратимся вначале к характеристике топонимов как самой репрезентативной группе культурем. Они называют города: столицу страны и центры ее территории и районов, гидографические объекты и др.:

- **China** – Китай;
- **People's Republic of China (PRC)** – Китайская Народная Республика/КНР;
- **Beijing (Peking)** – Пекин, столица Китая;
- **Hong Kong** – Гонконг, особый административный район на юго-восточном побережье Китая с 1997 (английское название территории Сянган на юго-востоке Китая);
- **Taipei** – Тайбэй, столица Тайваня;
- **Taiwan** – Тайвань, территория на юго-востоке Китая, на о. Тайвань и прилегающих к нему островах, политический статус которой не определён;
- **Tibet** – Тибет, автономный район Китая, расположенный на Тибетском нагорье;
- **Yangtse River** – Янцзы(-цзян), самая длинная и многоводная река в Китае и Евразии, играющая важную роль в экономике Китая, поскольку бассейн Янцзы обеспечивает около половины всей рыбы, потребляемой в Китае, и две трети риса;
- **Great Wall of China** – Великая Китайская стена, разделительная стена длиной почти 9000 км, протянувшаяся по 15 провинциям, районам и муниципалитетам Китая, построенная в древнем Китае для защиты государства от кочевого народа хунну и являющаяся крупнейшим памятником архитектуры;
- **Canton** – Кантон, европейское название китайского города Гуанчжоу (**Guangzhou**).

Репрезентативны политические идеологически окрашенные термины (идеологемы):

- **Red China** – коммунистический Китай;
- **Great Proletarian Cultural Revolution**, «Великая пролетарская культурная революция» — так называли серию идеино-политических кампаний в Китае 1966 - 1976 годов. Кампании были развернуты лично Председателем Мао Цзэдуном, либо проводились от его имени. В период культурной революции под предлогами противодействия возможной «реставрации капитализма» и «борьбы с внутренним и внешним ревизионизмом» выполнялись цели по дискредитации и уничтожению политической оппозиции. Для «революции» были характерны насилистические действия полувоенных красногвардейцев, состоявших в основной из студентов [2, с. 504].

• **Red Guards** – «красногвардейцы» или «красные охранники» – отряды молодежи, сформированные в 1966 - 1968 годах для расправы с политическими, общественными и культурными деятелями;

• **Gang of Four** – «Банда четырех», группа из четырех соратников, включая жену Мао Цзэдуна, вовлеченных в реализацию Культурной революции;

• **the Long March** – «Великий поход» (или «Северо-западный поход») — историческое продвижение шестидесятитысячной армии китайских коммунистов из южного Китая через труднодоступные горные районы на север в 1934 - 1936 годах протяженностью 10 000 км под давлением националистических гоминьдановских войск [2, с. 156]. В результате, коммунистическую

революционную базу, которая была почти уничтожена Гоминьданом (**Кuomintang**), удалось переместить с юго-востока на северо-запад Китая, а Мао Цзэдун стал безусловным лидером компартии. «Великий поход» – продвижение с боями через всю территорию огромной страны, в тылу у превосходящего противника, форсируя реки, преодолевая горные перевалы, маршируя через болотные топи, вошел в историю Китая красной нитью.

Включение в список китайских культурей прецедентных имен собственных отсылает нас к личностям, значимым для истории Китая в исторических, политических, религиозных, философских и иных контекстах, например,

- имя древнего мыслителя и философа Конфуция (кит. Кун-Цзы, реже *кит.* Кун Фу-Цзы) латинизировано как **Confucius**. Его учение оказало глубокое влияние на цивилизацию Китая и Восточной Азии, став основой философской системы, известной как конфуцианство. Конфуций учил, что не только в семье, но и во всем государстве должен соблюдаться порядок в отношениях между старшими и младшими, основными постулатами философии которого была вера в способность обычного человека стать лучше, умнее и прекраснее;

- имя древнекитайского философа VI-V веков до н. э **Lao-tse** (**Lao-Tzu**, **Laozi**) – Лао-цзы, считающегося современником Конфуция, и которому приписывается авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин» (**Tao Te Ching**), единственного важнейшего текста в китайской духовности. Идея о равновесии была основной мыслью, объединявшей философию Лао-Цзы и Конфуция;

- имя «великого кормчего», коммунистического революционера и основателя Китайской Народной Республики Мао Цзэдуна - **Mao Tse Tung** (**Mao Zedong**) сопровождается в списке термином **Maoism** - маоизм (идейно-теоретические установки Мао Цзэдуна - основа государственной политики Китая в 1950-1960 гг.);

- имя соратника по партии Чжоу Эньляя – **Chou En-lai** (**Zhou En-lai**), политического деятеля, который был первой главой Госсовета КНР с момента образования КНР в 1949 до своей смерти в 1976;

- список также содержит имя китайского государственного деятеля и генерала, президента Китая в 1928 - 31 и 1943 - 49 годах, и Тайваня в 1950 - 75 годах Чан Кайши - **Chiang Kai-shek** (1887 - 1975). Он пытался объединить Китай военным путем в 1930-х годах, но побежденный коммунистами, был вынужден покинуть материковый Китай в 1949 году и создал отдельное националистическое китайское государство на Тайване [2, с. 1103].

- К области философии относится приводимое в списке противопоставление **Yin/Yang** *кит.* филос. инь, женское начало + ян, мужское начало. Инь – пассивный женский принцип вселенной, характеризующийся как женский и поддерживающий и связанный с землей, тьмой и холодом. Противопоставляется ян – активному мужскому принципу вселенной, характеризующемуся как мужской и творческий и связанный с небом, теплом и светом.

- Список содержит также слово **typhoon**. Считается, что оно пришло из китайского *tai fung*, означающего 'big wind' – «большой ветер». Тайфун – это ураган огромной разрушительной силы, бывающий в юго-восточной Азии и западной части Тихого океана.

Не относится к китайским культуреам, но косвенно отсылает к Китаю и китайцам выражение **Yellow peril** – «жёлтая опасность», «жёлтая угроза» (якобы исходящая от жёлтой расы), которое впервые появилось в 1900 г. для описания угрозы белокожим и миру вообще со стороны азиатских народов, в частности китайцев. «Жёлтая опасность» – расистская метафора, изображающая народы «жёлтой» монголоидной расы Восточной или Юго-Восточной Азии в качестве экзистенциальной угрозы «белой» европеоидной расе и её народам. Расистские и культурные стереотипы о «желтой опасности» зародились в конце XIX века, когда китайские рабочие (люди с другим цветом кожи, внешностью, языком и культурой) легально иммигрировали в Австралию, Канаду, США и Новую Зеландию, где их трудовая этика непреднамеренно спровоцировала расистскую реакцию против китайских общин, согласившихся работать за более низкую заработную плату, чем местное белое население. В словаре [3] **yellow peril** поясняется как: 1 [20C] a *derog.* term for any oriental person - уничижительный термин для любого восточного человека; 2 [20C] the Communist Chinese – китайский коммунист <...> [3, с. 1304].

Таким образом, в фокусе нашего внимания были китайские культуремы, отсылающие к прецедентным именам китайских лидеров современности и видных философов прошлого, некоторые значимые исторические события и социальные группы, имеющие к ним отношение, топонимы и объекты всемирной культурной значимости, религиозные и философские понятия и др. Они получили лингвистическое и социокультурное описание. С нашей стороны предлагаем рассмотреть некоторые китайские культуремы, которые можно считать кандидатами во вхождение в сферу культурной грамотности.

За время, прошедшее со дня публикации книги, в фоновых знаниях и в культурной грамотности образованных американцев и англичан несомненно появились новые китайские культуремы. Мы полагаем, что такую возможность могли получить такие понятия, как **feng shui**, **dim sum**, **Kung Pao Chicken**, **Lo Mein**, **jiaozi**, **Peking duck**, **wok**, **oolong**, **taikonaut**, **wu shu**, **yuan**, онины **the Celestial Empire**, **the Silk Road**, **Tiananmen Square**, **Harbin**, **Shanghai**, **Xi Jinpin** и мн. др., которые стали хорошо знакомы обывателю благодаря СМИ, художественной литературе и распространению китайских ресторанов.

Согласно древней китайской системе фэн-шуй, **Feng shui**, организация пространства вокруг дома и внутри него влияет на судьбу владельца. Аdeptы этой даосской практики символического освоения пространства считают, что с помощью фэншуй можно выбрать «наилучшее» место для строительства дома, расстановки мебели в нем, а также для захоронения.

Популярность китайской кухни и доступность китайских ресторанов сделали обиходным словами многие популярные виды китайской еды на вы-

нос (take-aways), позволяющие быстрым и удобным способом насладиться вкусами китайской кухни: **dim sum**, **Lo Mein**, **Jiaozi**, **Peking duck** и др. **Dim sum** - димсамы или дим-симы – кушанье, похожее на пельмени с различными начинками (обычно это небольшие кусочки мяса или овощей, завернутые в рис или легкий хлеб), которые готовятся на пару или в горячем масле. Димсамы охотно едят за ланчем [5, с. 359]. Популярное острое блюдо в сычуаньской кухне курица Кунг Пао, **Kung Pao Chicken**, известно своими смелыми и острыми вкусами; готовится из нарезанной кубиками курицы, арахиса, овощей и перца чили. **Lo Mein**, Ло майн — китайское блюдо с лапшой, обжаренной с различными овощами, мясом (обычно с говядиной, курицей, свининой) или морепродуктами (часто это креветки). Традиционным и любимым блюдом китайской кухни являются **Jiaozi**, цзяоцзы – китайские пельмени. На протяжении многих веков остается любимым блюдом китайцев утка по-пекински, **Peking duck**, которую запекаются целой тушкой до хрустящей корочки, а затем подают с тонкими блинами, зеленым луком и сладким соусом из бобов. Мясо срезают с кости и заворачивают в блин с зеленым луком и соусом. Хрустящая корочка также подается как отдельное блюдо. В эту группу мы относим название глубокой круглой китайской сковороды или котелка с выпуклым днищем – **wok**. Вок, используемый в китайской кухне для быстрого приготовления блюд в горячем масле методом обжаривания, имеется во многих семьях в Британии и США и используется не только для приготовления китайской, но и западной еды [5, с. 1535]. Удачно вписывается в систему культуре название одного из любимых сортов чая самых знатных людей всего мира **Oolong**. Чай улун завоевал особую популярность. Считается, что улун ароматом похож на зеленый чай, а вкусом — на черный.

Примерно с 1998 в англоязычной печати употребляется термин **taikonaut** – «тайконавт», которым некоторые англоязычные СМИ стали обозначать профессиональных космонавтов из Китая. Китайские космонавты – это тайконавты – «Небесные мореплаватели».

Многие люди знают о традиционной китайской оздоровительной и спортивной гимнастике **wu shu** – ушу, у-шу, а некоторые практикуют ее.

Значимое место в культурной грамотности занимает основная денежная единица Китая, в которой измеряется стоимость «народных денег» - жэньминьби (Renminbi) юа́нь, **yuan**. Юань равен 10 цзяо (**10 jiao**) или 100 фэнам (**100 fen**). Китайская валюта показывает относительную стабильность и надежность. В условиях сложившейся политической и экономической обстановки инвестиции в юань стали привлекательными. Юань, скорее всего, станет основной мировой резервной валютой.

На очереди несколько имен собственных, включая географические названия и личное имя, которые, по нашему мнению, хорошо известны образованным англо-саксонцам и входят в их культурную грамотность.

В массмедиа для обозначения Китая нередко прибегают к рекламному названию **the Celestial Empire** – Поднебесная. Это одно из множества названий, которые сами китайцы использовали с древности. Оно отражало пред-

ставления о том, что китайское государство фактически охватывает всю обитаемую Вселенную и является мировой империей, единственным культурным государством мира. Еще одна реалия, ассоциируемая с Китаем - **the Silk Road** – «Шелковый путь», а также «Великий шёлковый путь» обозначает караванную дорогу, которая в Античности и в Средние века связывала Восточную Азию со Средиземноморьем. Это была сеть маршрутов, используемых торговцами на протяжении более 1500 лет, с момента, когда династия Хань в Китае открыла торговлю в 130 г. до н. э., до 1453 г. н. э., когда Османская империя закрыла торговлю с Западом. По Шелковому пути путешествовало множество товаров, но название дано потому, что Шелковый путь использовался, в первую очередь, для вывоза шёлка из Китая в Европу, где он одевал королевские семьи и богатых покровителей.

Одна из крупнейших общественных площадей в мире **Tiananmen Square**, расположенная в центре Пекина, стала широко известна мировому сообществу в связи с жестоким подавлением протестов и гибели большой массы протестующих в 1989 году, когда в мае того года китайские студенты и рабочие собрались на площади, чтобы потребовать большей политической открытости. То, что начиналось как похороны политического лидера Ху Яобана (Hu Yaobang), превратилось в масштабный протест против китайского правительства. В результате, 20 мая руководство Китая ввело в Пекине военное положение. Протесты продолжились, и тогда в ночь с 3 на 4 июня Народно-освободительная армия штурмовала площадь танками, подавив протесты с ужасающими человеческими жертвами.

Говоря о Китае и его городах, нельзя обойти вниманием города **Harbin** (Харбин) и **Shanghai** (Шанхай). Китайский город Харбин – столица самой северной провинции Китая Хэйлунцзян, город с уникальной историей. Его основали в 1898 году рабочие и переселенцы из России как станцию на строившейся в это время Китайско-Восточной железной дороге, которая должна была обеспечивать постоянное сообщение между европейской частью России, Владивостоком и Порт-Артуром. В течение нескольких десятилетий Харбин был центром русской диаспоры в Китае, что наложило особый отпечаток на его внешний облик. У Харбина есть неофициальные названия: «восточная Москва» и «город льда» (с некоторых пор там проводится зимний фестиваль ледяных скульптур).

Шанхай – самый густонаселенный город по площади и крупнейший финансовый центр Китая. Он был одним из первых китайских портов, открытых для западной торговли, и долгое время доминировал в торговле страны.

Имя «верховного лидера» Китая с марта 2013 Си Цзиньпина (**Xi Jinping**) и его социально-политическая деятельность постоянно находятся в фокусе мировых СМИ, особенно когда речь идет о событиях в Китае и его отношениях с Россией и США, и потому оно хорошо знакомо англоговорящему сообществу. В руках Си Цзиньпина сосредоточена почти неограниченная власть: он действующий председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК и председатель Центрального военного совета, что делает его верховным главнокомандующим вооруженными силами.

Находясь постоянно в поле зрения англоговорящих читателей, телезрителей, пользователей Интернета, приведенные выше культурноносные единицы китайского языка новейшего периода, имеют высокую вероятность вхождения в социокультурный фон и так называемую культурную грамотность образованных представителей англоязычного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горшунов, Ю. В. Заемствование и освоение русских культуреем англоязычным сообществом / Ю. В. Горшунов // Вестник БирГПИ: Филология. Вып. 4. – Бирск, 2004. – С. 70–74.*
2. *Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь: – М.: «Издательство «АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2004. LIII, [1256] с.: ил., карт.*
3. *Green, J. Cassell's Dictionary of Slang / J. Green. – London: Cassel, 2003. – 1326 p.*
4. *Hirsh, E. D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know / E. D. Hirsh. – Vintage Books: Random House. – N.Y., 1988. – 251 p.*
5. *Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. 2nd impression, 1999. – 1568 p.*

Информация об авторе:

Горшунов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал), г. Бирск, Республика Башкортостан, Российская Федерация.

Ю. В. ГОРШУНОВ

**КИТАЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ-
НЕОЛОГИЗМЫ XX ВЕКА
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СЛОВАРЕЙ
НОВЫХ СЛОВ)**

В статье на примере знаковых китайских заимствований-неологизмов, появившихся в английском языке в последние десятилетия и на исходе XX века, ставится цель выявить их представленность в ряде словарей новых слов и дать им адекватное лингвистическое и социокультурное описание.

Ключевые слова: заимствование (заимствованное слово), заимствование (процесс), китайские заимствования.

YU. V. GORSHUNOV

**CHINESE 20TH CENTURY BORROWINGS-NEOLOGISMS IN
ENGLISH (BASED ON THE DICTIONARIES OF NEW WORDS)**

The article analyzes the influence of the Chinese language on English using borrowings from the Chinese language as an example. The analyzed items appeared in English in the last decades of the twentieth century. The purpose of the article is to identify their representation in a number of dictionaries of new words and to give them an adequate linguistic and socio-cultural description.

Key words: borrowing (borrowed word), borrowing (process), Chinese borrowings.

Лексико-фразеологический фонд любого языка пополняется за счет внутренних и внешних ресурсов. К внутренним ресурсам мы относим действующие продуктивные способы словообразования, создание словосочетаний и фразеологизмов, семантическое развитие. Внешние ресурсы представлены процессами заимствования, что обычно выражается в обращении к лексико-фразеологическому фонду другого языка, чтобы отразить новые идеи и понятия, дать названия новым артефактам и явлениям, дифференцировать имеющиеся синонимичные обозначения [26, с. 78].

На новой почве, в новом языке, заимствования подвергаются адаптации или ассимиляции. Степень ассимиляции и ассимилируемые аспекты могут быть различными. В категорию частично-ассимилированных заимствований попадают так называемые экзотизмы и ксенизмы – иноязычные слова или выражения, которые, называя артефакты и явления иноязычной культуры, не имеют английского эквивалента и придают высказыванию или тексту особый (местный) колорит [29]. Н. Н. Амосова назвала их «словами местного колорита» [1, с. 209].

Описывая словарный состав с точки зрения заимствований, лингвисты-исследователи обычно обращают внимание именно на экзотизмы и ксенизмы, которые позволяют ярко отразить специфику языка-донора и культуры-донора. Не случайно, в главе «Исследование мира, колонизация и коммерция» своей известной книги “The Words We Use” Дж. Шиерд приводит примеры ранних заимствований из китайского языка – **silk** «шелк», **litchi** (к. 16 в., из китайского *lìzhī*) «личи китайский» и **cha** «чай» (к. 16 в., из китайского,

диалект мандаринского языка) [35, с. 266], которые мы относим к этнографическим реалиям. В. И. Заботкина приводит единичный пример китайского заимствования-ксенизма, отражающего специфику языка-донора - **kung fu**, борьба кунг фу [20, с. 21].

В данной статье мы продолжаем развивать тему, затронутую нами в работах [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16]. По ходу отметим, что в последнее время возрос интерес к китайскому языку и культуре, их вкладу в пополнение словарного состава английского языка, что нашло отражение в ряде работ, заслуживающих внимания [9], [24], [25], [32] и др. Для анализа и описания китайских заимствований XX века мы, обратились к словарям новых слов и ограничились анализом только трех источников в силу ограниченного размера статьи: [17], [18] и [33].

Вначале обратимся к материалам словаря [17], в котором зарегистрированы неологизмы 1960-90 годов. Анализ словарника на предмет заимствований выявил, что в области гастрономии первенство держит французский язык, а в сфере общественно-политической и религиозной лексики в рассматриваемый временной период лидирует арабский язык [12]. Заявил о себе и китайский язык. В словаре мы обнаружили 8 словарных статей, 4 из которых отражают бурные и противоречивые политические события середины 1960-х – середины 1970-х годов – так называемую «Культурную революцию» или имеют отношение к «Культурной революции» – **Cultural Revolution** [17, с. 66]. Так назывался политический переворот в Китае 1966–76 годов, призванный вернуть революционные маоистские убеждения, который в значительной степени поддержала Красная гвардия – **Red Guards** [1966]. «Красногвардейцы» или «красные охранники» были отрядами молодежи, сформированными в 1966 – 1968 годах. Они использовались для расправы с политическими, общественными и культурными деятелями. [17, с. 230], [34, с. 314; с. 1116]. В советских средствах массовой информации «красногвардейцев» называли «хунвэйбинами». Переворот привел к нападениям на интеллектуалов, масштабной чистке партийных должностей и появлению культа личности вокруг Мао Цзэдуна. Культурная революция имела результатом значительные экономические потрясения. К рассматриваемому историческому контексту относятся калькированные заимствования **Capitalist roader** [1966] и **Gang of Four** [1976]. Выражение Capitalist roader («идущий по капиталистическому пути») во время Культурной революции употреблялось для дискредитации и очернения тех лиц, которые упорствовали в сохранении политики и практики советского образца: правительственный элиты, «частных» элементов в промышленности, премий за производство [17, с. 43–44]. Обозначение **Gang of Four** [1976] – «Банда четырех» – относилось к группе из четырех соратников, включая жену Мао Цзэдуна, вовлеченных в реализацию Культурной революции. Они были среди групп, борющихся за власть после смерти Мао в 1976 году, но были арестованы и заключены в тюрьму [17, с 05], [34, с. 539].

Помимо этих 4 идеологически окрашенных слов и выражений, относимых к историзмам, словарь регистрирует этнографические реалии: **Kung fu**

[1966], **mao tai** [1965], **Pinyin** [1963], из которых наиболее известно заимствование **kung fu** [17, с. 145]. Заимствование **mao tai** называет алкогольный напиток – водку на основе сорго [17, с. 160]. **Pinyin** (от китайского рēn-yīn, букв. ‘spell-sound’) – стандартная система латинизированного написания для транслитерации китайского языка [17, с. 206].

Выяснилось, что этнографические реалии заимствованы через транскрипцию и транслитерацию, а идеологически окрашенные реалии общественно-политической жизни Китая переданы с помощью калькирования и снабжены семантическим толкованием.

Словарь новых слов Дж. Эйто содержит свыше 1200 слов английского языка, которые стали употребительными в 1980-х годах. Среди заимствований, зафиксированных в словаре, китайские заимствования занимают скромное место и касаются достижений в области здравоохранения, социально-экономических реформ, межличностных отношений и введения новой денежной единицы. Китайское слово **qinghaosu** называет противомалярийное лекарственное средство нового поколения цинхаосу или артемизин на основе терпена, используемое в китайской медицине. Энергичному заимствованию из русского *perestroika* был подобран китайский эквивалент китайской перестройки **gaige** для обозначения экономической реформы в Китае. Из китайского языка пришло заимствование **guanxi** – гуаньси, личные связи, своего рода «блат по-китайски», однако в китайском употреблении слово гуаньси не несет отрицательных коннотаций и употребляется, когда речь идет об оказании услуги, поддержки, помощи.

Введение новой валюты в Китае повлекло за собой заимствование названия новой денежной единицы **Panda** (China's one-ounce gold billion coin). Китайская «Панда» – одна из самых известных и востребованных золотых и серебряных монет в мире, отличительной особенностью которых является то, что дизайн меняется каждый год, что придает монетам нумизматическую ценность, делает их очень популярными среди коллекционеров и инвесторов [11].

Обращение к ДБАРС, которое содержит около 12000 слов, появившихся с 1971 по 1980 годы, выявило заимствования из более чем 40 иностранных языков [18]. Заимствований из китайского языка, зарегистрированных в словаре, всего 8. Тематически они относятся:

- к области философии: **Yang** кит. филос. ян, мужское начало; **Yin** кит. филос. инь, женское начало; *Yin and Yang from Chinese (Peking) yin dark + yang bright - Инь и Ян от китайского инь «темный» + ян «светлый».*
- этнографическим реалиям: **kung fu** кун-фу, вид китайской борьбы (типа каратэ); **kang** кан, печь-лежанка; **pongee** эпонж (разновидность небелёного китайского шёлка); **wog** котелок с выпуклым днищем (особ. для блюд китайской кухни);
- растительному и животному миру: флористическая реалия **kumquat** кумкват (цитрусовое растение)

- общественно-политической лексике: **Panchen Lama** панчен-лама (от тибетского *blama* ‘высочайший’), тибетский лама, стоящий по рангу после Далай-ламы

- эмотовно-оценочным прилагательным (эпитетом): **gung-ho** 1) горячий, преданный; 2) полный энтузиазма; 3) наивный, простодушный.

Список заимствований расширится, если принять во внимание наличие в пояснительных текстах прецедентных имен собственных, отсылающих к личностям, значимым в описываемых исторических контекстах, например, имя «великого кормчего», китайского коммунистического революционера и основателя Китайской Народной Республики Мао Цзэдуна или Председателя Mao – **Mao Tse Tung = Mao Zedong** и **Chairman Mao**; его соратников по партии Чжоу Эньляя - **Zhou Enlai**, Линь Бяо - **Lin Biao**, Дэн Сяопина – **Deng Xiaoping** и партийных лидеров, которые впоследствии были причислены к «банде четырёх» — Цзян Цин – **Quang Qing**, Ван Хунвэнь – **Wan Hun-Wen**, Чжан Чуньцяо – **Chang Ch'un Chiao** и Яо Вэньюань – **Yao Wenyuand**.

Завершая лингвистический и социокультурный анализ китайских заимствований в английский язык по материалам словарей, мы вынуждены констатировать, что в стабильных учебниках истории английского языка [3], [5], [4], [21], [22], [23], [27], [28] и по лексикологии [2], [6], [7], [8], [19], [31], мы встречаем разрозненные примеры заимствований из китайского языка, либо информация о них вообще не приводится. В основательных монографиях Н. Н. Амосовой [1] и В. П. Секирина [30] китайским заимствованиям отведено всего несколько строк и приведен почти идентичный список из десятка примеров.

Таким образом, необходимо исправить ситуацию и заполнить примерами китайских заимствований пробел в описании системы заимствований в английском языке, тем более, что Оксфордском словаре английского языка в настоящее время зарегистрировано свыше 900 китайских слов и влияние китайского языка в англоязычном мире растет день ото дня, что связано с успехами Китая на международной арене, прежде всего с экономическим успехом, демонстрацией достижений в культуре и спорте – Китай, как известно, был страной-хозяйкой летней Олимпиады 2008 и зимней 2022, с проводимой за последние 40 лет политикой реформ и открытости внешнему миру, ростом культурных связей с другими странами (обмен студенческими, научными и культурными категориями социальных групп, учеба и стажировка за рубежом и др.). Вызывают восхищение достижения в освоении космоса, с чем связано появление слова **taikonaut** - тайконавт», которое используется некоторыми англоязычными СМИ для обозначения профессиональных космонавтов из Китая. Международный статус китайского языка повышается, и мы вправе ожидать рост китайских заимствований в английском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / Н. Н. Амосова. – М, 1956. – 218с.
2. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / English Lexicology. Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.

3. Аракин, В. Д. Очерки по истории английского языка / В. Д. Аракин. – Учпедгиз, 1955. – 346 с.
4. Аракин, В. Д. История английского языка / В. Д. Аракин. – 2- изд. – М.: Физматлит, 2001. – 272 с.
5. Аракин, В. Д. История английского языка / В. Д. Аракин. – М.: Просвещение, 1985. – 253 с.
6. Арбекова, Т. И. Лексикология английского языка (практический курс) / Т. И. Арбекова. – М.: Высш. шк., 1977. – 240 с.
7. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. Учебное пособие / И. В. Арнольд. – Изд-во литературы на иностранных языках. – М, 1959. – 351с.
8. Арнольд, И. В. Лексикология английского языка: учеб. пос. / И. В. Арнольд. – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта, 2017. – 376 с.
9. Богаченко, Н. Г. История восточноазиатских заимствований в английском языке (На материале Большого Оксфордского словаря) /: дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Богаченко. – Владивосток, 2003. – 270 с.
10. Глимнурова, Э. Ф. Новые экзотизмы в современном английском языке / Э. Ф. Глимнурова, Ю. В Горшунов // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Х. Давлетшиной. Том. Выпуск VII. – Сер. Давлетшинские чтения. – Бирск, 2020. – С. 128-131.
11. Горшунов, Ю. В. Новые заимствования в английском языке конца 20 века / Ю. В. Горшунов // Вестник БирГСПА: Филология. – Вып. 8. – Бирск, 2006. – С. 68-72.
12. Горшунов, Ю. В. Арабский след в английском языке / Ю. В. Горшунов. // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №2. – С. 451-456.
13. Горшунов, Ю. В. Французские заимствования в английском языке на исходе 20 века / Ю. В. Горшунов. // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. №3. – С. 902-909.
14. Горшунов, Ю. В. Новые итальянские заимствования в английском языке / Ю. В. Горшунов // Ежемесячный международный научный журнал United-Journal, Tallinn, Эстония. 2018, №11. – С. 20-22
15. Горшунов, Ю. В. Немецкие слова в английском языке: заимствования 20 века / Ю. В. Горшунов. // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, №2. – С. 467-472.
16. Горшунов, Ю. В. Заимствования из восточных языков в рассказах С. Моэма / Ю. В. Горшунов, Е. Ю. Горшунова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, №9-10. – С. 45–54.
17. Грин, Д. Словарь новых слов / Green Jonathon. Dictionary of New Words / Д. Грин. – М.: Вече, Персей, 1996. – 352 с.
18. Дополнение к Большому англо-русскому словарю: около 12000 слов / И. Р. Гальперин, А. В. Петрова, Э. М. Медникова и др.; Под рук. И. Р. Гальперина. – М.: Рус. яз., 1980. – 432 с.
19. Елисеева, В. В. Лексикология английского языка. / В. В. Елисеева. – СпбГУ, 2003. – 80 с.
20. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М.: Высш. шк., 1989. – 126 с.
21. Иванова, И. П. История английского языка / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян. – М.: Высш. шк., 1976. – 319 с.
22. Иванова, И. П. История английского языка : учебник; хрестоматия; словарь / И. П. Иванова, Л. П. Чахоян, Т. М. Беляева. – Издательство: СПб: Лань, 2001. – 512 с.
23. Ильши, Б. А. История английского языка /Б. А. Ильши. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Альянс, 2022. – 420с.
24. Мирзазанова, Р. Ф. Восточные лексические заимствования в современном английском языке / Р. Ф. Мирзазанова, Е. В. Болотова // Вестник Башкирского университета. – 2020. Т. 25. №3. – С. 635 – 640.
25. Музипова, Ф. И. Анализ влияния китайского языка на английский язык / Ф. И. Музипова. – Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы

- LXII Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2023 г.). – Казань: Молодой ученый, 2023. — С. 120-123. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/494/18063/>. – Дата доступа: 19.09.2024.
26. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
 27. Расторгуева, Т. А. История английского языка / Т. А. Расторгуева. – М.: Высш. шк., 1983. – 347 с.
 28. Расторгуева, Т. А. История английского языка: учебник / Т. А. Расторгуева. 2-е изд., стер. – М.: 000 «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 352 с.
 29. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова. – 2., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
 30. Секирин, В. П. Заимствования в английском языке / В. П. Секирин. – Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1964. – 152 с.
 31. Харитончик, З. А. Лексикология английского языка: учеб. пособие / З. А. Харитончик. – Минск: Выш. шк., 1992. – 229 с.
 32. Черемисина, Т. И. Китайские заимствования в современном английском языке как элемент культурно-языковых контактов / Т. А. Черемисина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – Вып. 6 (822), 2019. – С. 91–107.
 33. Эйто, Дж. Словарь новых слов / Дж. Эйто. – М.: Рус. яз., 1990. – 434 с.
 34. Longman Dictionary of English Language and Culture: Longman, 1999. – 1568 p.
 35. Sheard, J. A. The Words we use /J. A. Sheard: Andre Deutch, 1970. – 344 p.

Информация об авторе:

Горшунов Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий (Бирский филиал), г. Бирск, Республика Башкортостан, Российская Федерация.

А. В. ИГНАТЕНКО

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ КНИГИ НА ПРИМЕРЕ АЛЬБОМА ВАН ШУХУЭЙ «ЗАПАДНЫЙ ФЛИГЕЛЬ» (1957)

Исследование носит междисциплинарный характер и посвящено особенностям китайской иллюстрированной книге XX столетия ляньхуаньту в стиле гунби на примере альбома Ван Шухуэй «Западный флигель» (王叔晖《西厢记》, 1957) по одноименной пьесе Ван Шифу (王实甫, начало XIV в.) и связи с вербальным компонентом альбома. Цель работы – оценить влияние и значимость иллюстрированной книги известной художницы на китайское искусство и выявить взаимосвязь визуального и верbalного в рамках интермедиальной поэтики художественного дискурса и экфразических описаний в альбоме.

Ключевые слова: «Западный флигель», иллюстрированная книга, Ван Шухуэй, Ван Шифу, ляньхуаньту, интермедиальность, экфрасис.

A. V. IGNATENKO

FEATURES OF A CHINESE ILLUSTRATED BOOK BASED ON THE EXAMPLE OF WANG SHUHUI'S ALBUM “THE WESTERN WING” (1957)

The study is interdisciplinary in nature and is devoted to the peculiarities of the Chinese illustrated book of the twentieth century lianhuantu in the Gongbi style, using the example of Wang Shuhui's album “The Western Wing” (王叔晖《西厢记》, 1957) based on the play of the same name by Wang Shifu (王实甫, the beginning of the XIV century) and the connection with the verbal component of the album. The purpose of the work is to assess the influence and significance of the famous artist's work on Chinese art and to identify the relationship between visual and verbal within the framework of intermediate poetics and the ecphrastic discourse of signatures in the album.

Key words: “West Wing”, illustrated book, Wang Shuhui, Wang Shifu, *lianhuantu*, intermediality, ecphrasis.

Введение

В истории искусств книжное иллюстрирование как распространенная художественная форма массового искусства, а также создание креолизованных текстов в виде различных комиксов очень популярный жанр нового времени. При наличии общих тенденций развития этой визуально-художественной формы в разных странах, у каждого народа присутствует определенная этнонациональная специфика. Данная работа носит междисциплинарный характер, в ней рассматриваются художественные особенности иллюстрированного альбома Ван Шухуэй (王叔晖, 1912–1985) по мотивам средневековой пьесы начала XIV в. Ван Шифу «Западный флигель» (王实甫《西厢记》) в стиле гунби, а также связь этих особенностей с языковыми параметрами национальной идентичности в рамках интермедиальной поэтики художественного дискурса и экфразических описаний литературных подпiseй к альбому, основанных на содержании пьесы.

Иллюстрированная литература является одной из самых ранних визуально-литературных форм, с которой люди сталкиваются в жизни. Она оказывает большое влияние на когнитивное развитие человека. В Китае выражение «иллюстрированная книга» терминологически не устойчиво и может обозначаться словами *хуэйбэн* (绘本, букв. «раскрашенная книга»), *тухуашу* (图画书, букв. «иллюстрированная книга»), или *ляньхуаньту* (连环图画, букв. «собранная серия иллюстраций» или «комикс»). Также со временем появились разновидности этого жанра – *манга*, *маньхуа* и пр. Материал иллюстрированных книг не ограничивается художественной литературой. Часто содержание естественных или общественных наук выражается в виде креолизованных текстов не только для маленьких детей, но и для детей более старшего возраста, а также взрослых. Основная цель иллюстрированных альбомов через созданные визуально-художественные образные формы и короткие комментарии к визуальному контенту вызвать у читателя-реципиента определенную ассоциацию.

Материалы и методы исследования

Вопросы присутствия различных семиотических систем и кодов других видов искусства в литературных произведениях относятся к числу одних из дискуссионных в современной гуманитарной науке. Это связано с тем, что во многом еще не решена проблема выработки адекватной методологии анализа подобных синтетических форм и явлений [2]. В Китае иллюстрированные альбомы – *ляньхуаньту* (连环图画) – относятся к литературно-визуальным по форме и интермедиальным по структуре и содержанию произведениям. Под интермедиальностью мы понимаем сочетание различных семиотических систем и кодов – визуального с верbalным – в художественном произведении.

Иллюстрированные альбомы в Китае известны с глубокой древности. Одним из первых известных альбомов с комментариями является анонимный бестиарий «Каталог гор и морей» (《山海经》, IV–I вв. до н.э.), содержащий синкретические представления древних китайцев об окружающем их мире. Интересными представляются исследования Е. А. Завидовской альбомов цинского периода XVII–XIX вв. [1].

На рубеже XX–XXI вв. книги с картинками, а также сопровождающие их литературные подписи, начали развиваться в широких масштабах, постепенно вытесняя традиционные иллюстрированные формы, которые были доступны для чтения большинству читателей, особенно молодежи и детям. *Ляньхуаньту*, как правило, содержат небольшой объем текста комментативного характера, рассчитанный на молодежно-детскую аудиторию и людей с невысоким образованием. В основе сюжета такого рода альбомов часто лежат эпические и классические литературно-исторические сюжеты.

Этот формат стал популярным также в целях продвижения революционных идей, карикатурно изображая неугодные режимы. В похожем режиме могут функционировать моноизображения карикатур, демотиваторов, мемов и пр. Креолизованные тексты, в свою очередь, – это особая форма литературы как поликодового текста, в которой в графической манере рассказывается целостная история, включающая интермедиальную семиотическую систему

литературы и изобразительного искусства [6]. Иллюстрации в креолизованных текстах – это основной элемент, выполняющий функцию «языкового» повествования, которое несет задачу предложить читателю готовый образ. Основным приемом восприятия поликодовых текстов, содержащих различные семиотические системы, может выступать экфрасис, который в современной науке рассматривается на уровне 1) приема; 2) жанра и 3) дискурса [3].

Такого рода визуальная литература учит пользоваться семиотической информацией, доступной различным уровням сознания. Иллюстративный материал в рамках теории эмоциофербалики вызывает эмоциональный отклик у читателя и выступает визуальной опорой [4]. Примерно с середины 1990-х гг. *ляньхуаньту* трансформировались в различные виды комиксов *маньхуа* (漫画), среди которых выделяют разновидности *манга*, *манхва* и пр. Эти новые формы полисемиотических текстов сегодня переживают огромный интерес среди читательской аудитории, в основном среди молодежи, и этот интерес продолжает неуклонно расти.

Результаты исследования и их обсуждение

Пьеса «Западный флигель» относится к юаньской драме *цзацзюй* (元杂剧, букв. «смешанные представления»), особой форме и художественному феномену китайской культуры периода монгольской династии Юань (元代, 1280–1367). От этого периода до нас дошло более двухсот пьес, но количество существовавших тогда драм могло достигать восьмисот. В этот период активно развиваются города, что влечет к появлению различных видов искусства, доступных народу, в театр приходят опытные драматурги, повсеместно распространяются народные театральные представления [5, с. 129]. Юаньская драма возникла значительно позже, чем древнегреческая, имела строгую форму и состояла из музыкально-лирических рифмованных арий и динамического сюжета, что заложило основу становления китайской драматургии и театра.

Пьеса считается одной из лучших любовно-бытовых пьес в истории Китая и послужила источником вдохновения для многих живописцев. Уже в следующую после Юань династию Мин (1368–1644) художник Цю Ин (仇英, XV–XVI в.) по мотивам пьесы пишет небольшое живописное полотно на шелке «Цуй Иinin ожидает луну» (《崔莺莺待月》, XVI в.). В живописи, в пьесе и в ее музыкально-оперном сопровождение китайскому искусству всегда была свойственна условность.

В 1953 г. издательство «Народное изобразительное искусство» (人民美术出版社) поручило Ван Шухуэй написать иллюстрированный альбом по мотивам «Западного флигеля». Никто не ожидал, что этот альбом, вышедший годом позже, станет шедевром и знаковым произведением в истории иллюстрированной книги китайского искусства и культуры. В 1957 г. Ван Шухуэй на основе этой работы создает иллюстрированную книгу *ляньхуаньту* «Западный флигель» в стиле *гунби* (工笔, букв. «тщательная, тонкая прорисовка»), состоящую из шестнадцати живописных иллюстраций. Если предыдущая работа требовала подобраться к мастерству древних мастеров, то для со-

здания этого альбома потребовалось уже превзойти саму себя. Обращаясь к Ван Шухуэй, художник и теоретик Пань Цецзы (潘契兹) прокомментировал это следующим образом: «Ван Шухуэй – известная художница старшего поколения, и она также была одной из первых, кто занялся созданием иллюстрированной книги с использованием насыщенных красок после основания Нового Китая, и внесла значительный вклад в совершенствование искусства комиксов. Ее “Западный флигель” использует чрезвычайно искусные традиционные приемы, чтобы тонко и живо обрисовать образы персонажей, и воспроизводит эту историю любви, рассказалую на протяжении веков. Ее можно назвать эпохальным шедевром. Ее можно передавать по наследству бок о бок с историей Ван Шифу»¹.

Рис. 1. Примеры иллюстраций из альбома Ван Шухуэй
«Западный флигель»

Живописный замысел Ван Шухуэй основан на западных техниках живописи и включает в себя следующие особенности: 1) контурная декоративная прорисовка (прически, платья, ленточки и пр.); 2) детальная прорисовка персонажа (стройное телосложение, размеренные движения, степенные формы, гармоничные цвета, изящные костюмы, наклон фигур и пр.); 3) нанесение краски (спокойная, естественная, насыщенная манера). Пьесовая форма организации повествования и сюжетостроения при переложении ее в иллюстрированный альбом трансформируется в небольшие прозаические фрагментарные комментарии, которые насыщены эмотивно-мультиmodalным планом. Они становятся средством экспрессивизации восприятия художественного визуально-текстового образа и информации посредством ассоциативного буквенно-зрительного резонанса и механизма их сцепления. На эмоциональный уровень также влияет цветовое решение. В альбоме использовано около ста оттенков и некоторые из них соответствуют эмоциональному сюжетному настроению или переживаниям персонажей.

Отметим, что сильное влияние на работу Ван Шухуэй оказали ее учителя, выдающиеся мастера середины XX столетия – Сюй Яньсунь (徐燕荪, 1899–1961) в области прорисовки персонажей и работы кистью, и – У Гуаньюй (吴光宇, 1908–1970) в области композиции и составления цвета. За альбом «Западный флигель» Ван Шухуэй была присуждена Первая национальная премия за создание ляньхуаньту (第一届全国连环画评奖一等奖).

¹ Режим доступа: <http://www.zgsshw.cn/content.asp?id=25924> (на кит. яз.) – Дата доступа: 07.10.2024.

Заключение и выводы

Итак, в данном исследовании были выделены особенности китайской иллюстрированной книги *ляньхуаньту* в стиле *гунби* середины XX в. на примере альбома Ван Шухуэй «Западный флигель» (1957) и оценена значимость этого артефакта и его влияние на дальнейшую визуально-художественную культуру и искусство Китая. Исследование показывает, что в Китае исторически выражение «иллюстрированная книга» терминологически не устойчиво и может обозначаться различными словами (*хуэйбэнь*, *тухуашу*, *ляньхуаньту* и т.д.). Иллюстрированные альбомы – *ляньхуаньту* – относятся к литературно-визуальным по форме и интермедиальным по структуре и содержанию произведениям (содержащим визуальные и вербальные компоненты). На рубеже XX–XXI вв. книги с картинками, а также сопровождающие их подпisi (комментарии, прямая речь и пр.), начали развиваться в широких масштабах, вытесняя традиционные иллюстрированные формы, которые были доступны для чтения большинству читателей. Со временем из альбомов *ляньхуаньту* появились современные циклы комиксов – *манга*, *маньхуа* и пр., которые чрезвычайно популярны сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Завидовская, Е. А. Народы Гуйчжоу в цинских «альбомах об инородцах»: *мяо, ицзу, гэлао* / Е. А. Завидовская // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – № 3. – С. 47 – 60.
2. Игнатенко, А. В. Живопись в прозе А. П. Чехова: интермедиальный анализ: монография / А. В. Игнатенко – М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2022. – 146 с.
3. Игнатенко, А. В. Экфрастическая презентация произведений живописи в чеховской прозе / А. В. Игнатенко // Новый филологический вестник. – 2019. – № 3 (50). – С. 160 – 170.
4. Игнатенко, А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) / А. В. Игнатенко // Oriental studies. – 2023. – Т.16. – № 4. – С. 1004 – 1014. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014>
5. Игнатенко, А. В. Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней: учебник / А. В. Игнатенко, Т. И. Кондратова. – М.: Изд-во ВКН, 2022. – 448 с.
6. Новоспасская, Н. В. Терминосистема теории поликодовых текстов / Н. В. Новоспасская, Н. М. Дугалич // Русистика. – 2022. – Т.20. – № 3. – С. 298 – 311.

Информация об авторе:

Игнатенко Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация.

В. И. КОВАЛЬ

**«КИТАЙСКО-РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ»
1905 ГОДА: ОТ КОНФРОНТАЦИИ
К ПРИМИРЕНИЮ**

В статье рассматривается содержание «Китайско-русского календаря» 1905 года с точки зрения отражения в нем традиций лунных календарей в сочетании с российским официальным календарем того времени. Обращается внимание на наличие в этом календаре сведений о традиционной китайской культуре, способствующих взаимопониманию граждан России и Китая.

Ключевые слова: «Китайско-русский календарь», лунный календарь, российский календарь, традиционные китайские праздники, народные верования, дракон, конфронтация, взаимодействие культур.

V.I. KOVAL

**THE "SINO-RUSSIAN CALENDAR" OF 1905:
FROM THE CONFRONTATION TOWARDS RECONCILIATION**

The article examines the content of the «Chinese-Russian calendar» of 1905 from the point of view of reflecting the traditions of the lunar calendar in combination with the Russian official calendar of that time. Attention is drawn to the presence in this calendar of information about traditional Chinese culture, contributing to mutual understanding between the citizens of Russia and China.

Key words: «Chinese-Russian calendar», lunar calendar, Russian calendar, traditional Chinese holidays, folk beliefs, dragon, confrontation, interaction of cultures.

Китайские календари имеют многовековую и чрезвычайно богатую историю. Согласно легенде, первый календарь был учрежден в годы правления императора Хуан-ди 黄帝 (2711–2597 гг. до н.э.), о чем сообщает в своих «Исторических записках» Сыма Цянь: «Хуан-ди установил календарь для всеобщего использования, положил начало циклам убывания и роста, установил вставные месяцы и високосные годы, чтобы во всей стране был порядок и не было хаоса» [1, с. 225]. В традиционном Китае «официальный календарь считался одним из самых важных атрибутов власти правителя, и точность календарных счислений служила показателем его престижа как «сына неба», осуществляющего в соответствии с «небесным мандатом» мироустройтельную деятельность» [5, с. 147]. В основу наиболее древнего китайского сельскохозяйственного (лунного) календаря *нунли* 农历 (рис. 1) положены наблюдения за небесными телами и природой, позволявшие соотнести фазы луны с разными земными циклами, что имело очевидное практическое значение: «Ежегодники дополнялись полезной информацией на каждый день, в них отмечались счастливые/несчастливые дни (для совершения поездок, свадеб, похорон, начала строительства, работ и других случаев), толкования снов, советы по геомантии и т. д.» [7, с. 207].

Со времен эпохи Шан-Инь (1554–1046 гг. до н.э.) в Китае получили распространение лунно-солнечные календари *инъянли* 阴阳历: «В статусе сол-

нечного календаря основой является один оборот Земли вокруг Солнца; в статусе же лунного учитывается оборот Луны вокруг Земли, от одного новолуния до другого» [1, с. 226]. На протяжении почти двух тысяч лет – с 221 г. до н.э (династия Цинь) по 1645 г. (династия Цин) – в Китае было опубликовано двадцать главных календарей, соотносившихся с периодами правления различных императоров [5, с. 149].

Рис. 1 – Традиционный китайский лунно-солнечный календарь нун-ли

Рис. 2 – «Китайско-английский календарь» 1903 г. [7, с. 222]

Среди китайских настенных календарей нового времени обращают на себя внимание относящиеся к концу XIX – началу XX вв. «китайско-английские календари», содержание и оформление которых, как следует из их подробного описания в статье Е. А. Завидовской и Д. И. Маяцкого ([7, с. 210–212]), никак не соотносятся с английским языком и западной культурой. Так, один из этих календарей (рис. 2), представляющий собой написанные по-китайски астрономические и фенологические сведения и рекомендации, богато украшен картинками (в том числе – изображением в центре богов согласия, мира и гармонии братьев-близнецов Хэ-хэ), отражающими традиционную китайскую культуру.

Объект нашего исследования – «Китайско-русский календарь» 1905 года, характерной особенностью которого (как в формальном, так и в содержательном отношении) является, с одной стороны, органичное совмещение китайского лунно-солнечного и официального российского (юлианского) календарей, а с другой – широкая представленность сведений из сферы традиционной китайской культуры: предназначенные для восприятия русскоговорящих и потому написанные в русской транслитерации календарные китайские термины, названия календарных праздников, описания обрядов, ритуалов и др. (рис. 3).

Рис. 3 – «Китайско-русский календарь» 1905 г.

Как место, так и время издания рассматриваемого календаря весьма необычны. В верхней его части (над собственно календарем) указывается место его публикации («Издание штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи»), а в нижней части календаря содержатся сведения о его авторах: «Составители: Заамурского округа штабс-ротмистр Титов и драгоман Лу Дао». Устаревшее слово *драгоман* ранее употреблялось в русском языке для обозначения важной и ответственной должности переводчика-посредника в общении с представителями восточных народов; сравн.: *драгоман* ‘переводчик восточных языков при послах, консулах и пр.’ [4, с. 489].

Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС) был учрежден в мае 1897 года для охраны Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), большая часть которой проходила от Читы до Владивостока через Маньчжурию – территорию тогдашней Цинской империи. Главная задача военнослужащих ОКПС – вольнонаемных рядовых и офицеров – состояла прежде всего в защите имеющей стратегическое значение КВЖД, протяженность которой составляла 2450 километров, и связанной с ней инфраструктуры от бандитских отрядов хунхузов, враждебно относившихся к иностранцам вообще и к российским военным в частности. В боестолкновениях с хунхузами десятки российских военнослужащих ОКПС были убиты и ранены [9, с. 77].

Кроме того, немало проблем для пограничников создавало и гражданское население, которое «не желало уступать своих земель под строительство железной дороги. В условиях перенаселенности этот вопрос особенно остро встал в Южной Маньчжурии. Отчуждение земель для КВЖД обездолило тысячи семейств. Как следствие, помимо стычек с хунхузами Охранной страже приходилось применять оружие в случаях сопротивления китайцев и попытках их насилия над железнодорожными служащими» [3, с. 60]. Важно также учитывать и негативный исторический опыт, связанный с событиями начала XX века, оказавшими немалое влияние на восприятие китайцами российских военных и гражданских лиц, принимавших участие в строительстве и охране КВЖД: «Для китайцев важным фактором формирования образа России и отношения к русским стали события 1900–1901 гг., когда Российская империя участвовала в подавлении боксерского (ихэтуаньского) восстания на северо-востоке Китая» [13, с. 267].

Огромное эмоциональное воздействие на китайское население приграничья оказали последствия трагических событий в Благовещенске летом 1900 года, когда живущие в этом городе мирные китайцы в ответ на обстрелы Благовещенска с китайской стороны были насиленно принуждены местными властями к переправе через Амур, в результате чего, по оценкам историков, утонуло более трех тысяч китайцев. Эти события и в современном Китае оцениваются как «величайшая трагедия» и «величайшая резня», во время которой «кровь окрасила берега Амура в красный цвет» и «тысячи мирных жителей были уничтожены» [14, с. 62].

Роль ОКПС значительно возросла во время русско-японской войны 1904–1905 гг., когда нападения на КВЖД регулярно осуществляли не только хунхузы, но и японские диверсанты. Противодействовать этой опасности русским военным помогали местные китайцы: «Огромную роль в охране железной дороги сыграла разведка. Широко развернутая сеть агентуры давала возможность получать достоверные сведения о хунхузах и позволяла более рационально распоряжаться имевшимися силами и средствами. Благодаря этому подразделения Заамурского округа заблаговременно знали о появлении врага и пресекали попытки японцев выйти к КВЖД для совершения диверсий» [3, с. 66]. Понятно поэтому, что «даже незначительная помощь со стороны местного населения очень тепло воспринималась в рядах русских военных» [13, с. 269].

Из сказанного становится очевидным, насколько важным было для российских пограничников, проходивших службу на северо-востоке Китая, поддержание взаимоуважительных, доверительных отношений с местным населением. Несмотря на отдельные случаи проявления враждебности к пограничникам ОКПС, в целом китайское население относилось к русским весьма доброжелательно. Эти непростые межнациональные отношения осложнялись явно недостаточным уровнем владения российскими пограничниками китайским языком и неглубоким знанием ими традиционной культуры Китая: «С одной стороны, китайцы нередко очень тепло встречали русских военных:

впускали в деревню, кормили, помогали в осуществлении разведывательной деятельности, но, с другой стороны, между китайцами и русскими возникал языковой и культурный барьер, который мешал им эффективно взаимодействовать друг с другом» [13, с. 270–271].

В описанной ситуации, как нам представляется, составление и издание Отдельным корпусом пограничной стражи именно в 1905 году «Китайско-русского календаря» служило не только сугубо практической цели, но и в определенной мере восполняло недостаточную осведомленность российских пограничников в области китайской культуры, что, в свою очередь, способствовало укреплению взаимопонимания пограничных стражников с местным населением.

Остановимся на описании «сильной позиции» этого календаря как текста – его начала, то есть картинок и текста, расположенных в его верхней части. Обратим внимание прежде всего на изображения двух драконов по обе стороны названия календаря. Нет сомнения в том, что драконы в данном случае являются официальными символами империи Цин, поскольку утвержденный в 1899 году Цинский государственный флаг представлял собой полотнище желтого цвета, на котором был изображен четырехлапый лазурный (сине-зеленый) дракон с разинутой пастью, стремящийся овладеть ярко-красной жемчужиной в верхнем левом углу. Лазурный дракон с пятью когтями на лапах со времен династии Хань (206 г. до н.э.–220 г. н.э.) считался не только символом императора, но и воплощением творческого, созидательного начала в человеке. Общеизвестно также, что дракон (лун 龙) в традиционной китайской культуре наделяется исключительно положительными характеристиками, а «его появление рассматривается как благоприятный знак» [11, с. 207].

Очевидно, что российские пограничники весьма негативно относились к изображению драконов на данном календаре, поскольку воспринимали этих мифологических персонажей «сквозь призму» демонической природы фольклорных образов змееев в русской культуре. Характерно, что именно дракон был одним из элементов обмундирования российских пограничников, служивших в ОКПС: «Стражники носили черные тужурки и синие шаровары кавалерийского покроя с желтым кантом. Желтые петлицы, пуговицы и кокарды на головных уборах имели изображение дракона» [10, с. 91] (рис. 4, 5). Показательно в связи с этим следующее свидетельство: «В форменной одежде стражников присутствовал желтый цвет, намекающий на место службы. Желтыми были канты, выпушки, петлицы нижних чинов, суконные верхи черных казачьих папах и тульи фуражек. <...> Кокарды, петлицы и знамена стражи украшало изображение желтого китайского дракона, сразу же принятое в штыки казаками. Неприязнь станичников к «басурманскому змею» была столь велика, что форменные папахи они носили исключительно кокардами назад» [6].

Рис. 4 – Изображение дракона на кокарде ОКПС

Рис. 5 – Изображение дракона на пуговице ОКПС

Между изображениями двух драконов в верхней части календаря приведен следующий текст: **КИТАЙСКО-РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ НА 31-Й ГОД ГУАН-СЮЙ (1905 ГОД)**. Год «Змеи», «7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю», «Босой пахарь надевает черный халат, белый пояс и делает двойную прическу».

Словосочетание *31-й год Гуан-сюй* указывает на то, что календарь относится к 31-му году правления цинского императора Айсиньгэро Цзайтяня (Гуансюя), осуществлявшегося под девизом «гуан-сюй» (光緒 – «Славная преемственность»). Имя Гуансюя, предпоследнего китайского императора (годы правления – 1875–1908), неразрывно связано с его попытками проведения прогрессивных реформ, имевших целью, несмотря на противодействие вдовствующей императрицы Цыси, превращение феодального Китая в конституционно-монархическую страну по образцу современных ему западных стран и Японии. Можно при этом предположить, что опубликование «Китайско-русского календаря» на 1905 год рассматривалось его составителями как проявление сближения китайской и российской (для Китая – западной) культур.

Следующие далее выражения – Год «Змеи», «7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю» – могут быть интерпретированы как традиционные для китайской культуры предсказания к предстоящему году. Так, 1905 год связывался с довольно благоприятным зодиакальным знаком Змеи, находящейся под властью стихии дерева, а также с планетой Юпитер, которые, в свою очередь, ассоциируются с возрождением, обновлением, удачей, богатством и успехом в всех начинаниях. Что касается двух следующих выражений – «7 драконов дают дождь», «4 быка пашут землю», то они связаны с видами на урожай в наступающем году. Комментируя аналогичные фразы, представленные в китайском календаре на 1929 год, Е.А. Завидовская и Д. И. Маяцкий отмечают: «Так как драконов и быков всего по 12, дождей ожидалось больше среднего, урожай – небогатым» [7, с. 208].

Отдельного комментария заслуживает загадочное, на первый взгляд, предложение «Босой пахарь надевает черный халат, белый пояс и делает двойную прическу». Речь в данном случае идет о древнем ритуале *гэн цзи* 耕

藉, заключавшемся в прокладывании императором, выступающим в роли крестьянина-пахаря, первой весенней борозды. Кроме императора, в ритуальной пахоте принимали участие высшие государственные чины и придворные. Этот ритуал, известный с эпохи Чжоу (XI–III вв. до н.э.), осмыслился как «один из древнейших государственных ритуалов Китая, связанных с культом плодородия и сезонной обрядностью», и «исполнялся строго в первый день первого месяца весеннего сезона после жертвоприношений Небу и предкам» [8, с. 429–430]. В целом «ритуальная пахота предполагала зачинание весны, пробуждение природы и рождение новой жизни в масштабе всего мироздания» [2, с. 120].

В приведенном выше выражении важное значение имеют детали: босоногость «пахаря» подчеркивала его тесную связь, непосредственный контакт с землей, а черный халат (символ крестьянина) и характерная для мальчиков «двойная прическа» призваны были подчеркнуть близость императора к простым людям.

Основная информация «Китайско-русского календаря» 1905 года заключается в совмещении (буквально – в «наложении») сведений о Лунах и днях китайского календаря с месяцами и днями российского (православного) календаря. Свообразной «точкой отсчета» в этом случае является китайский (лунный) календарь: каждая из Лун напрямую четко соотносится с конкретными числами и месяцами российского календаря (при этом дни китайского календаря обозначены черным, а дни российского календаря – красным цветом): 1-я Луна – с 22 января по 20 февраля, 2-я Луна – с 21 февраля по 22 марта, 3-я Луна – с 23 марта по 20 апреля, 4-я Луна – с 21 апреля по 20 мая, 5-я Луна – с 21 мая по 19 июня, 6-я Луна – с 20 июня по 18 июля, 7-я Луна – с 19 июля по 16 августа, 8-я Луна – с 17 августа по 15 сентября, 9-я Луна – с 16 сентября по 14 октября, 10-я Луна – с 15 октября по 13 ноября, 11-я Луна – с 14 ноября по 12 декабря, 12-я Луна – с 13 декабря по 11 января.

Кроме того, в нижней части колонки, относящейся к той или иной Луне / месяцу, приводятся названия основных календарных китайских праздников – как по-китайски (в русской транслитерации), так и по-русски. Например, в колонке «2-я Луна» приведены следующие сведения: «2-го числа праздник Лун тай тоу (*Дракон поднимает голову*)». Сравн. также: 3-я Луна – «1-го числа праздник Цин-мин (*Поминовение предков*)»; 4-я Луна – «28-го праздника Нян-нян мао» (*Праздник женщин*); 5-я Луна – «5-го числа праздник Дуань-у (*Двойная пятница*)»; 6-я Луна – «6-го числа праздник Люю э лю (*Летний праздник*)»; 7-я Луна – «7-го числа праздник Ню-лан чжи-ню» (*Свидание с женой*) и др.

Очевидно, что подобное расположение сведений, ориентированное на российских военнослужащих, позволяло им не только безошибочно определить ту или иную дату «в привязке» к китайскому или российскому календарям, но и узнать хотя бы самые общие сведения о традиционных китайских праздниках. Например, с помощью этого календаря российский военнослужащий ОКПС мог легко узнать, что вторник, 22-го февраля 1905 года в рус-

ском календаре соответствует второму дню второй Луны в китайском календаре, а также учесть, что в этот день китайцы отмечают большой праздник – *Лун тай тоу* 龙抬头 (Дракон поднимает голову), который символизирует начало весеннего сезона дождей. Согласно китайским верованиям, в этот день Небесный дракон – повелитель дождей – просыпается от зимней спячки. «Считалось, что, если Небесный дракон просыпается в хорошем настроении, значит он дарует людям обильные дожди, а те, в свою очередь, принесут богатый урожай и следующий год будет спокойным и сытым. А если дракон будет в плохом настроении, то дождей людям не видать, посевы погибнут, а в стране начнётся голод» [12].

Не менее полезная информация, рассчитанная на российских граждан, находящихся в инокультурном окружении, приведена в правой части календаря – в вертикальной колонке, имеющей название «Примечания». Вначале сообщаются сведения общего характера: «Обыкновенно 1-е и 15-е числа каждого месяца считаются праздниками, и в эти дни молятся перед домашними алтарями, но работы не прекращают». Далее речь идет о внутренней структуре китайского календаря: «Китайцы, кроме того, делят год на 4 части: весну, лето, осень и зиму, каждое время года делится на 6 частей, и это деление служит главным руководством для распорядка жизни китайского земледельца». Познавательны и собственно китайские названия отдельных периодов лунного календаря, начинающиеся «с 1-го числа 1-й луны через 15 дней» и свидетельствующие о наблюдательности китайцев, их бережном и внимательном отношении к окружающей природе. Каждое из таких названий сопровождается переводом на русский язык: 1. *Ли-чунь* (Начало весны); 2. *Юй-шуй* (Дождевая вода); 3. *Цзинчжэ* (Пробуждение насекомых); 4. *Чунь-фэн* (Весенне равноденствие); 5. *Цин-мин* (Чистота и ясность); 6. *Гу-юй* (Дожди для злаков); 7. *Ли-ся* (Начало лета); 8. *Сяо-мань* (Малое насыщение); 9. *Манчжун* (Колошение хлебов); 10. *Ся-чжи* (Летнее солнцестояние, макушка лета); 11. *Сяо-шу* (Малая жара); 12. *Да-шу* (Большая жара); 13. *Ли-цию* (Начало осени); 14. *Чу-шу* (Прекращение жары); 15. *Бай-лу* (Белые росы); 16. *Цю-фэнь* (Осеннее равноденствие); 17. *Хань-лу* (Холодные росы); 18. *Шуан-цзян* (Выпадение инея); 19. *Ли-дун* (Начало зимы); 20. *Сяо-сюэ* (Малые снега); 21. *Да-сюэ* (Большие снега); 22. *Дун-чжи* (Зимнее солнцестояние; макушка зимы); 23. *Сяо-хань* (Малые холода); 24. *Да-хань* (Большие холода).

Таким образом, рассмотренный «Китайско-русский календарь» 1905 года, составленный штабс-ротмистром Титовым и переводчиком Лу Дао и опубликованный штабом Заамурского округа, имел не только чисто практическое применение, но и выполнял роль своевременного, продуманного и, выражаясь современным языком, креативного издания, служившего налаживанию и упрочению межкультурных связей, и примирению в отношениях российских военнослужащих с местным китайским населением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев, Н. Ю. О шести древних китайских календарях / Н. Ю. Агеев // Общество и государство в Китае : журнал. – ИВ РАН, 2012. – Т. 43, № 3. – С. 225–237.

2. *Белая, И. В.* Личность императора как воплощение космического порядка в официальной идеологии и даосской традиции / И. В. Белая // Научные ведомости. – 2009. – № 10 (65). – С. 118–124.
3. *Вишняков, О. В.* Российские пограничники в вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке (конец XIX–начало XX вв.) / О.В. Вишняков // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 57–70.
4. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1: А–З. – М.: Рус. яз., 1978. – 699 с.
5. *Еремеев, В. Е.* Календарь / В. Е. Еремеев // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т.; Ин-т Дальнего Востока РАН [Т. 5:] Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М. Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2009. – С. 147–153.
6. *Ершов, Д. В.* Хунхузы. Необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] / Д. В. Ершов. – М.: Центрполиграф, 2010. – 255 с. – Режим доступа: https://vk.com/wall-56611080_11282. – Дата доступа: 08.06.2024.
7. *Завидовская, Е. А.* Традиции, новшества и исторические события на китайских календарях начала XX века из российских собраний / Е. А. Завидовская, Д. И. Маяцкий // Восток (Oriens). – 2021. – № 4. – С. 204–224.
8. *Кравцова, М. Е.* Гэн цзи / М. Е. Кравцова // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – М.: Вост. лит.: 2007. – С. 429–431.
9. *Краснов, П. Н.* Борьба с Китаем. Популярный очерк столкновения России с Китаем в 1901 году / П. Н. Краснов. – СПб.: Издание газеты «Русское чтение», 1901. – 121 с.
10. *Орлов, Н. В.* Заамурцы. 1898–1917 гг.: ист. очерк в пяти частях / Н. В. Орлов // Россияне в Азии. – 1998. – № 5. – С. 85–105.
11. *Рифтин, Б. Л.* Лун / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. Т. 2. Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – М.: Вост. лит.: 2007. – С. 506–508.
12. *Фестиваль Лунтайтоу в Китае* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blog.shensyao.com/festival-luntajtou-v-kitae/>. – Дата доступа: 13.09.2024.
13. *Шашкова, Ю. О.* Отношение китайцев к русской армии в период русско-японской войны 1904–1905 гг. глазами русских военных / Ю. О. Шашкова // Китай: история и современность : материалы VIII международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 267–271.
14. 闫新。义和团运动和八国联军侵华战争(三)/新闻。 – 北京: 学苑音像出版社, 2004 年。 – 146 页。 = Янь, Синь. Боксерское восстание и война Альянса восьми наций против Китая (3) / Синь Янь. – Пекин: Аудиовизуальное издательство Сюэюань, 2004. – 146 с.

Информация об авторе:

Коваль Владимир Иванович – профессор Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, доктор филологических наук, профессор; г. Гомель, Республика Беларусь.

ТИБЕТ КАК ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСКОЙ ИНСПИРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

В статье дается характеристика творческих достижений выдающихся китайских художников Чэнь Даньцина, Ай Сюаня, Хань Юйчэня и др., которые в конце XX – начале XXI вв. посвятили тибетской теме свои многочисленные живописные произведения. Их можно считать открывателями Тибета в современном китайском изобразительном искусстве как неисчерпаемого источника образных идей, сюжетов и мотивов. В статье уделяется внимание наиболее известным произведениям о жизни современных тибетцев, которые стали примером и для других китайских художников. Приводятся сведения о том, что тибетская тема была впервые представлена на современных выставках китайского изобразительного искусства в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Делаются выводы о значительной роли тибетской темы в развитии китайского изобразительного искусства.

Ключевые слова: современная китайская живопись, тибетская тема, народные образы, природные мотивы.

E. F. SHUNEIKO

TIBET AS A SOURCE OF CREATIVE INSPIRATION IN THE CONTEMPORARY CHINESE FINE ARTS

The article describes the creative achievements of outstanding Chinese artists Chen Danqing, Ai Xuan, Han Yuchen and others, who dedicated their numerous paintings to the Tibetan theme in the late 20th – early 21st centuries. They can be considered the discoverers of Tibet in modern Chinese fine art as an inexhaustible source of figurative ideas, plots and motifs. The article focuses on the most famous works about the life of modern Tibetans, which have become an example for other Chinese artists. It is reported that the Tibetan theme was first presented at modern exhibitions of Chinese fine art in the National Art Museum of the Republic of Belarus. Conclusions are made about the significant role of the Tibetan theme in the development of Chinese fine art.

Keywords: modern Chinese painting, Tibetan theme, folk images, natural motifs.

Активная увлеченность китайскими художниками тематикой народной жизни в Тибетском автономном районе раскрывает характер социокультурных изменений в Китайской Народной Республике в последней четверти XX века. В период с конца 1970-х до 1990-х годов великая дальневосточная страна переживала период реформ, начатых Ден Сяопином, и осуществляла отход от крайностей «культурной революции». Реформы и осуждение политики прежнего десятилетия обусловили возможности для свободы творчества и позволили художникам создавать произведения на темы, ранее запрещенные и подвергаемые резкой критике.

Отображение тибетской тематики в китайском изобразительном искусстве позволяет более глубоко понять взаимосвязь между этническими группами в Китае. Тибет имеет особое место в культуре и истории Китая, и его

современное открытие в искусстве отражает как изменения в отношении к этому району со стороны китайского руководства, так и положительную динамику межэтнических отношений в стране [1].

Произведения известных художников, таких как Чэнь Даньцин, Ай Сюань, Хань Юйчэн и др., не только характеризуют индивидуальные подходы к образной интерпретации тибетской культуры и ее традиций, но и выявляют общие тенденции в развитии китайского изобразительного искусства за указанный период. Чэнь Даньцин, известный выдающимися достижениями в области живописи, литературы и критики, привлекает внимание своим уникальным и ярким творчеством. Родившийся в 1953 году в культурном центре Китая, в городе Шанхай, Чэнь Даньцин прошел путь, наполненный трудностями и творческими вызовами, чтобы стать одним из самых знаменных современных живописцев. Молодой художник в 1980 г. окончил Центральную академию изящных искусств и стал преподавателем масляной живописи этого учреждения образования. В 1980-х гг. Чэнь Даньцин получил известность как внутри страны, так и за рубежом, благодаря циклу картин «Тибет», который был признан эпохальным явлением в китайской живописи после завершения «культурной революции». Произведение художника из этого цикла «Тибетская молитва» экспонировалось в 1998 г. в Национальном художественном музее Республики Беларусь. Это была первая картина, с которой началось ознакомление с тибетской тематикой в белорусском культурном пространстве.

В произведениях художника нет нарочитой героизации, нет идеологического «украшательства», есть убедительная искренность и уважение к простым людям, живущим в сложных и неповторимых условиях. Чэнь Даньцин в своих рассуждениях о цикле «Тибетских картин», передает не только свою исключительную способность увидеть красоту и силу в обыденной жизни, но и связь своего творчества с яркими эмоциями и впечатлениями в процессе открытия неизвестного ранее большого автономного района [5, с. 123].

В наше время, насыщенное виртуальными изображениями, Чэнь Даньцин остается сторонником живописи с натуры, утверждая, что только через непосредственное взаимодействие с природой можно добиться истинной глубины и выразительности в искусстве. Его решение отвергнуть зависимость от фотографической документации и создать свои «Тибетские картины» на основе своих набросков, зарисовок и этюдов с натуры свидетельствует о его преданности этим классическим принципам [6, 7].

«Тибетская молитва» отражает глубокие переживания Чэнь Даньцина по поводу культуры и духовности Тибета. Художник стремится зафиксировать не только внешний облик закаленных и выносливых людей, но и их внутренний мир, духовные практики и традиции.

Работы «Богатый урожай в слезах» и «Тибетский поход», представленные в начале 1980-х гг. на «Национальной художественной выставке» и «Всесоюзной художественной выставке», привлекли большое внимание к живописцу. Чен Даньцина стали называть «самым выдающимся художником

нового поколения молодежи» [8, с. 51], и это признание не ослабевает до настоящего времени.

В результате анализа работ Чэнь Даньцина из общей серии: «Тибетская деревня» (1986), «Мать и сын» (1986), «В город» (1987) и др. можно заключить, что они является первым великим творческим вкладом в эту ранее несуществующую тематику в китайской живописи. В этих работах прослеживается уникальное сочетание реализма и символизма, которое позволяет автору передать различные многозначительные образы жизни тибетцев, от их ежедневных занятий, таких как пастушеская работа, до их религиозных обрядов и паломничества. Его произведения оказались настолько впечатляющими, что эту тематику поддержали и другие китайские художники конца XX – начала XXI вв.

Ай Сюань (1947). В 1973 г. окончил Центральную академию изящных искусств. В 1973–1982 гг. провел в качестве «работника изобразительного искусства» в отделении культуры округа Чэнду. За эти годы изучал народную жизнь в Тибетском автономном округе. После этого он посетил Тибет более 20 раз, осознанно собирая там необходимый материал для живописного творчества. На основании увиденного там создал много значительных произведений, например, «Ребенок» (1989), «Молчание» (1991), «Чистый воздух» (1993), «Таяние снега в марте» (1994), «Прошлое» (1994), «Зима без теплого солнца» (1994), «Пусть дует ветер» (1995), и др. Ай Сюань в настоящее время является преподавателем в Институте живописи в Пекине и членом Ассоциации художников Китая. Он стал призером многих отечественных и зарубежных выставок современного искусства.

Ай Сюань родился в интеллигентной семье, где его отец, известный писатель Ай Цин, передал ему свои творческие увлечения. Однако, отношения между отцом и сыном не были гармоничными. Как отмечает Ван Мэйфан, между ними не было глубокой эмоциональной связи, что отразилось в меланхолическом настроении картин Ай Сюаня, свидетельствующем об отсутствии теплой семейной обстановки в его детстве [9, с. 77].

Масляная живопись Ай Сюаня широко признана и оценена, благодаря значимым ключевым аспектам. Один из них заключается в том, что его работы представляют собой уникальное сочетание лирических пейзажей с элементами портретной живописи. В его стиле присутствует множество оттенков характера и чувств. Центральным персонажем его картин часто является маленькая девочка в тибетском халате, чье одиночество на заснеженных плато художник великолепно передает в живописных образах. Образ главной героини органично вписывается в тихие и пустынные пейзажи, словно за каждым полотном скрывается загадочная история, ожидающая, что зрители попытаются ее по своему разгадать [4].

Его заснеженные тибетские пространства прости, с преобладанием холодных и темных оттенков, но вместе они создают гармоничное, тихое и содержательное изображение. Персонажи его картин оставляют неизгладимый след в памяти зрителей, притягивая внимание своим выражением одиночества.

Еще одной значимой живописной особенностью является способ, которым Ай Сюань передает чистый снег на своих картинах, что подчеркивает естественную гармонию тибетского ландшафта. Когда художник мастерски передает это загадочное зимнее состояние на холсте, зритель может почувствовать, глядя на картину, тонкие настроения уединения, задумчивости, что сближает его ментально с персонажами, изображенными в этом удаленном образном мире, недоступном для бесконечной суэты и стрессовой атмосферы мегаполисов.

Как отметил тибетский ученый Бьянба Ционда, творчество Ай Сюаня оказывает значительное влияние на современный художественный мир. Его картины заставляют зрителей почувствовать одиночество и уединение, а также передают национальный тибетский характер [8, с. 53].

Можно уверенно утверждать, что творчество Ай Сюаня представляет собой уникальное и значимое явление в современном контексте китайской масляной живописи. Его работы, вдохновленные темой Тибета, не только передают красоту и уникальность этой культуры, но и являются выразительным средством для отражения внутренних глубоких чувств и эмоций художника, находящих свое проявление в стиле художника. Этот авторский стиль сочетает в себе лирическую эмоциональность, реализм и экспрессионизм.

Современные китайские художники, обращающиеся к теме Тибета, продолжают развивать идеи образного погружения в состояние уединения, заложенные в живописи Ай Сюаня. Среди таких художников можно выделить Чжэн Я (1961–2018), Чжана Ли (1958) и др. В их творчестве прослеживается концепция, сформированная природой Тибета и глубоким личным отношением к человеку. Некоторые из них также стали авторами известных произведений, которые демонстрировались в Минске во время презентаций современного китайского искусства.

В июне 2015 г. в выставочной галерее Национальной библиотеки Беларуси впервые в истории белорусско-китайских художественных контактов в Минске состоялась презентация произведений 12 Всекитайской художественной выставки. Начиная с 1989 г., существует практика передвижных экспозиций китайского искусства в зарубежных странах, на которые отбираются лучшие премированные произведения. Организаторами выставки стали следующие творческие организации: Китайская федерация литературы и искусства, Белорусская конфедерация творческих союзов, Китайская ассоциация художников. Передвижная выставка в Минске включала 23 произведения современных китайских живописцев и графиков среди которых были золотые, серебряные и бронзовые лауреаты 12 Всекитайской выставки. Все работы были созданы за предыдущие пять лет и являются результатом новых поисков и открытий [2].

Тибетскую тему на выставке представляли произведения двух авторов, которые этнически напрямую не связаны с тибетцами. Например, Ма Линь родился в центральной провинции Хебей, а Юй Сюодун – в восточной провинции Ляонин. Но это целенаправленное тематическое обращение во мно-

гом это связано с уважительной творческой позицией, которую выражают в живописи китайские художники, опираясь на достижения своих заслуженных предшественников –Чэнь Даньцина и Ай Сюаня.

Ма Линь в картине «На заре» (2014) создал образ пожилой женщины, которая поднялась на возвышенность по протоптанной в снегу тропинке и встречает утреннюю зарю. Ее фигура на фоне светлого неба и заснеженных горных вершин выглядит очень торжественно и многозначительно.

Отражением живых наблюдений можно считать многофигурную живописную композицию Юй Сюодуна под названием «Праздник Гадань-нгачог» (2014). Она посвящена традиционному массовому ритуалу в г. Лхаса в Тибете. Традиции эти берут начало в XIV в. в честь основоположника школы тибетского буддизма Боддо Зонхава и не прерываются уже более 600 лет. В зимнее время люди с фонарями обходят вокруг древнего монастыря, чтобы почтить память святых. Художник сумел передать трепетное состояние вечерней процесии, лица участников которой освещаются зажженными фонарями. Таким образом, духовные тибетские традиции получают новые перспективы художественного освещения. И это уже может быть в результате свободного приобщения китайских художников ко многим источникам информации о Тибете, ранее недоступной или табуированной.

Новый взгляд на современную жизнь тибетцев можно было также открыть на большой персональной выставке Хань Юйчэня, которая состоялась в феврале 2023 г. в Национальном художественном музее Республики Беларусь [3]. Хань Юйчэн (1954), выдающийся китайский художник, фотограф, и каллиграф. Его вклад в развитие культурного наследия Китая и его искусства неоспорим. Обладая широким кругом знаний, он является одним из наиболее авторитетных исследователей в Китайской национальной академии искусств.

Хань Юйчэн также заслужил признание за границей, став почетным профессором Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. Как исследователь китайской культуры, Хань Юйчэн посвятил себя изучению и сохранению богатого наследия своей страны. Его работы часто становятся объектом обсуждения в академических кругах, внося значительный вклад в понимание истории, традиций и искусства Китая.

Хань Юйчэн, известный художник, заслуженно признан одним из ведущих представителей нового поколения художников, специализирующихся на изображении жизни и обычаях Тибета. Основная тема его творчества – это увлекательное исследование мира и образов тибетских жителей [10, с. 432].

В течении разных десятилетий Хань Юйчэн предпринимал множество экспедиций в различные уголки Тибетского нагорья, погружаясь в наблюдения за традициями и обычаями местных жителей. Результатом его труда стали десятки набросков, фотографий и полотен, отражающих жизнь и культуру тибетцев в самых разнообразных аспектах.

Творчество Хань Юйчэня отличается реалистическим стилем, который позволяет ему достоверно передать зрителю повседневную реальность тибетской жизни. Его картины характеризуются образами монахов, пастухов-кочевников и земледельцев, раскрывая их духовную глубину и внутренний мир.

В работах Хань Юйчэня мы видим не только суровость климата и трудности быта тибетцев, но и гармонию и умиротворение, присущие этому народу. Его картины наполнены радостью жителей, а природа Тибета предстает перед нами во всей своей солнечной яркости и красоте.

В 2013 г. картина «Пастушка» была удостоена престижной первой премии на Осеннем салоне в Париже. Это важное событие подтверждает высокий творческий уровень искусства Хань Юйчэня, его способность привлечь внимание зрителей и оставить неизгладимое впечатление своими работами.

В 2014 г. еще одна работа Хань Юйчэня, «По пути паломничества», была удостоена бронзовой медали на Осеннем салоне в Париже. Этот заслуженный приз подчеркивает постоянную и последовательную высокую художественную значимость его творчества.

Но признание Хань Юйчэня не ограничивается лишь Парижем. В 2019 году его работа была удостоена престижной премии «Лоренцо Великолепный» от президента Флорентийской биеннале на 12-й Международной биеннале современного искусства во Флоренции. Хань Юйчэн – выдающийся представитель нового поколения художников, которые уделяют особое внимание изображению жизни и культуры Тибета. Его работы являются исследованием мира и образов этого уникального региона, где каждый новый сюжет наполнен традициями и историей.

Экспедиции Хань Юйчэня в Тибетские нагорья стали источником вдохновения для его творчества. Он не только наблюдал за жизнью местных жителей, но и глубоко погружался в их традиции и обычаи, чтобы передать их в своих полотнах. Результатом этих усилий стали десятки работ, отражающих богатство и многообразие тибетской культуры.

Стиль Хань Юйчэня, основанный на реализме, позволяет ему достоверно передавать жизнь тибетцев. Его картины наполнены образами детей, паломников, пастухов и земледельцев, каждый из которых становится символом духовности и человеческой душевности.

В работах художника-исследователя правдиво выявлены не только простота быта и суровость климата Тибета, но и гармония и умиротворение, которые присущи этому народу. Его сюжетные композиции наполнены улыбками и радостью жителей, а природа Тибета предстает перед нами во всей своей величественной красоте [5, с. 234].

«Осень в Тибете — великолепное время, которое дарит взгляду золотой цвет без примесей. Однажды на рассвете я заприметил эту пастушку с ее стадом и вдруг понял: реальность настолько прекрасна, что ее не надо даже конструировать. Они сами по себе — идеальная композиция» — говорил Хань Юйчэн [8, с. 57].

В работах Хань Юйчэня «Вперед на вершины ветра и снега»(2014), «Высоко в горах»(2015), «Игра в колья»(2015), «Дети деревни» (2022) и др. мы видим не просто красочное отражение Тибета, а образное воплощение оптимистического характера его современных жителей. Его творчество становится окном в удивительный мир этого региона, где каждый образ, каждый мазок кисти пронизан глубоким уважением к культуре и традициям тибетцев.

Тибетская культура, с ее глубокими традициями и символикой, является для современных китайских художников богатым и вдохновляющим источником образных идей и неповторимых живописных впечатлений. Здесь они нашли новые темы, которые позволили им свободно выразить свои мысли и эмоции, уже не подвергаясь жестким ограничениям, долгое время подавляющим творчество в рамках политических доктрин «культурной революции».

Это обстоятельство привнесло в китайское искусство новые темы, перспективы и формы выражения. В работах художников прослеживается уникальное сочетание реализма и символизма, тонкой лирики и экспрессионизма, которое позволяет передать не только внешнюю красоту тибетского пейзажа и традиционных образов, но и их внутренний мир и духовность.

Художники сумели передать различные аспекты жизни тибетцев, от их ежедневных занятий, таких как пастушеская работа, до религиозных обрядов и паломничества. Их работы являются не только образно впечатляющими, но и призывают к идее сохранения и развития Тибета для будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие культуры в Тибете / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Пекин : Синьсин, 2000. – 36 с.
2. Международное турне 12 Всекитайской художественной выставки : сб. произведений, экспонируемых в Беларусь / под ред. Чжао Шу, Лю Вавэй. – Минск : Нац. худож. музей Респ. Беларусь, 2015. – 61 с.
3. Хань, Юйчэнь. Живопись: альбом-каталог произведений живописи выставке в Гациональном художественном музее Республики Беларусь / Юйчэнь Хань. – Минск : БГАИ, 2023. – 208 с.
4. 中国现实主义。艾轩 China realism. Ai Suan. – Changchun: Publishing House-Jilin Fine arts Press, 2010. – 127 p.
5. 郎邵君。论中国现代美术/邵君郎// 江苏美术出版社. 1988 年. – 344 页。= Лан, Шаоцзюнь. О китайском современном искусстве / Шаоцзюнь Лан. – Издательский дом изобразительных искусств Цзянсу, 1988. – 344 с.
6. 陈丹青。《归国十年：油画速写（2000-2010）桂林：广西师范大学出版社, 2011. – 234 页. = Чэн, Даньцин Возвращаясь в Китай на 10 лет: проекты масляной живописи (2000-2010) / Чэн Даньцин. –, Гуйлинь: Гуанси, университет, 2011. –234 с.
7. 陈丹青。我与西藏组画 北京：中国今日美术出版社, 2011 年-123 页 = Чэн Даньцин. Я рисую Тибет / Чэн Даньцин. – Пекин: Китай сегодня, 2011. – 123 с.
8. 边巴琼达. 西藏题材绘画艺术中的粗犷审美创作范式研究 /琼达边巴// 西藏大学学报 (社会科学版) 2017 年.第 2 期.49–58 页= Бьянба, Цонда. Исследование парадигмы эстетического творчества в тибетской живописи / Цонда Бьянба // Журнал Тибетского университета. 2017. – № 2. – С. 49–58.
9. 刘豆豆。20世纪80年代艺术绘画趋势探析—以对艾轩油画作品的解读为例 /豆豆刘// 审美与艺术学. 2016 年. 第 6 期.76–77 页. = Лю, Дуду. Анализ тенденции художественной живописи в 1980-х годах – интерпретация работ масляной живописи Ай Сюаня в качестве примера / Дуду Лю // Эстетика и искусство. 2016. – № 06. – С. 76–77.
10. 刘淳。中国油画史. 中国青年出版社 /淳刘//2016 年. – 543 页.= Лю, Чунь. История китайской масляной живописи. / Чунь Лю. – Пекин: Китайская молодежная пресса, 2016. –543 с.

Информация об авторе:

Шунейко Евгений Феликович – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой истории и теории искусств Белорусской государственной академии искусств.

КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Л. Е. КРИШТАПОВИЧ

СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В статье раскрывается философско-исторический смысл китайской инициативы построения Сообщества единой судьбы, человечества. Идея единой судьбы человечества обусловлена самой природой человека как доброго и справедливого существа. Таким образом, сама природа человека приводит человечество к признанию своей единой судьбы, а, следовательно, и к признанию актуальности китайского проекта построения Сообщества единой судьбы человечества.

Ключевые слова: китайская цивилизация, природа человека, фарисейская цивилизация, судьба человечества, человеческое сообщество.

L. E. KRISHTAPOVICH

THE COMMUNITY OF THE UNITED DESTINY OF HUMANITY

The article reveals the philosophical and historical meaning of the Chinese initiative for building the Community of shared destiny of the humanity. The idea of the shared destiny of the humanity is caused by the very nature of human beings as kind and fair creatures. Thus, the human nature itself leads the humanity to recognize its shared destiny and, therefore, to recognize the Community of shared destiny of the humanity.

Key words: Chinese civilization, human nature, Pharisee civilization, destiny of the humanity, human community.

В чем принципиальное отличие китайского подхода к современному развитию от западной геополитики? В том, что Китай мыслит прогресс как общее дело всех стран мирового сообщества. Логика здесь такова: существует Китай и другие такие же страны, которые одинаково стремятся к справедливости и счастью, – вот единственно человеческое выражение принципа общего дела, а, следовательно, и принципа прогресса. Китай и другие такие же по природе страны, – что это такое, в самом деле, как не чувство симпатии, ведущее к объединению стран одного и того же человеческого сообщества. Как все люди по своей природе одинаковы (все люди одинаково выражают радость и горе, все люди одинаково хотят быть счастливыми, и никто не хочет быть несчастным), так и все народы по своей природе одинаковы. Что это, как не разумный, хорошо понятый общий интерес, который учит нас тому, что подлинные интересы одних народов не противоречат интересам других народов. Отсюда следует, что когда государство не противопоставляет свой интерес интересам другого государства, то каждое из них словно забывает о своих собственных выгодах, перестает мыслить в логике игры с нулевой суммой, чтобы выработать сознание общего дела, общего интереса для всех государств, что и является условием достижения реальной выгоды и настоящего счастья. Китайский лидер Си Цзиньпин в своем выступлении на Форуме международного сотрудничества на высшем уровне «Один пояс и один путь» 14–15 мая 2017 года акцентировал: «Мы должны сформировать

международные отношения нового типа, центром которых станет сотрудничество и взаимный выигрыш. Мы должны создавать партнерство на основе диалога, а не конфронтации, создавать союз единомышленников, а не альянс» [9, с. 20]. Историческое проклятие западных государств, в том числе и США, в том и состоит, что, навязывая собственный греховный интерес другим государствам в качестве их собственного интереса, они тем самым культивируют чувство вражды, ведущее к разъединению стран и постоянной войне внутри одного и того же по своей природе человеческого сообщества.

В чем заключается феномен китайской цивилизации?

Во-первых, китайская цивилизация – это единственная в современном мире цивилизация, которая сохранилась с древнейших времен.

Во-вторых, китайская цивилизация – это единственная светская цивилизация в истории человечества. Китай, как отмечает профессор Ван Ивэй, «представляет собой возрождение восточной цивилизации, а также единственной в истории человечества светской цивилизации. [3, с. 19].

Как единственная цивилизация, сохранившаяся с древнейших времен, китайская цивилизация характеризуется исторической связью времен, гармонией традиций и новаций. То есть только китайская цивилизация является подлинной исторической цивилизацией.

Как единственная светская цивилизация в истории человечества, китайская цивилизация лишена фарисейства и является подлинно гуманной цивилизацией, соответствующей природе человека как гуманного существа.

Все религиозные цивилизации являются фарисейскими цивилизациями, а, следовательно, антигуманными цивилизациями, поскольку они поклоняются не богу, а мамоне, противоречат природе человека, которой не свойственны несправедливость, зло, лицемерие. Даже если религиозные цивилизации декларировали светский характер своего государственного устройства, тем не менее они продолжают оставаться фарисейскими, поскольку неисповедимость путей господних всего лишь заменяется неодолимой силой «невидимой руки рынка».

Феномен китайской цивилизации основывается именно на природе человека. В этом плане китайская цивилизация не только уникальна, но и универсальна. Ущербность или ограниченность всех фарисейских цивилизаций, в том числе и западной, состоит в том, что они извращают природу человека, порывают связь с человеческим бытием.

А какова природа человека? Природа человека вытекает из смысложизненной установки человека. Человек хочет быть счастливым – это его жизненное кредо. Все люди хотят быть счастливыми. Нет людей, которые хотели бы быть несчастными. Из этой жизненной аксиомы вытекает следующее положение: человек по своей природе доброе, гуманное существо. Если бы человек по своей природе был недобрым существом, то он изначально был бы несчастным существом, что противоречило бы его жизненной аксиоме – быть счастливым. Ведь никто не согласиться с утверждением, что злой, недобрый человек может быть счастливым человеком. Следовательно, мы име-

ем право утверждать, что все люди, все народы одинаковы по своей природе, все они хотят быть счастливыми, а значит все они имеют одну и ту же единую судьбу. И в отношениях между ними нет места несправедливости, насилию, злу, лицемерию.

Все религиозные цивилизации, наоборот, искажают, извращают природу человека, поскольку исходят из признания человека греховным существом, носителем первородного зла. А раз человек грешник – значит он несчастный. Грешникам уготован ад, а не рай, то есть несчастье, а не счастье.

Важно понять, что сознание человека обусловлено природой человека как доброго, справедливого существа. Любой человек хочет, чтобы к нему относились справедливо. Нет ни одного человека, который бы добровольно согласился с несправедливым к нему отношением. Такова природа человека. Такова сущность сознания человека. Китайская цивилизация как раз и заключает в себе знание того, как устроено человеческое сознание. Как отмечал китаевед Бронислав Виноградский, «и это знание очень высокого уровня, которого до сих пор не может достичь современная наука, психология и философия. В Китае было принято понимать человека в целостности его поведенческих стереотипов» [8].

Китайское знание о сознании человека как раз и основывается на знании природы человека как доброго, гуманного существа. В этом плане показательна конфуцианская роспись человеческих качеств: «почтительность, великодушие честность сметливость», иерархию которых венчает доброта. Как говорит Конфуций, только добрый человек «может распоряжаться, то есть управлять людьми» [1, с. 634]. В этом и заключается принципиальное различие между китайской и западной буржуазной ментальностью. Американский психолог Эверетт Шостром писал, что стиль жизни западного человека базируется на четырех китах: «ложь, неосознанность, контроль и цинизм» [13, с. 34]. Поэтому совершенно несостоятельны попытки западных идеологов объяснить феномен Китая в современном мире путем экстраполяции западного буржуазного миросозерцания на современную китайскую действительность и политику.

Китайский философ Чжао Тиньян в своей книге «Система Поднебесной: введение в философию мировой системы» (2013) изобразил китайскую модель мирового порядка, которая в корне отличается от западной модели, базирующейся на «идеологии империи». На основании анализа работ мыслителей Древнего Китая Чжао Тиньян показал, что понятие «поднебесная» означало вселенную, которая является беспределной, то есть бесконечной. И этот взгляд на мир радикально отличается от западной модели борьбы интересов, субъектами которой выступают национальные государства. Придерживаясь иерархии от большого к малому: «поднебесная – государство – семья», китайские мудрецы неизменно стремились к достижению гармонии между всеми уровнями [15, с. 4].

«Система поднебесной» в отличие от «идеологии империи» не признает, что существуют враждебные или конкурирующие «другие», она исходит из

того, что каждый «другой» является составной частью этой беспредельно необъятной «поднебесной», поэтому в этой системе абсолютно исключены всякие «битвы цивилизаций». «Система поднебесной» в отличие от «идеологии империи», которая остается философско-культурной матрицей западной цивилизации, представляет собой универсальную концепцию и новый способ мышления крайне необходимыми современному миру.

Китай же инициирует новую парадигму прогресса человечества – развитие мира через международную интеграцию. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая на форуме-диалоге 30 ноября 2017 года в Пекине между Компартией Китая с различными политическими партиями мира, подчеркнул, «что безопасность одной страны невозможно обеспечить за счет других. Необходимо создавать архитектуру безопасности, которая будет характеризоваться равенством, справедливостью, совместным строительством. Предстоит создавать мир без бедности, мир процветания» [4, с. 2]. Само собой разумеется, что только на основе мира как общего дела всего мирового сообщества можно объединить все страны и народы. И понятно, что только на основе такой концепции развития человечества возможна реализация самого мирового прогресса, а, следовательно, и построения Сообщества единой судьбы человечества.

Сообщество единой судьбы человечества объективно должно исходить из того фундаментального принципа, что как отдельный человек, так и человеческое сообщество в целом по своей природе праведны, добры, а не грешивы, злы, что все люди, а, следовательно, и все народы одинаково стремятся к справедливости, равенству и счастью. Отсюда у всех нас одна судьба, а значит, мировая цивилизация вступает в период своего безопасного, мирного и счастливого развития. Тем самым снимается историческое проклятие Запада, когда счастье незначительной части человечества основывалось на несчастье большинства человеческого сообщества. Тем самым государства избегают ловушки Фукидida и достигают общего выигрыша [14, с. 34]. Как отметил видный политик Китая Ван И, Си Цзиньпин «предложил всему миру китайский проект по противодействию глобальным вызовам, с которыми сталкивается человеческое общество, при этом превратил сгенерированные китайской стороной концепции в международный консенсус» [2, с. 21].

Чтобы сохранить несправедливость международных отношений, которая основывается на неоколониалистской политике бесплатного присвоения западными корпорациями природных, трудовых и интеллектуальных ресурсов незападного мира, США и Евросоюз стремятся противодействовать строительству Сообщества единой судьбы человечества путем культивирования всяческого недоверия к политике Китая и России. Ведь как российские, так и китайские эксперты прекрасно понимают, что союз Китая и России способен не только парализовать все враждебные акции в отношении их стран, но и является главным условием реализации величественного проекта современности – построения Сообщества единой судьбы человечества. «Необходимость “спина к спине” реагировать на все вызовы извне и “рука об руку”

идти к развитию сотрудничества» между Китаем и Россией. «Таким образом, можно с уверенностью говорить, о том, что тренд сотрудничества и взаимной выгоды между Россией и Китаем по-прежнему един» [10, с. 21].

В ряду этой экзистенциальной войны, развязанной Западом против Китая и России, используются следующие аргументы.

Китай скрытен, утверждают западные идеологи, а поэтому ему нельзя доверять. На чем основана эта аргументация? На том, что вся западная система построена на коммерческой и банковской тайне. Поэтому западные критики Китая сами того не осознавая, переносят свои представления с западного на китайское общество.

Китай, продолжают западные политологи, демографически огромен, следовательно, китайцы заполонят западные страны и наступит конец западному образу жизни, западному благоденствию. Что на это можно сказать?

В свое время Англия, Франция и другие западные страны развязывали против Китая опиумные войны, травили китайцев наркотиками, грабили китайские ценности и это называли европейской цивилизацией, свободой торговли и европейской демократией. Китайцы же в западных странах, в отличие от европейцев в Китае, никого не грабят, никому не навязывают своих ценностей, а устраивают производства, организуют торговые предприятия, участвуют в инвестиционном сотрудничестве, тем самым решая проблему удовлетворения потребностей западных граждан. Разве не очевидно, что это не угроза, а благо как для китайцев, так и для европейцев. Как справедливо заметил китайский исследователь в области торговли Мэй Синьюй, «нет ничего, чтобы с еще большей очевидностью показывало разницу по духу между современным Китаем и западными странами. Китай уверен в себе, страна все шире открывает двери для иностранных бизнесменов и инвестиций. В то время как западные страны, наоборот, предпринимают ужесточение политики в отношении иностранных бизнесменов и инвестиций, так необходимых для их социально-экономического развития» [6, с. 4].

Особенно это ревнивое отношение к грандиозным достижениям Китая в современном мире относится к политике США. Здесь надо иметь в виду, что долгое время США поддерживали уровень жизни в своей стране за счет низких цен на китайский импорт. Однако после вывода производства в КНР они потеряли миллионы рабочих мест. Так возник Ржавый пояс с его обезлюдевшими и одичавшими городами (Чикаго, Детройт, Акрон, Питсбург, Кливленд, Цинциннати, Коламбус, Индианаполис, Милуоки, Сан-Франциско – бывшие центры автомобильной, резиновой, сталелитейной империи мира). Заброшенными оказались торговые центры, супермаркеты, рестораны, отели, кинотеатры и даже церкви – будучи объектами историко-культурного наследия с готической архитектурой, превратились сегодня в руины, не подлежащими восстановлению. Десятилетиями США удавалось держать низкой кредитную ставку за счет того, что Китай скупал гособлигации США. Однако Пекин последние пять лет распродает американские бумаги, сократив свои запасы почти на четверть от максимума. И вот уже кредитная ставка в США

обновляет рекорды, а вслед за ней стремятся и ставки по ипотеке. От 8,5 до 20,5 процента берут сегодня за кредит в США – старожилы такого не припомнят. Одновременно Китай сокращает товарооборот с США и наращивает с другими странами, в том числе с Россией. США тоже пытаются отвязаться от КНР, увеличивают поставки из Мексики, Вьетнама, переносят производство в Латинскую Америку. Однако зависимость США от многих позиций китайского импорта остается критической. Если сорок лет назад янки заманили Китай необычайно щедрым подарком – доступом на свой самый богатый в мире потребительский рынок, то сегодня в КНР подрос гигантский средний класс – и вот уже американцы боятся потерять китайский рынок. Где еще будут собирать такие деньги голливудские кинокомпании, кто еще будет раскупать новые партии айфонов и джинсов Levi's?

В этом плане показательно, в каких декорациях проходил саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) 15-16 ноября 2023 года в Сан-Франциско. Сан-Франциско некогда красивейший город США в последние годы превратился в сущий бомжатник. «Десятки тысяч бездомных бедняков спят на улицах в центре города. Чтобы как-то исправить картинку с саммита, все подходы к местам проведения встреч АТЭС огородили трехметровым забором, но под каждым забором по-прежнему валяется очередной бедолага – то ли в наркотической коме, то ли в алкогольной» [19]. Фотографии из Сан-Франциско разошлись по китайским соцсетям и стали предметом шуток. «Ни в одном (даже самом бедном) городе Китая такое просто представить невозможно. И не потому, что полиция отлавливает бездомных, а потому, что Китай – мировой рекордсмен по обеспечению граждан собственным жильем» [7].

Китай «недемократичен», а поэтому, заявляют западные эксперты, европейская демократия находится под угрозой. Здесь вся проблема в том, что необходимо понимать под демократией. Западные идеологи под демократией понимают власть денег. Кто имеет деньги – тот и демократ. У кого больше акций, тот еще больший демократ. Почему в западных трактатах США изображаются витриной демократии? Потому, что доллар США – это мировая валюта, следовательно, заключают западные политологи, США – это мировая демократия. Разумеется, это не демократия, а олигархия. В Китае же под демократией понимают интересы народа. И это абсолютно правильная трактовка подлинной демократии. В этом плане Китай сегодня является наиболее демократической страной в современном мире.

Как отмечают китайские политологи, их идеологическая доктрина «социализм с китайской спецификой», свою идеологию китайцы не навязывают в мировом масштабе «мечом и крестом», как это делал и делает Запад и, особенно, США со своими так называемыми «толерантностью», «плюральизмом», «общечеловеческими ценностями». Китайцы не собираются копировать американскую гегемонию. Они хотят «для себя новой роли в мире с китайской спецификой» [11, с. 35].

Против России западные идеологи выдвигают такой аргумент. Дескать, Россия не уважает международное право, нарушает международный порядок, не признает территориальной целостности других государств, намекая на воссоединение Крыма со своей исторической родиной и проведение Специальной военной операции на Украине. Понятно негодование Запада по поводу крымского референдума, но все это не имеет никакого отношения к нарушению международного права и принципа территориальной целостности государств. Наоборот, реализовав свое демократическое право на воссоединение Крыма с Россией, крымчане тем самым восстановили и принцип территориальной целостности своей страны, ибо исторически, цивилизационно, культурно, ментально Крым всегда считался неотъемлемой частью российской территории. Необходимо понимать, что во времена СССР Крым находился только во владении Украины, но не в ее собственности, поскольку, с точки зрения международного права, он принадлежал не Украине, а СССР. Приняв участие в разрушении СССР, украинская элита сама отказалась от принципа территориальной целостности и тем самым потеряла право на владение Крымом, что и было юридически зафиксировано на крымском референдуме о воссоединении Крыма с Россией. Кстати, киевский националистический режим отказался и от такого важного принципа Устава ООН, как признание национального равноправия (в частности, языкового равноправия), что привело к проведению референдумов в Донбассе и на юге-востоке Украины и воссоединению этих территорий с Россией.

Президент России Владимир Путин на пресс-конференции «Итоги года» 14 декабря 2023 года сказал: «Мы видим, что происходит и вокруг России, и вокруг Китая. Видим попытки Запада переключить на Азию и в сторону Азии деятельность НАТО, явно выходящие за рамки уставных целей этой организации – Североатлантического блока. Он же называется Североатлантический блок – что ему делать в Азии? Нет, тащатся в Азию, провоцируют там, накаляют обстановку, создают новые военно-политические блоки в разном составе.

Мы с Китаем ничего подобного не делаем. Да, мы сотрудничаем и в военной области, и в экономической, и в гуманитарной, но мы никаких блоков не создаем. И наша дружба не направлена против третьих стран, она направлена на пользу нам самим, но не против кого бы то ни было» [5, с. 12].

Вот почему все аргументы западной дипломатии, направленные против Китая и России, теоретически несостоятельны, исторически некорректны и политически лицемерны.

Таким образом, китайскую инициативу строительства Сообщества единой судьбы человечества следует рассматривать как цивилизационный проект создания новой интеграционной системы международных отношений открытого типа. Фактически речь идет о выработке общего интереса для всего мирового сообщества. Если Запад к проблеме мирового развития подходит через призму блокового мышления и постоянной конфронтации с незападными государствами, то принципом мира по-китайски является идеал Сооб-

щества единой судьбы человечества, которое основано на совместном развитии и прочном мире. [12, с. 7]. Если Запад рассматривает развитие мира через призму блокового мышления, через войну, то Китай исходит из того, что создание счастливого человеческого мира может осуществляться только через общий интерес всего человечества, через строительство Сообщества единой судьбы человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беседы и суждения Конфуция. – СПб.: «Кристалл» 1999. – 1120 с.
2. И, Ван. Внешняя политика Китая вступает в новую эпоху / Ван И // Китай. – 2018. – № 1.
3. Ивэй, Ван. Сближение Китая и России даст тройной стратегический эффект / Ван Ивэй // Китай. – 2014. - № 3. – С. 19.
4. Делегация КПБ приняла участие в международном форуме партий в Пекине // Коммунист Беларуси. 15.12.2017.
5. Мир настанет, когда победим // Стратегия России. – М., 2024. – № 1.
6. Синьюй, Мэй. Двери Китая будут распахиваться все шире / Мэй Синьюй // Китай. – 2017. – № 11.
7. Никифорова, В. Появился инсайд о «договорняке» Китая и США / В. Никифорова. – Режим доступа: ria.ru/20231115-1909566142.html. – Дата доступа: 15.11.2023.
8. О чем на самом деле «Искусство войны». – Режим доступа: eksmo.ru. – Дата доступа: 20.03.2024.
9. Си Цзиньпин. Совместно продвигать строительство «одного пояса и одного пути» / Цзиньпин Си // Китай. – 2017. – № 6. – С. 20–21.
10. Станченко, Л. Глобализация, но не та... / Л. Станченко // Китай. – 2017. – № 5.
11. Тавровский, Ю. Глобализм с китайской спецификой / Ю. Тавровский // Китай. – 2017. – № 10.
12. Тавровский, Ю. Китай предлагает человечеству путь созидания и мира – создание сообщества единой судьбы человечества / Ю. Тавровский // – Китай. – 2018. - № 1.
13. Шостром, Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор / Э. Шостром. – Минск: Полифакт, 1992. – 127 с.
14. Хань Цинсян. Формирование сообщества единой судьбы человечества / Цинсян Хань // Китай. – 2017. – № 11.
15. Дайюнь, Юэ. Мир нуждается в «новой идее» Китая / Юэ Дайюнь // Китай. – 2013. - № 11. – С. 4.

Информация об авторе:

Криштапович Лев Евстафьевич – доктор философских наук, профессор кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь.

Е. Ю. СТАБУРОВА

**«ВЛАСТЬ – КНИГА»
И «ВЛАСТЬ КНИГИ»
(ЦЕНТРАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ
В КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКЕ КНР
В 2023 ГОДУ)**

Статья посвящена ключевому событию в культурной жизни Китая в 2023 году – открытию Китайского государственного архива печатных изданий, которое рассматривается автором статьи через призму дилеммы «власть – книга» и концепцию «власть книги». В КНР реализован грандиозный проект по сохранению и демонстрации культурных артефактов страны, наиболее ценной частью которых являются книги. Информация о новой организации практически не вышла за пределы Китая.

Статья знакомит с центральным архивным комплексом в Пекине, с его архитектурой и книжными коллекциями, упоминая такие всемирно известные издания, как «Цяньлун дацзан цзин», «Сыку цюаньшу» и ксилографы из государства Си Ся.

Рассказ об Архиве включен автором статьи в широкий контекст взаимоотношений государственной власти и книги в истории человечества, которые могли приобретать разные формы, от поддержки книгопечатания со стороны властей до расправы над книгами. Но книга сама является субъектом влияния, и власть книги может стать сильнее политической власти, что подтверждает судьба сборника XVIII века «Да и цзюэ ми лу».

Сейчас, когда во многих странах мира подвергаются ревизии культурные основы, Китай оказывается в авангарде стран, борющихся за историческую память. Его руководство демонстрирует приверженность своей культуре, расставляя акценты с учетом требований XXI века. С одной стороны, оно считается с «властью книги», с другой стороны, в продолжении темы «власть – книга» обнаруживает подлинный интерес к сохранению и дальнейшему развитию китайского книжного дела. Эту новую реальность, с опорой на традиции, призван воплотить в жизнь Китайский государственный архив печатных изданий.

Ключевые слова: Китайский государственный архив печатных изданий (中国国家版本馆), Си Цзиньпин (习近平), «Цяньлун дацзан цзин» (乾隆大藏经), «Сыку цюаньшу» (四库全书), «Да и цзюэ ми лу» (大义觉迷录), Симпозиум по вопросам культурного наследия и развития (文化传承发展座谈会).

Je.Ju. STABUROVA

**"STATE POWER – BOOK" AND "BOOK POWER"
(THE CENTRAL EVENT IN CHINA'S CULTURAL
POLICY IN 2023)**

The article is devoted to the key event in China's cultural life in 2023 – the opening of the China State Archive of Printed Publications which the author of the article examines through the lens of the historical dichotomy of "state power – book" and the concept of "book power". A grand project to preserve and display the country's cultural artifacts, the most valuable of which are books, has been implemented in the PRC. Information about the new organization practically did not go beyond China.

The article introduces the central Archive Complex in Beijing, its architecture and book collections, mentioning such world-famous publications as the "Qianlong Dazang Jing", the "Siku Quanshu", and the woodblock prints from the Xi Xia state.

The author of the article included the story about the Archive in the broad context of the relationship between state power and books in the history of mankind, which could take various

forms, from support for book printing by the authorities to reprisals against books. But the book itself is a subject of influence, and the power of it can become stronger than political power, as confirmed by the fate of the 18th century book "Da yi jue mi lu".

At the time when many countries around the world are reconsidering their cultural foundations, China finds itself at the forefront of countries fighting for historical memory. Its leadership demonstrates a commitment to its culture while setting the accents on the demands of the 21st century. On the one hand, it takes into account the "book power", on the other hand, continuing the theme of the "state power – book" it reveals a genuine interest in the preservation and further development of Chinese printed publications. The China State Archive of Printed Publications is called upon to bring this new reality to life while building on traditions.

Key words: China State Archive of Printed Publications (中国国家版本馆), Xi Jinping (习近平), "Qianlong Dazang Jing" (乾隆大藏经), "Siku Quanshu" (四库全书)), "Da Yi Jue Mi Lu" (大义觉迷录), Cultural Heritage and Development Symposium (文化传承发展座谈会).

Главными вопросами, занимающими экспертов по Китаю сегодня является экономика, трения между внутренними группировками, военный потенциал, международная политика. Вопросы культуры обычно остаются в тени. Между тем, политику в области культуры можно рассматривать как своего рода градусник, измеряющий общую температуру в стране. С другой стороны, культурная политика не существует в отрыве от экономики и даже от уровня готовности армии защищать свою страну, причем связь между культурной и любой другой областью жизнедеятельности государства обоядная.

Открытие Китайского государственного архива печатных изданий

В 2023 году в Китае открылся Китайский государственный архив печатных изданий (Чжунго гоцзя бандъбэнъ гуанъ, 中国国家版本馆). Создание такого масштабного хранилища книг и других ценных артефактов духовной и материальной культуры является важным событием даже для современного Китая, привыкшего за последние десятилетия к реализации громких проектов. Несмотря на грандиозность и важность завершения работ по созданию

Архива печатных изданий, информация о нем практически не вышла за пределы страны.

Сразу же возникает вопрос с переводом названия нового учреждения, с которым не справляются интернет-словари и смысл которого «убегает» от современных носителей китайского языка. Лексема *бандъбэнъ* (版本) изначально имела смысл «печатного издания», «печатной книги» [1, с. 2]. Видимо, на каком-то этапе идея *книги* переросла в замысел создания центра китайской древней и современной культуры в самых разных её проявлениях, поэтому организация пополнилась новым, не отраженным в названии, смыслом – культура. Заместитель директора филиала Архива в Ханчжоу Чжан Пу (张璞) подтвердил наше предположение. Он сказал, что сначала понятие «печатное издание» подразумевалось в узком смысле как бумажная книга и как знаки, нанесённые разными инструментами на поверхности предметов до изобретения полноценного письма. Но в широком смысле это понятие включает в себя любую информацию о китайской цивилизации. Средства для записи и поддержания информации могут быть самыми разными – от маленьких (документ или печать) и до монументальных (здание). «Всё может стать *бандъбэнъ*», – заключил Чжан Пу [2].

Итак, в 2023 году в Китае появился абсолютно новый институт по инвентаризации, обеспечению сохранности, научной обработке и демонстрации культурного наследия страны, начиная от рукописных документов, ксилографов, личных печатей, почтовых марок и до зодчества. И все же самое почетное место в этом грандиозном по размерам проекте, если отталкиваться от названия, отведено книге.

Что из себя представляет новый Архив?

Китайский государственный архив печатных изданий разместился в 50 км от центра Пекина на трехуровневой горной террасе, к которой с севера и запада примыкают отроги горы Яньшань, с южной и восточной стороны – протекает река. Это архитектурный шедевр комплекса строений в стиле классических закрытых китайских двориков (и дворцовых палат), четырехугольных в плане, – *юаньло* (院落). Концепции классической китайской архитектуры пронизывают собой всё пространство, где представлены горы, воды, деревья, чистый горный воздух. Будучи собранными вместе, они как бы иллюстрируют две китайские максимы о многообразии мира и о том, что всё многообразие всегда устремляется к единству – «Море под небесами принимает сто потоков» (*тянь ся хай на бай чуань*, 天下海纳百川) и «Четыре моря возвращаются к одному» (*сы хай гуй и*, 四海归一). Не трудно заметить, что архитектурный замысел вобрал в себя традиционную китайскую эстетическую концепцию «гор и вод» как выражение прекрасного, умиротворенности, мудрости, здоровья.

Репозиторий спланирован и построен глубоко под землей, поэтому получил название «Пещера» (*Дунку*, 洞库). В него можно попасть из главного здания. Подземные сооружения призваны дать гарантию того, что возможные стихийные бедствия, изменения климата или военные действия не приведут к гибели китайского культурного богатства. Вход и выход из «Пещеры» называются соответственно «Терраса архидей», или устаревшее значение – «Архив» (*Ланьтай*, 兰台), и буддийским термином «Комната исцеления» (*Тань ши*, 檀室). Вход находится на южной стороне. «Пещера» простирается вдоль горного рельефа и развертывается на местности как открытые (строения) и скрытые (углубленные) зоны. Она имеет подковообразную планировку и разделена на 12 независимых помещений, площадью около 500 квадратных метров каждое. В семи подземных помещениях собраны особо ценные предметы.

Подземное хранилище № 1 носит название «Хранилище дракона» (*Лун цзан*, 龙藏), другое его название – «Каноны дацзана (трипитаки) императора Цяньлуна» (*Цяньлуун дацзан цзин*, 乾隆大藏经). Тут размещены 1600 буддийских сочинений в виде 79036 пластин из грушевого дерева с выгравированными на них и подготовленными для оттисков на бумаге текстов на китайском, тибетском, монгольском и маньчжурском языках. Этот памятник XVIII века предлагается для обозрения в качестве экспозиции выставки под названием «Соединенная яшма досок для печатания канонов на китайском, монгольском, тибетском, маньчжурском языках» (*Хань, мэн, цзан, мань цзин башь хэ би*, 汉蒙藏满经版合璧) [3].

Особую ценность представляют лишь частично дошедшие до наших дней ксилографы текстов XII века из государства Западное Ся [4]. Они также располагаются в хранилище № 1.

Подземное хранилище № 2 отдано под грандиозное издание, равного которому нет в мире – «Все книги по четырем разделам» (*Сы ку цюань шу*, 四库全书). По мнению китайского историка Ван Вэйцина, «это действительно величайший проект в истории культуры нашей страны» [5, с. 78].

Собрать труды, зачастую сверхобъемные, создававшиеся в стране длительной письменной культуры на протяжении 2,5 тысяч лет, разбить их на классы, систематизировать, отредактировать, откорректировать, переписать в семи экземплярах – такое смог реализовать только Китай при личном участии императора Цяньлуна.

Хуан Айпин – историк, многие годы занимающаяся «Сыку цюаньшью», предлагает оценивать это собрание не только как бесценный памятник письменной культуры Китая, но и как то, чему люди обязаны «сохранению самой сути великолепной культуры китайской нации протяженностью в несколько тысячелетий» [6, с. 388].

Многие старые тексты сохранились только потому, что оказались включенными в «Сыку цюаньшу». Эту мысль проводят авторы труда «Культура китайской книги». Они полемизируют с Лу Синем, который в свое время писал, что «маньчжуры собрали «Сыку цюаньшу», но уничтожили старые книги». По их мнению, «мы все же должны видеть, что собрание «Сыку цюаньшу» представляет собой важный исторический материал для изучения политики, экономики, науки и техники, философской мысли, литературы и искусства древних периодов нашей страны» [7, с. 262].

Внутреннее пространство пещеры № 2 занимают помещённые в ларцы тома «Сыку цюаньшью». Внешнее пространство отведено под постоянно действующую выставку, рассказывающую об истории книжного собрания и практической работе по его сохранению, защите и публикации [3].

Власть и книга

Всем хорошо известно о непростых отношениях между властью и книгой, складывавшихся у человечества на протяжении веков. Тексты на глиняных ли табличках, костях животных, папирусе, бамбуковых пластинах, коже, камне, шёлке, бумаге, или как сейчас – на экране, несут в себе смыслы, которые могли совпадать с интересами правящих кругов, но нередко противоречили им. Многие общества в мире пережили периоды, когда местные владыки ополчались против протокниг и книг, устраивали над ними расправу, а одно и над их авторами и читателями. Прошел через это и Китай, знавший костры из книг при Циньшихуане, уничтожение буддийской литературы в позднетанское время, практику переписывания и уничтожения старых текстов, не отвечающих вкусам правителей или просто редакторов. Еще живы люди, пережившие гонения на литературу во время «культурной революции». Но блестящие и разнообразные образцы китайской многовековой по-

лиграфии, дошедшие до наших дней, свидетельствуют о том, что тучи книжной инквизиции расходились и над страной снова и снова поднималось солнце, разгонявшее мрак невежества.

Были в истории Китая также периоды очень тонкой грани, на которой строились взаимоотношения власти и книги. В качестве примера можно привести книгу XVIII века «Записи о великой правде, просвещающей заблудших» (*Да и цзюэ ми лу*, 大义觉迷录). В ней по приказу маньчжурского императора Юнчжэна были собраны фрагменты из сочинений противников маньчжиров с контраргументами самого императора, вступившего с ними в полемику. А чтобы все подданные империи могли ознакомиться с предметом спора, книга была разослана по учебным заведениям того времени. Всем вменялось в обязанность читать книгу, в которой содержались утверждения о том, что маньчжиров следует считать зверями и птицами, а не людьми, и знакомиться с доводами императора, опровергавшего это мнение. Иными словами, власть, поверив в силу своих доводов, надеялась на то, что читатель сам выберет «правильную сторону». Когда в 1911 году разразилась Синьхайская революция под лозунгом «мести маньчжурам», стало окончательно понятно, что уже запрещенная к тому времени книга возымела обратное действие тому, на что рассчитывал уверенный в силе своих аргументов император – книга сработала не на примирение китайцев с маньчжурами, а на усиление вражды к ним. Казус с «Да и цзюэ ми лу» демонстрирует что отрицательное влияние книги на читателя может оказаться сильнее, чем фактор власти, ожидающей от книги положительного эффекта [8].

Архив в контексте современного Китая

О значении, которое власти Китая придают Архиву, свидетельствует участие руководителя государства, коммунистической партии и армии Си Цзиньпина в его создании. 1 июня 2023 он посетил Государственный архив печатных изданий Китая, официальное открытие которого состоялось лишь спустя два месяца. 2 июня в Китайской Академии исторических наук состоялся Симпозиум по сохранению и приумножению культурного наследия, где Си Цзиньпин рассказал о своих впечатлениях от посещения Архива. Помимо всего прочего, он упомянул о личном вкладе в реализацию этого проекта: «Хочу подчеркнуть, что я очень озабочен судьбой этих драгоценных классических печатных изданий, переживших периоды превращения «морей в тутоевые поля и тутоевых полей в моря» в ходе исторического развития китайской цивилизации. За строительством Государственного архива печатных изданий я следил с особым вниманием, лично одобрил проект. В сердце самого начала была цель – на нашем историческом отрезке собрать все классические книги и материалы, которые возможно собрать из дошедших до нас с древности, обеспечить им сохранность, и продолжать передавать дальше единственную в мире непрерывную цивилизацию». Во избежание разнотечений, которыми грешат переводы, приведем китайский источник: «我十分关心中华文明历经沧桑流传下来的这些宝贵的典籍版本。建设中国国家版本馆

是我非常关注、亲自批准的项目，初心宗旨是在我们这个历史阶段，把自古以来能收集到的典籍资料收集全、保护好，把世界上唯一没有中断的文明继续传承下去» [9].

В современном Китае государство сохраняет за собой право ограниченного контроля за выпускаемой литературой и заботится о том, чтобы не прерывался поток изданий, разъясняющих политику партии и правительства. Но генеральная линия не отменяет того факта, что уже долгое время существуют многочисленные издательства, которые востребованы и пользуются официальной поддержкой. В каждом крупном городе возведены книжные магазины, больше похожие на дворцы, где читатель целыми днями может бродить среди книжных собраний. Не имеющие просторных помещений магазины зачастую от пола до потолка забиты печатной продукцией. Сети подобных магазинчиков и книжные развалы стихийно возникают в разных частях городов, но особенно в больших количествах они появляются рядом с университетскими кампусами. Китай – страна, подарившая человечеству бумагу, тушь, технологию печати с резных досок, а через десять веков – наборный шрифт, цветные гравюры, где первые сохранившиеся тексты относятся к XIV в. до н.э., сейчас является страной книжоцеев. И в этом смысле создание Государственного архива печатных изданий следует рассматривать как важную ступень дальнейшего развития книжного дела в Китае.

Появление Архива, при создании которого применялись самые новейшие инженерно-технические решения, призвано способствовать тому, что накопленное Китаем книжное богатство, станет ближе современному человеку и будет лучше им восприниматься.

Помимо центрального отделения в Пекине, были также открыты филиалы Архива в Сиане, Ханчжоу и Гуанчжоу.

К настоящему времени (2024 год) Государственный архив печатных изданий Китая находится в состоянии формирования своих коллекций.

Кроме увеличения количества книжных раритетов, предполагается расширение его фондов за счет архивных документов, религиозной литературы. Стояятся планы относительно перевода сюда гадательных костей.

К столетию КПК в 2021 году в Китайских библиотеках стали создаваться «Красные архивы» (*Хунсэ данъань*, 红色档案), то есть, собрания любых документов и публикаций о прошлом и настоящем КПК. В Архиве печатных изданий также предусмотрена отдельная структура в виде «Красного архива» [9].

Главные задачи, стоящие перед Архивом, сводятся к собиранию и организации хранения книг и других предметов культуры Китая, начиная с глубокого прошлого и вплоть до сегодняшнего дня.

Архив прежде всего обращен к читателям и всем, кому небезразлична китайская книга. Для них открыты читальные залы. Огромные площади отведены под выставки для постоянных и временных экспозиций из печатных изданий, картин, образцов каллиграфии, предметов материального искусства.

Архив – это также научная площадка, на которой расположились Центр библиографических исследований, Центр информационной обработки изданий и Центр книжной реставрации.

Связи с современными авторами будет поддерживать Центр по присуждению литературных премий.

К сожалению, из опубликованных по случаю открытия Архива статей не совсем понятно, каким образом книгохранилище будет пополняться письменными и другими культурными реликвиями. Означает ли это перемещение коллекций на новое место? Готовы ли к этому прежние хранители музеев и библиотек? Трудно представить себе, как на практике будет реализоваться амбициозный проект по переводу «всех классических книг и материалов, которые возможно собрать из дошедшего до нас с древности» в одно место. Очевидно, что сотрудниками Архива еще предстоит большая работа по конкретизации состава коллекций. Можно предположить, что комплектация объектов хранения будет осуществляться не только в виде материальных предметов, но также в виде электронных баз данных. Это решение неизбежно будет принято еще и потому, что большое количество артефактов китайской культуры оказалось за пределами страны. Уже первые заявленные Архивом выставки рассчитаны на цифровое воспроизведение старинных книг и воссоздание виртуальной обстановки их исторических хранилищ.

Заключение

Культурная политика КНР в 2023 году ознаменовалась завершением со-здания доселе невиданной площадки для хранения и продвижения в общество китайской старинной и новейшей книжной продукции, равно как и широкого спектра культурных артефактов, по большей части связанных с книгами и текстами – Государственного архива печатных изданий. Супертехно-логичные решения вкупе с природоохранительной (эко) повесткой, приме-нённые в ходе строительства помещений, являются примером совмещения новых подходов с закладывавшимся на протяжении тысячелетий фундамен-том.

Открытие Государственного архива печатных изданий Китая в 2023 году имеет планетарное значение – прогнозируется, что по мере ускорения разви-тия искусственного интеллекта в течении ближайшего будущего человечес-тво выйдет на совсем новый уровень самоосознания и форм жизни, поэтому именно сейчас актуализировалась задача по фиксации, каталогизации и обес-печению сохранности всего, что было создано людьми в области культуры, и, в первую очередь, того, что имеет текстовое обеспечение.

Сейчас, когда во многих странах мира шатаются и пересматриваются культурные основы, Китай оказывается в авангарде стран, борющихся за ис-торическую память. Руководство страны демонстрирует приверженность своей культуре, расставляя акценты с учетом требований XXI века. С одной стороны, оно считается с «властью книги», с другой стороны, в продолжении темы «власть – книга» проявляет подлинный интерес к сохранению и даль-нейшему развитию китайского книжного дела, о чем говорил Си Цзиньпин [9].

В завершение статьи считаю нужным поблагодарить посла Китайской Народной Республики в Латвии г-на Тан Сунгэня (唐松根) за то, что он обратил мое внимание на передовицу из «Жэньминь жибао» от 3 июня 2023 года [9], из которой я получила первую информацию о Китайском государственном архиве печатных изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. 毛春翔. 古书版本常谈 / 春翔毛. - 上海 : 古籍出版社 , 2002 (2003. 1 重印). - 182 页. = Mao, Чуньсян. Часто обсуждаемый термин «баньбэнь» в древних книгах / Чуньсян Мао. – Шанхай: Издательство древних книг, 2002 (2003. г. 1-е переиздание). – 182 с.
2. 张凌云, 邬林桦. 何为版本? 这个唯一对公众开放的国家版本里, 究竟藏着什么 / 凌云张, 林桦邬 // 上观. — 2024 年 09 月 23 日. = Чжан Линъюнь, У Линъхуа. Что такое *баньбэнь*? Что именно хранится в единственном открытом для широкой публики Государственном архиве? / Линъюнь Чжан, Линъхуа У // Обозрение. – 23 сентября 2024 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://export.shobserver.com/baijiahao/html/790324.html>. Дата доступа: 09.25.2024.
3. 中国国家版本馆“洞库”：中华版本工程备战备灾特藏核心 // 央视新闻. — 2022 年 07 月 31 日. = «Пещера» Китайского государственного архива печатных изданий: самое сердце особого хранилища Китайского архива печатных изданий технически подготовлено к войне и стихийным бедствиям // Новости Центрального телевидения Китая. – 31 июля 2022 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sdxw.iqilu.com/share/YS0yMS0xMzA4MjQ4Mw==.html>. – Дата доступа: 30.10.2023.
4. Терентьев-Катанский, А. П. О текстах Западного Ся: Книжное дело в государстве тангутов / А. П. Терентьев-Катанский. – Москва: «Наука» ГРВЛ, 1981. – 196 с.; Меньшиков, Л. Н. Китайская книга в тангутском государстве Си Ся // Л. Н. Меньшиков. Из истории китайской книги. – Спб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. – С. 163–287.
5. 王渭清. 乾隆皇帝与《四库全书》 / 渭清王 // 上海师范大学学报: 哲学社会科学版. - 1980 , 3 号. - 78-80 页. = Ван Вэйцин. Император Цяньлун и «Сыку цюаньшу» / Вэйцин Ван // Журнал Шанхайского педагогического университета: издание философии и социальных наук. –1980, № 3. – С. 78-80.
6. 黄爱平. 四库全书纂修研究 / 爱平黄; 逸戴主编. - 北京 : 中国人民大学出版社. - 1989. - 413 页. = Хуан Айпин. Исследование книжного собрания «Сыку цюаньшу» / Айпин Хуан; гл. редактор И Дай. – Пекин: Издательство Народного университета Китая, 1989. – 413 с.
7. 中国书文化 / 屈义华, 苟昌荣主编. - 长沙 : 湖南大学出版社 , 2002. - 436 页. = Китайская книжная культура / гл. редакторы Цюй Ихуа, Гоу Чанжун. – Чанша: Издательство Хунаньского университета, 2002. – 436 с.
8. Стабурова, Е Ю. Глава 4: Антиманьчжурские политические мифы периода Цин: создание, типология, сюжеты и актуализация // Игра престолов на Востоке: политический миф и реальность / Е. Ю. Стабурова; отв. ред. М. С. Круглова, Д. В. Дубровская. – Москва: ИВ РАН, 2023. – С. 113-134. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://book.ivran.ru/sites/31/files/igra-prestolov-na-vostoketextblock-001-007.pdf>. – Дата доступа: 12.10.2023.
9. 习近平在文化传承发展座谈会上强调 担负起新的文化使命 努力建设中华民族现代文明 蔡奇主持 //人民日报. - 2023 年 06 月 03 日. = На Симпозиуме по вопросам культурного наследия и развития, прошедшего под председательством Цай Ци, Си Цзиньпин подчеркнул то, что надо взять на себя ответственность за судьбу новой культуры и прилагать силы для строительства современной цивилизации китайского

народа // Жэнъминь жибао. – 3 июня 2023 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/202306/03/nw.D110000renmrb_20230603_1-01.htm/. – Дата доступа: 30.07.2023.

Информация об авторе:

Стабурова Елена Юрьевна – и.о. директора Латвийского института востоковедения, квалифицированный доктор исторических наук, профессор, г. Рига, Латвийская Республика.

**СТРАТЕГИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА:
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
МЕЖДУ КНР И РОССИЕЙ В ЭПОХУ
ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН**

В данной работе рассматривается стратегия сотрудничества и экономического партнерства между Китайской Народной Республикой и Россией в условиях глобальных изменений. Анализируются ключевые аспекты двусторонних отношений. Особое внимание уделяется влиянию политических и экономических факторов на динамику сотрудничества, а также вызовам и возможностям, возникающим на международной арене.

Ключевые слова: КНР, Российская Федерация, экономическое партнерство, глобальные изменения, торговля, экономика.

T. V. FEDOROVA

**COOPERATION STRATEGY: ECONOMIC PARTNERSHIP
BETWEEN THE PRC AND RUSSIA IN AN AGE
OF GLOBAL CHANGE**

This paper explores the strategy of cooperation and economic partnership between China and the Russian Federation during a time of significant change. It highlights the key facets of their bilateral relationship. Special emphasis is placed on the impact of political and economic processes on the dynamics of their collaboration, as well as the challenges and opportunities that emerge on the international stage.

Keywords. China, Russian Federation, economic partnership, global changes, trade, economy.

Геополитически, Китай занимает одно из ведущих мест в АТР. Первое место остаётся за США, что и подчёркивается в нормативных актах Китайской Народной Республики, но прыжок, который за последние полвека сделал Китай нельзя считать маленьким. Китай сейчас один из важнейших экономических центров Азии, от решений которого зависит и мировое сообщество. Культурная роль Китая в мире возрастает, что связано с постоянным экономическим и политическим ростом КНР в регионе и в мире в целом. Геополитически КНР в данный момент можно считать ведущей державой Азии, хотя нельзя отрицать и постоянное присутствие развитых государств, которые стремятся насадить в Азиатском регионе собственную политику.

Китайская Народная Республика, постепенно реализует своё видение экономического партнёрства по всему миру, в особенности в регионе, где КНР выстраивает последовательную политику «мирного возвышения», реализуя концепции, которые являются руководящей силой на пути к некой форме гегемонии. Сейчас, безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе становится все более запутанной и нестабильной. Региональные конфликты затягиваются и не находят решения. На Корейском полуострове периодически возникает напряженность. В стратегическом ландшафте Азиатско-Тихоокеанского региона происходят глубокие изменения. Соответствующие крупные державы увеличивают свои стратегические инвестиции» [1].

Китай, являясь одним из полюсов многополярного мира, и представляет из себя, государство, стремящееся создать так называемый «большой Китай». В целом реализация построения Китайского мира будет зависеть от того насколько хорошо власти государства смогут склонить в свою сторону партнёров

Китай ведёт активную борьбу с постоянно возникающими угрозами собственной и международной безопасности, что выражается в своевременном реагировании на возникающие проблемы. Сегодня, в Китае сохраняется политическая и экономическая стабильность, этническое единство, подчеркивается борьба с нарастающими движениями сепаратизма, которые влияют на национальную безопасность. В основном угроза сепаратизма исходит от организаций и государств, поддерживающих «независимость Тайваня», это вносит раздор и создаёт преграды в создании единого Китая. Сепаратистская сила в Тайване и ее деятельность по-прежнему являются самым большим препятствием и угрозой мирному развитию отношений между Китаем и Тайванем. Нарастает давление, связанное с сохранением территориальной целостности Китая, его морских прав и интересов. Подозрительность в отношении Китая, вмешательство и противодействующие шаги против Китая извне усиливаются. «Соединенные Штаты, вопреки трем совместным китайско-американским коммюнике, продолжают продавать оружие Тайваню, что серьезно затрудняет китайско-американские отношения и препятствует мирному развитию отношений между двумя странами» [4].

С момента распада Советского Союза лидеры КНР последовательно характеризовали китайскую военную стратегию как претерпевающую интенсивные изменения и рассматривали международный порядок переходящий к многополярной системе развития, как жизненно важное условие для продвижения Китаем своей стратегии. Китай всесторонне углубляет экономическое партнерство, в особенности на региональном уровне, поскольку Азиатский регион, самой большой страной которого является Китай, находится хоть и на экономическом подъёме, но тем не менее в целом наблюдается затяжной конфликт интересов, часто подогреваемых извне противоречий, которые накапливались в регионе веками. Китай претендует на роль миротворца в региональной политике, поэтому выстраивает военно-стратегическое партнёрство на принципах «мирного сосуществования», но тем не менее, нельзя приуменьшать желание китайского правительства продвигать собственные интересы.

Следует отдельно выделить стратегическое партнёрство России и КНР. Китай и Россия имеют общую границу протяжённостью почти 2000 километров. Как соседи, они с момента своего основания поддерживают долгосрочные и тесные дипломатические связи. С 1950 г., когда между странами были установлены дипломатические отношения, прошло 74 года. Россия и Китай всё чаще и чаще называют друг друга важнейшими стратегическими партнёрами, о чём можно судить по международным актам, которые заключают в экономической сфере. Особенно в последнее

время, когда обе страны нарастили конфликтный потенциал и обросли санкциями со стороны запада, как никогда Россия и Китай нуждаются друг в друге [3].

Важным международным актом, подчеркивающим особенность отношений России и Китая, является «Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» [2] принятый в 2001 г., Китай и Россия поддерживают добрососедские отношения. Также следует упомянуть, что данный договор хоть и содержит в себе слова об отсутствии намерения у Китая и России сотрудничать против других государств, но в договоре отмечается, что США всё-таки являются угрозой миру. В 2005 г., Китай и Россия провели окончательную демаркацию границы, точнее Россия в надежде получить важного союзника пошла на уступки в приграничных территориях, вокруг которых были споры. В 1993 г. было принято соглашение между оборонными ведомствами, что заложило прочный фундамент для военно-стратегического сотрудничества между странами. Россия и Китай проводят в жизнь соглашения о поставках вооружения. Отношения между Китаем и Россией продолжают развиваться. 5 июня 2019 г. главы двух государств решили поднять двусторонние отношения на уровень «партнёрства всеобъемлющей стратегической координации в новую эпоху».

Таким образом, Китайская Народная Республика проводит политику построения безопасного во всех отношениях региона. Основная задача военно-стратегического партнёрства Китая, это ограничение влияния запада на регион, остановка влияния извне на сепаратизм, поддержание региональной стабильности для преобразования региона в площадку для реализации инициативы «Один пояс и один путь». На данный момент, Китайская Народная Республика представляет из себя сильнейшее в военном плане государство Азиатского региона, способное создавать интеграционные механизмы, для взаимовыгодного, а чаще выгодного именно для Китая сотрудничества. Отношения Китая с ближайшими соседями носят характер дружественного нейтралитета.

Китай стремится к построению «сообщества с единой судьбой», основываясь на изученных материалах, можно сказать, что сценарий единой судьбы сообщества должен быть написан именно так, чтобы Китай стал основным бенефициаром в построении данного сообщества. Китай отказался от прямого военного вмешательства в жизнь других государств, но военная стратегия Китая показывает желание Китая стать частью жизни тех государств, в которых он считает нужным, в особенности если это касается Азиатского региона, на пространстве которого Китай выстраивает такой способ взаимодействия между государствами, при котором возможно минимизировать риски при построении и приведении в жизнь собственных концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ван, Ц.* Транстихоокеанское партнерство и позиция Китайской Народной Республики / Ц. Ван, Д. Е. Любина // Управленческое консультирование. – 2020. – № 9(41). – С. 42–53.

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс] // Kremlin.ru. – 2001. – Режим доступа: Kremlin.ru/supplement/3418. – Дата доступа: 27.04.2021.
3. Клименко, А. Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях [Электронный ресурс] /А. Ф. Клименко// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2020. – Т. 25 – № 25. – С. 51–65. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43793304>. – Дата доступа: 27.01.2023.
4. 2020 China military power report. 2020. – Режим доступа: <https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF>. – Дата доступа: 01.05.2023.

Информация об авторе:

Федорова Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Российская Федерация.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	3
<i>Воропаев Н. Н. О соотношении фразеологизмов дяньгу и чэньюй в китайском языке.....</i>	5
<i>Дондоков Д. Д., Морозова В. С. Феномен 国潮 в современном Китае: языковая репрезентация социокультурного тренда</i>	13
<i>Гордей А. Н. Новая редакция виртуальной цепи китайского синтаксиса</i>	25
<i>Гутин И. Ю. Особенности использования языка Юэ (кантонского топонима) в Гонконге.....</i>	38
<i>Емельченкова Е. Н. Линейная структура именной группы в китайском языке.....</i>	46
<i>Ивченко Т. В. Принципы текстологического анализа и перевода китайских классических текстов (на примере русских переводов Лунь-юй)</i>	56
<i>Кремнёв Е. В., Сребникова Е. Ф. Сопоставление терминов, обозначающих направления регионалистического знания в русском, английском, китайском и японском языках</i>	67
<i>Лю Пэн. The tone variability and variation of Chinese spatial language units</i>	72
<i>Михалькова Н. В. Типы семантических отношений между детерминативом и сложными иероглифическими знаками китайского языка.....</i>	76
<i>Москалёва А. Ю. Статус модальных частиц в китайском языке и их фасцинационная семантика</i>	85
<i>Рукодельникова М. Б. Комплексный учебник китайского языка для молодежи</i>	91
<i>Филимонова М. С. Имитативность сжатых китайских логограмм</i>	96
<i>Хайдапова М. С., Жанцанова М. Г. Японские заимствования в китайском языке после начала политики реформ и открытости</i>	101
КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	108
<i>Басалыга О. В. Формы межкультурной коммуникации на примере китайской музыкальной культуры.....</i>	110
<i>Горшунов Ю. В. Китайские культурные маркеры культурной грамотности</i>	116
<i>Горшунов Ю. В. Китайские заимствования-неологизмы XX века в английском языке (по материалам словарей новых слов)</i>	123
<i>Игнатенко А. В. Особенности китайской иллюстрированной книги на примере альбома Ван Шухуэй «Западный флигель» (1957)</i>	129
<i>Коваль В. И. Китайско-русский календарь» 1905 года: от конфронтации к примирению</i>	134
<i>Шунейко Е. Ф. Тибет как источник инспирации в современном китайском изобразительном искусстве</i>	143

КИТАЙ XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	151
<i>Криштапович Л. Е.</i> Сообщество единой судьбы человечества	153
<i>Стабурова Е. Ю.</i> Власть – книга и власть книги.....	161
<i>Федорова Т. В.</i> Стратегия сотрудничества: экономическое партнерство между КНР и Россией в эпоху глобальных перемен	170

На обложке:

Феникс из парка ледяных фигур «Harbin Ice and Snow World Park»
города Харбин провинции Хэйлунцзян КНР

Научное издание

ПУТИ ПОДНЕБЕСНОЙ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК XII

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка *Н. В. Михалькова*
Обложка *А. Н. Гордей, П. В. Гибкий*

Ответственный за выпуск *А. Н. Гордей*

Подписано в печать 17.03.2025. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,32.
Тираж 50 экз. Заказ 10.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Минский государственный лингвистический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337.
ЛП № 3820000064344 от 10.07.2020 г.
Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

ISBN 978-985-28-0168-3

9 789852 801126